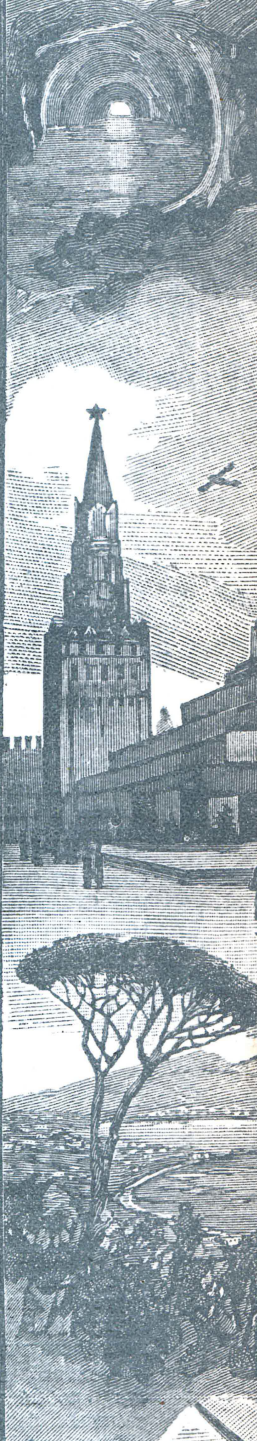

1947

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 8
Август

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

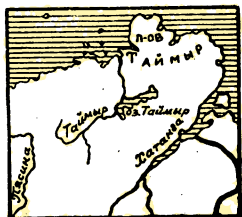
КАРТА

Бурный Терек, несущий свои воды по горам и долинам Кавказа, скоро отдаст свою энергию гидроэлектростанциям Терского каскада — большой новостройки послевоенной сталинской пятилетки. Всего на Тереке возможно соорудить до пятнадцати гидроэлектростанций. Самая большая из них — Дарьяльская — обеспечит электроэнергией промышленность Северной Осетии, Грозненской области и ряда районов Ставрополья и Кабарды. Первая гидроэлектростанция сооружается за городом Дзауджикау. Она вступит в строй уже в 1948 году.

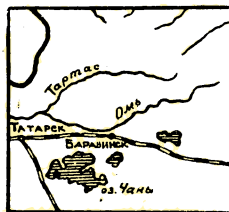
В ГЛУБЬ ТАЙМЫРСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В центральных районах Таймырского полуострова работает экспедиция Арктического института. Здесь сохранилось одно из немногих, еще не стертых «белых пятен» на карте нашей страны. В глубине тундры участники экспедиции увидели очертания незнакомых гор, побывали на пустынных берегах величайшего в Арктике Таймырского озера. Собраны ценные сведения о природных богатствах полуострова.

ИЗУЧЕНИЕ БАРАБИНСКОЙ СТЕПИ

Около десяти тысяч километров пройдут в этом году научные работники Почвенного института Академии наук СССР среди степей, болот и лесов Барабинской низменности (Западная Сибирь). Участники экспедиции продолжают работы по составлению почвенной карты этого района, исследуют засоленность Барабинской степи, где по пятилетнему плану намечено дальнейшее развитие животноводства и маслоделия. Постоянные станции института работают в Барабе в течение круглого года.

ЧАРДЖОУ-КУНГРАД

Трудящиеся Узбекистана и Туркменистана готовятся к вооружению новой железнодорожной магистрали Чарджоу — Кунград. Пользуясь автотранспортом и вьючными верблюдами, экспедиция советских геологов и инженеров-путейцев закончила изыскательские работы на всей трассе будущей дороги длиной в 615 километров. Сооружение этой магистрали поможет дальнейшему подъему народного хозяйства среднеазиатских республик.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 8

Август

Журнал основан в 1861 году

Москва. Кремль. Боровицкая башня.

СОВЕТСКИЕ ГЕОГРАФЫ И ГЕОЛОГИ

ЛАУРЕАТЫ

СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Советские географы и представители смежных с географией наук с радостью узнали из постановления Совета Министров Союза ССР о присуждении сталинских премий за выдающиеся работы в области геолого-географических наук, опубликованные в 1946 году. От всей души приветствует и наш журнал новых лауреатов — передовых советских географов и геологов: А. А. Григорьева, А. Г. Бетехтина и А. А. Саукова. Удостоенные премиями, произведения каждого из них представляют собой итог долгой, напряженно-творческой работы, вооружающей советскую науку новыми методами исследования наших природных богатств.

Академик Андрей Александрович Григорьев — видный советский ученый, бессменный руководитель созданного им Института географии Академии наук СССР, этого ведущего научно-географического учреждения нашей страны. Всю свою жизнь большевика и ученого Андрей Александрович отдал любимой науке и родине. Создать подлинно марксистскую географию, основанную на принципах диалектического материализма, — такую задачу поставил себе А. А. Григорьев. Задача эта была нелегкой: в теоретических основах географической науки было еще много путаницы, занесенной с запада господствующими в буржуазной науке идеалистическими воззрениями. Предстояло разработать новые методы исследования, которые дали бы возможность не ограничиться одним лишь описанием географических явлений, но и установить самые основные, наиболее общие их закономерности. Разумеется, это можно было сделать, только опираясь на огромный

опыт непосредственного изучения природы. А. А. Григорьев, не один десяток лет лично проводивший полевые географические работы, изъездивший много районов нашей страны, вполне владеет этим опытом. Его теоретические изыскания сосредоточены главным образом в области физической географии. Область сложного взаимодействия литосферы (наружные слои земной коры), гидросферы, атмосферы и биосферы ученый назвал физико-географической оболочкой земного шара. Он доказал единство этой оболочки, установил, что изменения ее происходят в силу хотя и весьма сложного, но в своей основе единого процесса. Этот физико-географический процесс и стал изучать А. А. Григорьев. Проследив шаг за шагом его проявления в различных зонах, ученый показал, что ведущим звеном для него, помимо явлений горсообразования, служат климатические явления, в свою очередь связанные с солнечной радиацией. Сама интенсивность проявления физико-географического процесса оказалась зависящей от сочетания тепла и влаги; эти сочетания создают и так называемые радиационные рубежи — те рубежи, где происходит резкая смена всего радиационного режима. А. А. Григорьева не удовлетворяло открытие одних лишь качественных сторон физико-географического процесса; поставив целью приблизить советскую материалистическую географию к тому уровню, на котором стоят точные науки, А. А. Григорьев стремится получить и количественно-числовые характеристики. Предложенный им метод баланса (баланса энергии, баланса влаги, баланса органиче-

Андрей Александрович Григорьев, академик, директор Института географии Академии наук СССР.

Рис. Г. Кравцова

ского или минерального вещества и т. д.) вооружает чашу географию новой методикой, позволяет охарактеризовать единый физико-географический процесс через систему этих балансов. В этом огромная заслуга академика А. А. Григорьева. Постепенно оттачивая свою методику, последовательно применяя ее к различным зонам земного шара, ученый организовал в различных районах страны стационарные географические станции и постоянно руководит их работой. Здесь, на станциях, наблюдатели тщательно исследуют и измеряют отдельные стороны физико-географического процесса: сток и испарение, поглощение и отражение солнечных лучей, роль снежного покрова, отложение минеральных частиц. Все эти наблюдения, точки которых умышленно выбраны в различных географических условиях, например на высокогорьях Тянь-Шаня и в Подмосковье, проводятся по общему широко задуманному плану.

Книга А. А. Григорьева «Субарктика», увенчанная ныне Сталинской премией, является выдающимся трудом, в котором наиболее полно применена новая методика географического исследования, разработанная лауреатом. «Субарктика» подытоживает все накопленные нашей географической наукой данные: об обширном тундровом поясе и обобщает их на основе новой, материалистической методологии; поэтому эта книга представляет и выдающийся теоретический интерес. Ценность ее тем более велика, что А. А. Григорьев — один из лучших в мире знатоков этого пояса. Его собственные полевые изыскания в значительной степе-

ни были посвящены именно Субарктике. Еще в 1904 году, только начиная свою научную деятельность, А. А. Григорьев исследовал Большеземельскую тундру. В 1921 году он снова ведет там экспедиционные работы. Следующим районом Субарктики, в котором А. А. Григорьев исследовал не одно «белое пятно», был Кольский полуостров — здесь он провел несколько полевых сезонов. Большая географическая экспедиция в Якутию, обследовавшая малодоступные районы Лено-Алданского плато, Вилюйского бассейна и Верхоянского хребта, которой руководил А. А. Григорьев, также немало помогла ему изучить явления вечной мерзлоты, условия развития растительности в суровом климате, образование огромных наледей и другие черты, составляющие особенности также и Субарктики. За исследования в Якутии, требовавшие немало выносливости, мужества и решительности, Географическое общество наградило А. А. Григорьева одной из своих высших наград — медалью имени Пржевальского.

Ныне Сталинская премия увенчивает в лице А. А. Григорьева человека большой науки, подлинно передового советского ученого.

Труд геолога, исследователя ископаемых богатств наших недр, достигает успеха лишь в том случае, когда изыскательская работа в полевых условиях сочетается с обобщением огромного опыта, накопленного наукой в прошлом.

Это подтверждают работы двух других лауреатов — А. Г. Бетехтина и А. А. Саукова.

Анатолий Георгиевич Бетехтин, член-корреспондент Академии наук, старший научный сотрудник Института геологических наук.

Рис. Е. Родионовой

А. Г. Бетехтин лично исследовал все главнейшие марганцевые месторождения нашей страны; в его труде «Промышленные марганцевые руды» описывается 168 месторождений; значительная часть их была изучена автором непосредственно на месте. Он разработал классификацию марганцевых руд, впервые дал нашим горнякам методику оценки промышленного значения отдельных месторождений. Только на основе широкого геологического кругозора и учета опыта эксплуатации десятков месторождений можно было создать подобную капитальную сводку. Недра СССР хранят многие кладовые марганца, этого необходимейшего для современной металлургии металла. Труд лауреата Сталинской премии А. Г. Бетехтина впервые дает нашей горнорудной промышленности все данные для того, чтобы ввести в разработку и те относительно бедные, но удобно расположенные месторождения марганца, которые до сих пор привлекали мало внимания. А ведь какую экономию на одном только транспорте это даст социалистическому хозяйству! В годы Отечественной войны А. Г. Бетехтин отдал родине все свои обширные знания, чтобы помочь металлургии тыла освоить многочисленные второстепенные месторождения восточных районов.

А. А. Сауков много лет изучает распределение в земной коре ртути, этого «капризного» элемента, геохимия которого, по выражению академика А. Е. Ферсмана, «еще полна загадок». Эти загадки шаг за шагом от-

крывал А. А. Сауков — геохимик, один из учеников А. Е. Ферсмана. Обычные руды ртути (киноварь и некоторые другие минералы) встречаются сравнительно редко, но примесь ртути можно обнаружить во многих минеральных соединениях и даже в органических веществах. В своем труде «Геохимия ртути», удостоенном Сталинской премии, А. А. Сауков разработал новые методы химического анализа, которые позволили ему исследовать законы распределения так называемой «рассеянной ртути» и предложить геологам-разведчикам ряд способов предсказать возможные скопления ее в земной коре. Насколько существенна проблема «рассеянной ртути» (не только с точки зрения геохимической теории, но и для правильного направления поисковых работ), видно из того, что, по расчетам А. А. Саукова, только 0,02 процента всех атомов ртути (в слое земной коры глубиной до 1 километра) заключено в известных пока и промышленно-эксплуатируемых месторождениях. Ртуть — «живое серебро», «серебряная вода», как называли ее в старину, — является очень ценным металлом, необходимым для многих областей техники, медицины, химии. Гипотеза происхождения скоплений ртути в земной коре, выдвинутая А. А. Сауковым, основана на глубоком изучении химических и физических свойств этого элемента (например, растворимости его соединений, их устойчивости и т. д.). Гипотезу эту ученый-геохимик тщательно проверил

Александр Александрович Сауков, доктор геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологических наук.

Рис. Б. Грозевского

путем сопоставления с фактическим распределением ртути в известных мировой промышленности месторождениях, в так называемых «ореолах рассеяния» вокруг этих месторождений, наконец в незначительных примесях.

Для исследования этих примесей ученым разработаны новые методы анализа. Труд А. А. Саукова представляет ценный вклад в науку, имеющий и большое практическое значение. Лауреат лично исследовал все сколько-нибудь значительные ртутные месторождения СССР. Он побывал на ртутных разработках и месторождениях Средней Азии, Забайкалья, Алтая, Донбасса, Урала. Ряд вновь открытых, тогда еще недостаточно исследованных месторождений А. А. Сауков лично разведывал (например, Хайдарканское, Чаувайское, Нерчинское); им было доказано промышленное значение некоторых из них. Эксплуатация созданных на этих месторождениях рудников имела особенное значение в годы Отечественной войны.

Наряду с присуждением Сталинских премий в области геолого-географических наук, Сталинскими премиями отмечены многие геологи и изыскатели. Вот блестящая плеяда новаторов—нефтяников и газовиков. Ба-

ба-Заде и Джафаров, настойчивыми, широко задуманными разведками открывшие для нашей нефтепромышленности новое Бузовно-Маштагинское нефтяное месторождение (на Апшеронском полуострове), имеющее большое народнохозяйственное значение. Вот инженеры Бернштейн, Кремс, Сиротко, Паничев, открывшие и обеспечившие своими изысканиями промышленное освоение газовых месторождений Верхней Ижмы (около Ухты). Сибирские геологи много поработали над дальнейшими разведками углей в Кузбассе. Геологам Звонареву, Радченко, Скок, Станову, Молчанову присуждены Сталинские премии за открытие новых месторождений коксующихся углей в южной части Кузбасса. Разведчик-геофизик Логачев стал сталинским лауреатом за изобретение аэромагнитометра и создание нового метода поисков железорудных месторождений с помощью воздушно-магнитной съемки.

Все советские географы и геологи, лауреаты Сталинских премий продемонстрировали выдающиеся достижения в изучении природы и освоении ее богатств. Их труды, достойно отмеченные высокой правительственной наградой, являются значительными вехами на путях создания новой, социалистической географии нашей родины.

Ереван ночью.

Фото Ю. Еремина

СЕВАННО-ЗАНГИНСКИЙ КАСКАД

Б. АЗБУКИН

(Путевые записи)

С холма, где мы стоим, открывается чудесный вид на Араратскую равнину, окруженную высокими горными хребтами. Прямо перед нами — Эчмиадзин, старейший город Армении, утопающий в зелени фруктовых садов и виноградников. Вокруг раскинулись богатые зеленые колхозные поля, изрезанные густой сетью каналов и канав. Весело искрится вода под яркими лучами щедрого южного солнца.

Мой спутник, один из основателей колхоза имени Микояна Эчмиадзинского района, сказал:

— Вода для нас — это жизнь, это все. Смотрите: все, что возделывается здесь рукой человека, — все искусственно орошается.

Спутник мой умолк и посмотрел на сверкающую громаду Арагаца.

— Какая злая шутка природы, — продолжал он. — Здесь земля изнывает от жажды, а там, — он указал правее Арагаца, — между вершинами гор целое море заковано в скалах.

Недостаток воды — извечная тра-

гедия Армении, в частности Араратской долины. И сколько существует эта древняя страна, столько народ ее борется за воду и в союзе с водой отвоевывает землю.

Почва долины — тучная, жирная, образовавшаяся из лав, подвергшихся разрушительному воздействию тысячелетий. Произрастают на ней чудесные плоды, получают богатые урожаи, — там, где есть вода. Но ее всегда не хватает. Дождей выпадает мало. Во многих районах земледелие возможно только при искусственном срошении. Вся вода, поступающая с гор, разбирается оросительными каналами, построенными иногда две-три тысячи лет назад, и хватает ее лишь на незначительную часть долины, возделываемую сегодня рукой человека. В остальном Араратская долина — это голая, пустынная, иссохшая от жажды степь, лишь кое-где поросшая чахлой, горькой полынью. А высоко над нею, в поднебесье, среди горных вершин, окутанных облаками, спрятана природой гигантская ча-

ша с драгоценной влагой — озеро Севан.

В древней космической катастрофе извержения лавы запрудили исток реки Зангу. Образовалось озеро почти в 80 километров длиной. Лишь незначительная часть воды выплескивалась через края озера в реку Зангу и просачивалась в трещины гор. Если бы прорубить брешь в каменной чаше Севана, то воды его могли бы дать жизнь всей Араратской котловине.

К этому морю — Севану — с надеждой устремлены взоры не только земледельцев, обитателей Араратской долины, — на него оживающе смотрят и столица республики Ереван, и другие города Армении, а также фабрики и заводы, нуждающиеся в новых потоках электроэнергии. С планами сооружения севанских электростанций сочетают свои проекты строители десятков и сотен предприятий, возводимых в нынешней пятилетке в различных районах Армении. Севан должен вдохнуть жизнь в эти новостройки.

Недра Армянского нагорья таят в себе несметные богатства. В них найдены неисчерпаемые залежи меди, молибдена, магния, полиметаллов, огромные запасы нерудного сырья, в частности туфа, мрамора, красотой которого любуются москвичи, проезжая станции метрополитена. Но страна эта лишена минерального топлива — в Армении нет угля и нефти. Основой ее энергетики может быть только вода и прежде всего неисчерпаемые водные сокровища Севана. С ним связан весь завтрашний день страны. Вот почему о Севане думает и говорит вся Армения.

* * *

В Армении есть много таких мест, которые щедрая южная природа словно обошла. Здесь много камня и почти нет жизни. Но когда едешь по шоссе из Еревана на Севан, этот безжизненный пейзаж часто и внезапно обрывается, сменяясь чарующей картиной буйного цветения. Шоссе обступают тогда виноградники и сады, тянущиеся на многие километры и то взбегающие вверх по кручам, то спускающиеся в долины. По мере того как дорога взбирается все выше и выше, места становятся пустынее, селения реже, растительность беднее, деревья исчезают, лишь по склонам гор зеленеют альпийские луга.

До Севана по шоссе — всего 73 километра. Но быстрый подъем дает себя чувствовать. В Ереване, оставшемся в котловине, на высоте 900 метров над уровнем моря нестерпимо пекло солнце, а здесь прохладно.

Шоссе сделало последний поворот, и мы увидели, как между скал заискрилась на солнце полоса воды.

Величественно видение Севана — геммоносного озера-моря, крутыми шумными волнами омывающего скалистые берега. Сказочно зрелище этой гигантской синей чаши, окаймленной пестрым цветным ковром альпийских лугов, окруженной со всех сторон коричневыми хребтами Гегамских и Гюнийских гор.

Поверхность Севана — 1413 квадратных километров. По величине это второе высокогорное пресноводное озеро в мире. По своим размерам оно в два с половиной раза больше Женевского.

Глядя на эту синюю гладь, сливающуюся на горизонте с лазурью неба, я невольно вспомнил свой недавний разговор о несправедливости природы, о жаждущей земле и закованном в скалах море.

37 рек стекают с гор и впадают в Севан. Гремят весенние грозы, проносятся ливни, выпадают снега. В озеро прибывают огромные массы воды, а вытекает из него одна небольшая река — Зангу. Из 1300 миллионов кубометров воды, поступающих в него ежегодно, Севан отдает подземным источникам и Зангу только тринадцатую часть.

Река Зангу у Еревана (Армянская ССР). Вдали гора Арарат.

Остальная вода исчезает бесследно, испаряясь под прямыми палящими лучами горного солнца.

Мысль исправить несправедливость природы и спустить воды Севана на тучные земли Араратской долины возникла еще 40 лет назад у экономиста-мелиоратора Сукиаса Манасаряна. Он внес смелое по замыслу предложение: слить воды Севана, понизив уровень его на 55 метров (при глубине 37 метров), для того чтобы, в семь раз уменьшив зеркало озера и настолько же сократив его испарения, увеличить сток воды в Зангу. Высохшая часть Севана обещала предоставить для земледелия 100 тысяч гектаров плодороднейшей земли. Для Армении

такая площадь весьма значительна, если учесть, что во всей Араратской долине насчитывается всего 230 тысяч гектаров долезных земель.

Крестьяне сразу оценили умную и смелую идею своего земляка Манасаряна и послали ходяков в Тифлис просить об осуществлении этого проекта. Но инспектор вод на Кавказе им ответил:

— До нас тысячи лет Севан испарялся, пусть продолжает испаряться и после нас...

Лишь при советской власти, когда Армения встала на путь быстрого индустриального развития, было приступлено к широкому изучению севанской проблемы. Деятель-

ное участие в этой работе принял и сам Манасарян.

Проблема была очень сложной. Ничего подобного в мире еще не предпринималось. Требовалось решить сотни различных научных и технических вопросов. 20 научно-исследовательских институтов Армении, Ленинграда, Москвы приняли участие в разрешении севанской проблемы. Многочисленные экспедиции в течение нескольких лет работали на озере. Только одних замеров глубин сделано свыше 50 тысяч.

В результате длительных и многочисленных изысканий родился грандиозный план использования севанских вод, реализация которого рассчитана на 15—20 лет.

План этот основан на той же смелой технической идее: спуске вековых запасов воды из Севана в вытекающую из него Зангу и уменьшении площади озера. Севан, как известно, расположен на высоте почти 2 тысяч метров, Ереван же, к которому течет Зангу, — на уровне 900 метров. Этот перепад и используется для сооружения на реке нескольких электростанций, комплекс которых носит звучное название Севано-Зангинского каскада.

Ученые подсчитали, что за 50—60 лет можно слить большую часть воды, сократив зеркало озера в шесть-семь раз и тем самым соответственно уменьшить его испарение. Одновременно будет достигнута стабилизация «водного баланса» Севана, и он превратится в обильное проточное озеро, способное и впредь питать своей водой все гид-

ростанции каскада. Но тогда в Зангу за год будет стекать уже не 50, как сейчас, а 600—700 миллионов кубометров воды, большая часть которой ранее испарялась.

Приведя в движение турбины электростанций каскада, вода поступит в широко развитую систему каналов и оросит свыше 220 тысяч гектаров, в том числе 120 тысяч гектаров сейчас пустующих земель Араратской долины. Что это означает?

Каждый гектар насаждений в долине — это несколько тонн винограда или фруктов, а значит и много тысяч литров вина или банок фруктовых консервов. Уже сегодня быстрые севанские воды журча бегут по сооруженному каналу имени Сталина, орошая левые берега Зангу и Аракса. Позднее воды Севана через новый Нижне-Зангинский канал прольются на всю Араратскую долину.

Однако уровень озера понизится на 50 метров только через 50 лет. А как будет до того? До того, сливая «лишнюю» воду Севана, возобновляемые запасы которой составляют 50 миллиардов кубометров, можно будет в течение полувека выпускать из озера не 600—700 кубометров воды ежегодно, а в два раза больше.

Запасы «лишней» севанской воды, низвергаясь с более чем километровой высоты, способны произвести до 150 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — столько же, сколько дает 100 миллионов тонн первосортного донецкого угля. Ина-

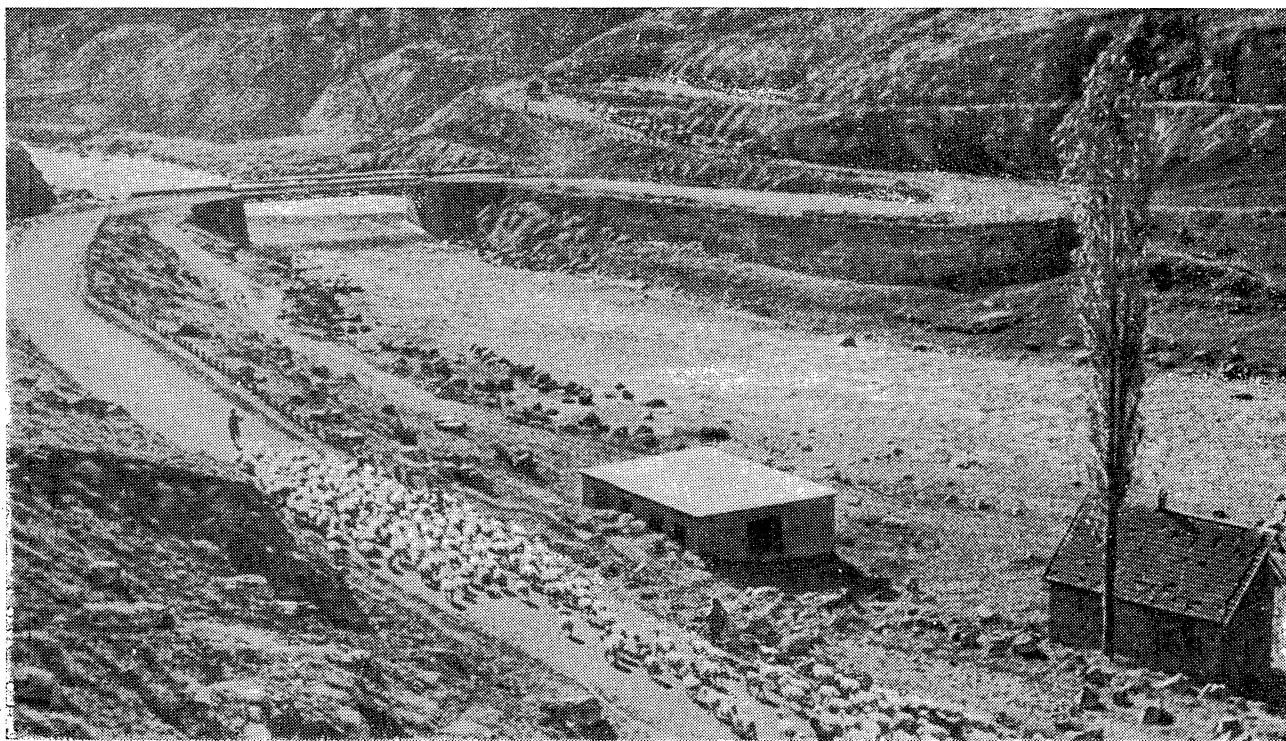
че говоря, водные сокровища Севана равны целому угольному бассейну. Но бассейн «белого угля» в вершинах армянских гор имеет явные преимущества — разработка никогда не истощит его. Бурные реки, стекающие с гор в чашу Севана, и выпадающие дожди и снега постоянно будут ее пополнять.

* * *

Но как бы круто ни падали с гор севанские воды, без крупных искусственных сооружений — тоннелей, плотин — не обойтись. Чтобы заставить Зангу приводить в движение мощные турбины, вода ее забирается в специально прорытые под землей тоннели, по которым она несколько километров течет почти горизонтально, а затем сразу круто, с большой высоты обрушивается вниз.

В таких местах сбросов воды запроектированы гидростанции. Человек, укротив реку, заставляет ее как бы прыгать со ступеньки на ступеньку. Вода, отработанная в турбинах одной электростанции, будет затем поступать на следующую, расположенную ниже.

Общая мощность их значительно превысит мощность Днепрогэса. Но по сравнению с Днепрогэсом, у Севанского каскада огромные преимущества. Мощность Днепрогэса зависит от времени года, от количества воды: в полую воду его турбины работают с предельной нагрузкой, зимой их нагрузка снижается. Севанский же каскад, рас-

Армения. Выгон овечьих отар на горные пастбища.

Фото С. Фридлида

полагая устойчивым балансом воды, не будет зависеть от капризов природы и будет отличаться исключительной энергетической гибкостью. Интенсивность работы гидростанций целиком подчинена воле человека.

Так будет! Пока же из намеченных крупных электростанций каскада работает лишь одна — Канакерская.

Но если одна Канакерская станция каскада послужила базой быстрого расцвета промышленности Армении, то можно себе представить, что сулит ввод в строй Озерной ГЭС и первой турбины Гюмушской гидростанции, пуск которых запланирован в текущем пятилетии.

В частности, Гюмушская ГЭС, располагаясь ниже Караван-Сарайской, будет крупнейшей из высокогорных гидростанций Советского Союза, существующих и запроектированных, и притом даст самую дешевую энергию. Стоимость Гюмуша меньше стоимости тепловой станции такой же мощности. В следующем пятилетии, достигнув полной мощности, она будет вырабатывать столько же электроэнергии, сколько все остальные станции Севанского каскада. Это будет самая рентабельная гидростанция в Советской стране.

Воды, отработанные на Гюмуше, поступят в Арзнинскую ГЭС. Потом они пойдут к Канакерской ГЭС, а затем на Ереванскую и Чарбахскую гидростанции, мощность

которых в совокупности превысит 100 тысяч киловатт.

* * *

Есть старая армянская пословица: «Не ставь свечи у креста, а ставь у истока воды», отражающая вековую борьбу армянского народа за воду, дарующую здесь жизнь всему. Но не восковую свечу, а тысячи электрических огней зажигает армянский народ на берегу Севана, у самого истока реки Зангу. Огни Озерной гидростанции, сооружаемой здесь, будут с высоты горных вершин светить над всей Арменией, как немеркнущие факелы Сталинской эпохи.

Значение Озерной станции очень велико. Это ключевая позиция всего каскада. Расположившись у самых берегов Севана, она является как бы огромным краном, выпускающим в Зангу через свои водозаборные сооружения колоссальные массы воды, которые смогут обеспечить работу на полную мощность не только Канакерской ГЭС, но и всех севанских гидростанций, к тому же эти воды оросят поля. Вот почему к строительству ее сейчас приковано внимание всей Армении. Севано-Зангинский каскад — ключ к развитию всего народного хозяйства республики. Уже в этой пятилетке полный ток Канакерской ГЭС и энергия Озерной станции обеспечат не только всю действующую промышленность, но и пуск десятков новых фабрик и заводов.

Таких гидростанций, как Озер-

ная, в нашей стране еще нет. Уникальность ее не только в высоте расположения, но и в том, что она строится глубоко под землей. Через полвека, когда будут слиты в Зангу все накопленные запасы севанских вод, озеро опустится. Вот почему Озерная ГЭС со всеми водозаборными сооружениями строится под землей. Через полвека, когда будут израсходованы запасы вод Севана, Озерная станция прекратит свою работу. Будут работать лишь нижележащие станции.

Сейчас строительство Озерной гидростанции напоминает собой большой рудник. На поверхности, у подножия гор, обступивших Севан, виднеются рудничные вышки. В воздухе шум мощных компрессорных установок, подающих воздух к бурам и отбойным молоткам. Люди, работающие здесь, напоминают шахтеров: та же прозодежда, те же резиновые сапоги.

Начальник головного участка — инженер-гидротехник Сисак Саркисян, быстрый и порывистый в движениях, — горопит нас еще до окончания работы смены пройти в забой, так как в перерыве между сменами производятся взрывы.

Мы облачаемся в водонепроницаемые плащи, надеваем резиновые сапоги и поднимаемся метров на 50 в гору, где находится рудничная клеть. Через минуту клеть скользит в бетонный колодец, и в темноте мы опускаемся на глубину 100 метров. Мы в каменном чреве горы. Перед нами тоннель, в кото-

На озере Севан в Армении. Лучшая бригада Севанского промысла треста «Армрыба» (бригадир М. Давидян) выбирает невод с уловом форели.

ром свободно прошли бы поезда московского метро. В электрическом свете тускло блестят грани скальных плит. Проходка ведется в крепчайших вулканических породах. Нелегка работа в этих скальных шпелках, среди потоков грунтовых вод, ручьями льющихся сверху, да притом еще на большой высоте — два километра над уровнем моря. Непривычных в первое время мучают одышка, голозные боли. Но люди, вооруженные мощными бурами, вгрызаются в породу. Вагонетки одна за другой откачивают каменные глыбы к клеги, подающей выработку на-гора. За проходчиками неотступно следуют крепильщики, за ними — монтажники, замысловатыми узорами выкладывающие металлический каркас, а бетонщики заливают потолок и стены бетоном. Так метр за метром прокладывается тоннель.

Уже пройдено более 4 километров. В голове тоннеля, поднявшись по небольшой лесенке, мы вошли в огромный, высеченный в скале зал, по своим размерам напоминающий станцию метро. В нем разместятся турбины и все механизмы управления станции. Вплотную к залу подходит нижним своим концом напорный тоннель, по которому скоро с бешеным грохотом ринутся вниз воды Севана. Часть воды примут на себя турбины, большая же часть,

кипя и бурля, промчится слева, по обходному боковому тоннелю; там, обрушившись на гасители, обессилев и укротившись, они потекут длинным подземным коридором в реку Зангу.

К концу текущего года все водозаборное сооружение, состоящее из водоприемника, напорного и отводного тоннелей, будет закончено.

Работники озерной стройки, начиная от начальника, талантливого инженера Ашота Мовсесова, и кончая рядовыми забойщиками, делают все, чтобы ускорить окончание работ. К тридцатилетию Октябрьской революции севанстроевцы готовят свой подарок. К этому великому дню проходчики разных участков и забоев выйдут под землей навстречу друг другу: главный большой тоннель будет вчерне пройден по всей трассе, останутся лишь доделочные работы.

* * *

Некогда казавшийся фантастическим план покорения недосягаемого горного озера-моря сегодня на наших глазах становится явью. Грандиозен объем работ Севанского каскада. Предстоит вынуть миллионы кубометров земли, скал, уложить многие сотни тысяч кубометров бетона и железобетона, проложить под землей несколько десятков километров тоннелей. Предсто-

ит возвести плотины, корпуса электростанции, поселки, построить железную дорогу от Еревана до озера, протянуть сотни километров мощных высоковольтных линий.

Сооружение каскада разрешает одновременно главные проблемы Армении — орошения и электрификации, положенные в основу послевоенной сталинской пятилетки. Когда войдут в строй все станции Севана, Армения будет самой передовой страной в мире по потреблению электроэнергии.

Использование севанских вод позволит широко развить в Армении производство, требующие большого количества электроэнергии — промышленность цветных металлов, химическую. Во много раз расширится производство машин, электропромышленность, металлообработка.

Общий объем промышленной продукции в 1950 году вырастет в Армении по сравнению с 1940 годом более чем в два раза. И все это только первые результаты использования севанских вод!

Севан, на протяжении тысячелетий ничего не дававший Армении, сейчас на наших глазах становится источником ее благоденствия, процветания, становится орудием человека, покоряющего природу, претворяющего в реальность грандиозные планы новой сталинской пятилетки.

ПОДВИГ МГЕРА-МЛАДШЕГО

(К рисунку на обложке)

Проблема водоснабжения, орошения засушливых районов всегда была одной из самых сложных в жизни армянского народа.

Воды в Армении немало, но зачастую вода есть в избытке там, где она пропадает втуне, и ее нехватает там, где плодородная, но засушливая почва задыхается от недостатка влаги.

В самые давние эпохи армянского земледельца волновала мысль о разумном перераспределении воды, о таком ее использовании, при котором она могла бы орошать все земли страны, сделать их еще более обильными и богатыми.

Эту мечту о воде армянский народ воплотил и в древнейших своих сказаниях и легендах.

Вот как перестраивает географию страны сказочный богатырь армянского эпоса Мгер-Младший:

*Сел Мгер на коня Джалали,
Поехал к своей Гоар.
По пути через город Чзиру проезжал.
В том городе есть река Чзиру-Шат.
Когда разольются сто сорок рек—
Все сбегает в ту реку одну.
Трижды сметала город река.*

*Приехал в город Мгер.
Громадную скалу он притащил,
За городом в поток ее свалил,
На две реки поток разделил.
Одна река — налево течет,
Другая река — направо течет.
Меж ними город стоит невредим...*

Мгер-Младший, внук Мгера-Старшего, сын Давида Сасунского — один из любимейших героев армянского эпоса. По существу, вся семья этих богатырей — это сам армянский народ со всеми его свободолюбивыми надеждами и стремлениями.

Величайшие подвиги во имя освобождения армянского народа от многовекового чужеземного ига совершают Мгер-Старший и Давид Сасунский.

Еще большие подвиги суждено свершить Мгеру-Младшему, обладателю еще большей природной силы, чем сила отца, чем сила деда. Но легенда отделяет час свершения этих подвигов. В древних песнях своих народ армянский надолго прячет Мгера-Младшего с его огненным конем Джалали в толще скалы. Пробыет час, разверзнется скала, и выйдет из нее Мгер для величайших подвигов, для сокрушения старого мира, для созидания нового.

И вот этот час пробил. Октябрьская социалистическая революция освободила армянский народ от тысячелетнего рабства. Мгер-Младший вышел на свободу из скалы и создает новый, светлый мир. По-новому строит он и географию своей страны — свободной и счастливой Советской Армении, и освобождение вод Севана, которые оросят тысячи гектаров засушливых земель, — один из первых замечательных подвигов этого скинувшего свои многовековые путы богатыря.

ЯРОСЛАВ ИОСЕЛИАНИ,
Герой Советского Союза

Рис. С. Боим

В порту Истамбул турки спешно заканчивали погрузку пароходов, отправляемых для немцев в черноморские порты. Среди этих судов выделялось большое транспортное судно. Оно грузилось с особой тщательностью и заботливостью. Нищие, которых в Турции больше чем где-либо на свете, не роились возле него как обычно. Их не подпускали близко к этому транспорту. Они стояли возле портовых ворот, смотрели в щелки и налетали саранчой на каждого моряка, выходящего из порта.

У кормы пришвартованного к пирсу корабля беседовали два человека. Один из них был немец, капитан парохода Гоухен, другой — начальник военных погрузок порта турок Али-Олук-Оглы. Собственно, говорил больше капитан Гоухен. Его хриплый голос чаще слышался на причале. Голос же турка напоминал мяуканье кошки, которой тяжелым сапогом наступили вплотьма на хвост. Совсем не чувствовалось, что турок на своей родной земле говорит с чужеземцем. Напротив, чужеземец чувствовал себя, как дома.

Ни для кого не секрет, что турки усердно помогали немцам во время Великой Отечественной войны. Выступить открыто против Советского Союза они опасались, помня уроки истории, которая говорит о том, что русские турок всегда били. Но исподтишка турки услужливо помогали нашему врагу.

— Лениво грузят ваши собаки! — сказал Гоухен, дедя слова сквозь зубы. — Вы работаете для великой Германии. И должны помнить это.

— Клянусь аллахом, мы сильно накажем виновных!.. — начал было свои оправдания турок.

— Мне нужен не аллах, мне нужен выход в море к четырем часам дня, ни минутой позже! Ступайте, пусть мое приказание будет немедленно исполнено.

Турок удалился. Через несколько минут голос Али-Олук-Оглы окреп и из жалкого кошачьего превратился в ливинный рык. На своих соотечественников он кричал что было сил, угрожая им разными наказаниями, если они задержат отправку парохода хотя бы на пять минут сверх указанного срока.

В четыре часа дня пароход был готов для выхода в море. Он покинул порт без всяких отходных сигналов, тайно.

* * *

Командир группы подводных лодок вызвал к себе капитана третьего ранга, командира подводной лодки «Гвардейка».

В своем подразделении командир группы пользовался большим уважением: он был одним из старых и опытных советских подводников.

Протянув руку капитану, он коротко, по-молодецки сказал:

— Михаил Васильевич, по нашим сведениям из турецкого порта Истамбул в Одессу (Одесса была тогда оккупирована) выходит фашистский пароход с очень ценным военным грузом. Надо обязательно его утопить. Я решил послать для этой цели вас. Выходите в море сейчас же, не теряя ни минуты. Все. Желаю успеха!

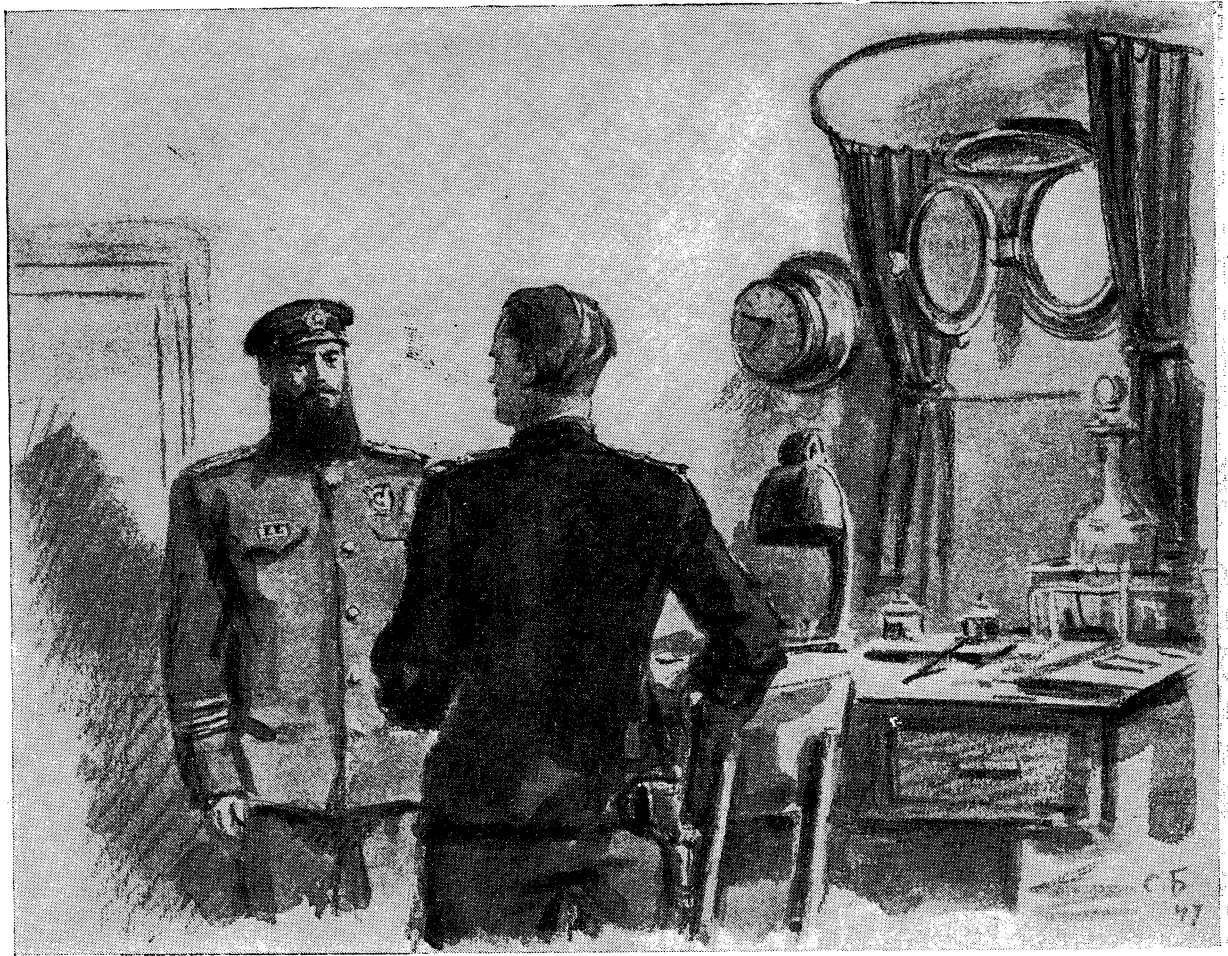
То, что именно ему, Михаилу Васильевичу, поручалось выполнение столь ответственного боевого задания, не являлось случайностью. Михаил Васильевич был прославленным советским подводником, грозой для фашистских моряков.

«Советский Черномор», «Большевицкий злой Черномор» — так звали его немцы. Имя капитана гремело не только на Черном море, но и на Балтике и даже среди моряков Северного флота.

Этот быстрый в движениях, энергичный, красивый, с большой, аккуратно подстриженной, черной, как смоль, бородой, человек был исключительно смелым офицером. Воевал, как Илья Муромец, будто «смерть ему в бою не написана». О смерти он и не думал, уходя в море.

Подлодка «Гвардейка», которой он командовал, не раз ходила к берегам противника и топила своими торпедами и артиллерией корабли врага.

«Гвардейка» вышла в Черное море наперехват противнику. Мысль всех членов экипажа сводилась к одному: не допустить вражеский корабль с военным грузом до места назначения и потопить его в пути.

—... Я решил послать для этой цели вас.

* * *

В Мраморном море и в проливе Карадениз-Босази (Босфор) германские суда ходили без охранения, то есть без сопровождающих военных кораблей. На турецкой территории и в турецких территориальных водах им не угрожал никто. Но едва лишь фашистские суда показывали свой нос в море, за пределы территориальных вод, они имели все основания опасаться атак советских надводных и подводных сил, а также авиации.

В те дни, к которым относится начало нашего рассказа, в Истамбуле заканчивалась погрузка еще ряда других фашистских судов, можно было бы составить целый караван их, но с отправкой парохода, которым командовал Гоухен, особенно торопились. Груз его срочно требовался на фронте, и пароход ушел в море один.

Пароход взял курс сначала на юго-восток, затем на восток, на северо-восток и, наконец, обогнув мыс, вошел в Босфор.

— Через два часа будем уже в Черном море! — сказал Гоухен своему старшему помощнику, стоявшему рядом на мостике.

— Вы правы, — ответил старший помощник. — Но именно здесь мы имеем шансы встретиться с большевиками.

— Ничего, — ободрял его Гоухен, — после выхода в море нас сразу же возьмет хорошее охранение. Думаю, что все будет в порядке. Большевики мораль-

но подавлены после потери Сталинграда—этой своей твердыни. Войне скоро конец. Начнется совершенно спокойное плавание...

— Насчет конца у вас несколько неточные предположения, — продолжал старший помощник. — Мне кажется, — добавил он с ноткой безнадежности, — что конец наступит не так скоро. Я сам уже не в первый раз слышу о «падении Сталинграда»...

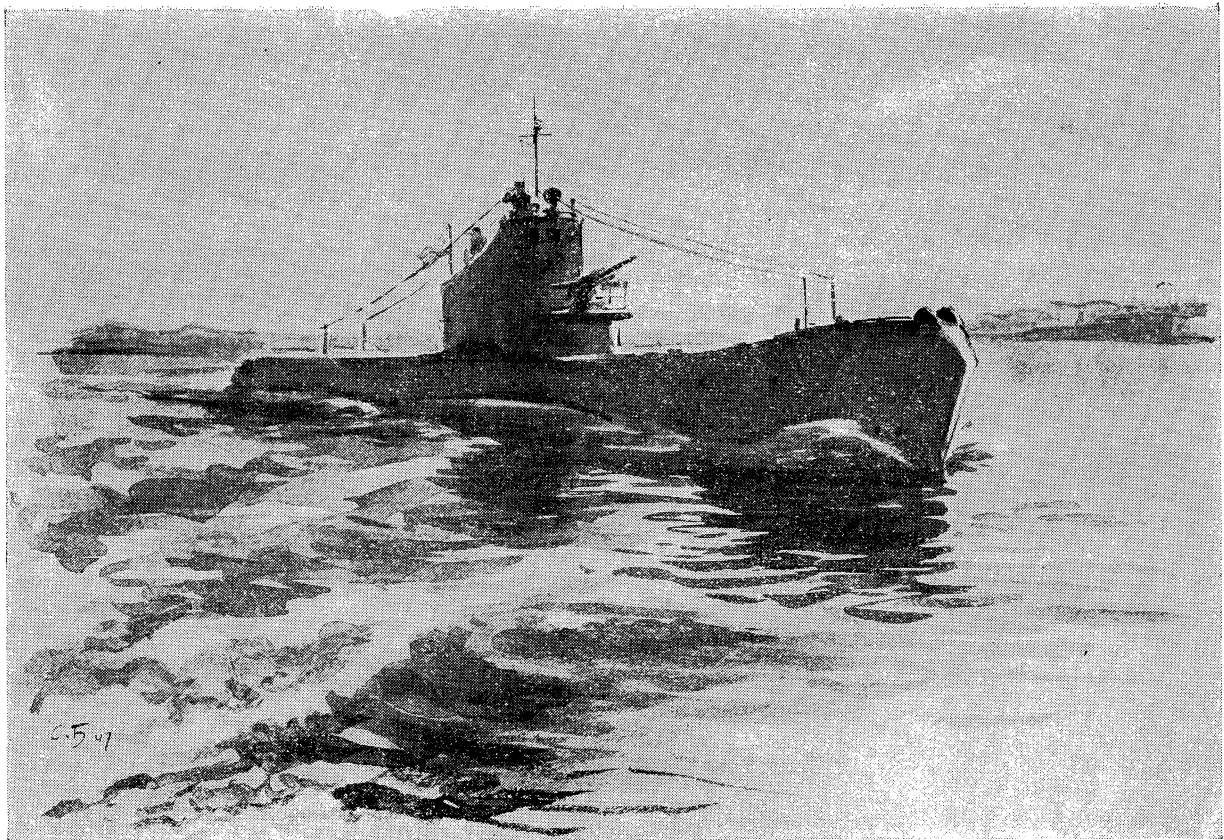
Гоухен, не желая спорить со своим помощником, поспешил переменить тему разговора.

— Взгляните лучше на красоту Босфора, — сказал он.

И действительно, Босфор был великолепен. То показывались высокие скалы, то открывались долины с субтропическими деревьями: кипарисами, лаврами, олеандрами и вековыми чинарами. На берегах возникали, как в сказке, древние замки и султанские увеселительные дворцы, которые строились когда-то по заданиям «Блистательной Порты».

Однако фашисты недолго любовались красотами Босфора, его крутыми берегами, субтропической растительностью и строениями. Их идиллические восторги были внезапно прерваны истерическим криком сигнальщика: «Справа на траверзе перископ!»

— Лево на борт! Боевая тревога! Орудие — к бою! — машинально скомандовал капитан. Но тут же, овладев собой после некоторого испуга, добавил: — Отставить! Думмеркопф! Какой перископ может быть в такой узкости! Соображаешь ли ты что-нибудь? Или тебе начинает мерещиться?

Вторые сутки шла в надводном положении «Гвардейка».

Но капитан больше не интересовался красотами природы.

С наступлением сумерек пароход вышел в Черное море. Здесь его встретило охранение: два миноносца и шесть катеров — истребителей подводных лодок.

Конвой взял курс вдоль западного побережья Черного моря с общим направлением на север.

* * *

Вторые сутки шла в надводном положении «Гвардейка» под командованием Михаила Васильевича. Курс подлодки был на запад. За все это время «Гвардейка» ни разу не погружалась в воду. Она прошла меридиан сухопутного фронта. Наступили часы следующего дня похода. По правилам безопасности «Гвардейка» должна была следовать лишь в подводном положении. Но «Гвардейка» уже и так запаздывала к встрече с кораблями противника. Дороги были не только каждый час, но и каждая минута.

В надводном положении подводная лодка могла ходить под дизелями и развивать большую скорость, чем под водой. Под водой, работая на аккумуляторах, лодка несколько теряет в скорости. Если бы Михаил Васильевич решился итти только под водой, то он вряд ли мог бы рассчитывать на встречу с немцами.

На командном мостике подводной лодки стояли вахтенные — офицер и два сигнальщика. Их ничто не могло отвлекать от внимательного наблюдения за горизонтом и воздухом. Лодка проходила меридиан русской славы — меридиан Севастополя — в расстоянии приблизительно 40 миль.

Невооруженным глазом довольно ясно различались отлично знакомые подводникам горы: Айя, Сарыч, Ай-Петри. Командир лодки нарочно вышел на мостик, чтобы посмотреть на район Севастополя, с которым у него был связан большой период жизни, Од-

но только упоминание о Севастополе невольно волновало всех членов экипажа. Каждому хотелось посмотреть хоть на руины родного города, но на мостик в походе разрешается подниматься строго ограниченному числу людей. Каждую минуту сигнальщик может предупредить об опасности — и тогда срочное погружение: «Всем вниз!» Лодка заполняет балластные цистерны водой и стремительно уходит под воду. Вот почему на командном мостике в походе командир не терпит лишних людей.

Шел уже второй год, как Севастополь был оккупирован фашистами. Командир долго смотрел в сторону любимого города, пока тот не скрылся из виду, затем молча спустился по трапу на центральный пост.

— Товарищ вахтенный командир, — послышался голос корабельного моториста, — прошу разрешения выйти на мостик, выбросить мусор.

— Опять разукрасите море масляными пятнами, — сказал вахтенный командир. — Расшифруете наше местонахождение..

Это была, конечно, шутка. Корабельный моторист поднялся на мостик, выбросил мусор за борт и тоже взглянул на удалявшийся Севастополь.

— Товарищ боец, итти вниз! — строго сказал вахтенный командир.

Не успел моторист дойти до рубочного люка, как правый сигнальщик отчеканил:

— Товарищ вахтенный офицер! Справа сорок — самолет на нас! Высота — сто, дистанция — пятьдесят.

— Все вниз! — командовал вахтенный офицер и, различив тип самолета, добавил: — Срочное погружение!

Сигнальщики быстро спустились в центральный пост.

— Так точно! — в тон командиру ответил корабельный повар. — Заварил дополнительный котелок.

В то время как вахтенный офицер уже задраивал люк и лодка с шумом и шипением погружалась в глубины моря, раздался оглушительный взрыв почти над самой лодкой. В отсеках стало темно.

Старшина трюмных, не дожидаясь приказа, включил аварийное освещение. Через люк просачивалась вода. Это было свидетельством повреждения корпуса в районе люка. Вода била с такой силой, будто кто-то забыл закрыть водопроводный кран.

— Это не глубинная бомба, — заявил Михаил Васильевич, придя в центральный пост из своей командирской каюты. — Немцы думали уничтожить нас бомбой, рассчитанной для поражения надводных целей.

Михаил Васильевич погладил свою пышную бороду и лукаво добавил:

— Мы ведь не погружались по выходе из базы. А в базе принимали соляр и другие запасы?.. Прибавьте к этому мусор в надстройке, а его там набралось немало. Следовательно, пятнице на воде мы оставили немало, и немцы, надо думать, убеждены, что наша «Гвардейка» погибла.

Подводники заделали течь. Больше взрывов не последовало. Лодка продолжала свой дальнейший путь. И попрежнему Михаил Васильевич вел лодку по курсу. Только пришлось погрузиться и идти навстречу с

противником в подводном положении. Это несколько смрачило настроение командира. Он рассчитывал к утру занять район своей боевой позиции, то есть места, где он мог ожидать встречи с врагом, но внезапное обнаружение лодки противником несколько изменило обстановку и теперь волей-неволей приходилось откладывать встречу до завтрашнего вечера. Однако и это не нарушило обычной жизни подводного корабля.

Михаил Васильевич приказал вахте заступить по подводному расписанию, дал несколько указаний вахтенному офицеру и пошел в корму лодки для осмотра.

Корабельный кок встретил в своем отсеке командира обычным рапортом:

— Товарищ капитан третьего ранга! Кок вверенного вам корабля краснофлотец Петров! За ваше отсутствие при срочном погружении разлился суп! Других происшествий нет!

— Вольно! — командовал командир и затем шутиливо спросил: — Исправляются повреждения?

— Так точно! — в тон своему командиру ответил корабельный повар. — Заварил дополнительный котелок. Суп будет еще лучше прежнего!

— Сейчас поужинаем, — сказал командир, — а к восьми часам приготовьте завтрак. Сегодня сменим ночь на день.

— Есть! — ответил кок.

Кто-то играл в одном из отсеков на гитаре, и казалось, что лодка не в глубинах Черного моря, не в боевом, а в учебном походе. С камбуза тянуло вкусным запахом. Два матроса, с обычным грохотом и прибаутками, «забивали козла», — они играли в домино. Один из свободных от вахты машинистов просматривал какой-то журнал, другой увлекся чтением затрепанной, замусоленной в походах книжки.

Подводные лодки, находясь на позиции, обычно действовали против врага ночью в надводном положении. Ночь скрывала очертания лодки и помогала подводникам близко и незаметно подойти к кораблям противника. Ночной порой, при «казачьем солнце» — луне, подводники производили свои лихие набеги на корабли противника. А еще лучше, когда луна была скрыта облаками и на море было небольшое волнение, в котором никак не разглядеть перископа лодки. Вся жизнь личного состава корабля переносилась на ночь. Днем же лодка находилась обычно в подводном положении, и команда могла спокойно отдыхать и подкреплять свои силы.

Командир обошел все отсеки и вернулся в центральный пост. Вот он сел за штурманский стол. Вооружился циркулем. Тревожила мысль: «Мы обнаружены противником! Значит немецкий транспорт предупрежден. Примет соответствующие предохранительные меры. Не успеешь перехватить добычу..»

Враг, несомненно, догадывался, что лодка идет на запад. Самолет, очевидно, засек примерный курс лодки. Лодка идет в подводном положении, вечером непременно всплывет и ночью пойдет в надводном положении. Приближенные скорости лодки известны врагу. Не нужно быть мудрецом и пророком, чтобы точно рассчитать время прихода лодки в район заданного побережья моря.

Михаилу Васильевичу было ясно, что, если не принять мер, противник вряд ли подставит так просто борт своего парохода под торпедные советские аппараты.

Капитан третьего ранга подозвал своего помощника и сказал ему негромко:

— Надо изменить курс на восемнадцать градусов. Встретим немца там, где он нас никак не ожидает и ожидать не может. Ясно?.. — Он указал циркулем место на карте. Затем, как бы проверяя себя, спросил: — Каково местечко?

Помощник, ткнув в карту острыми ножками циркуля, после некоторого раздумья сказал:

— Понимаю, понимаю вас, товарищ капитан третьего ранга. Вы хотите форсировать этот минный лабиринт. Правильно, товарищ командир. Это, конечно, ра-

зумыный риск. Проходить будет опасно. Но война есть война.

Михаил Васильевич приказал штурману рассчитать время прихода к внешней кромке вражеского минного поля, откуда и надо было начинать его форсирование, а сам пошел к себе в каюту отдыхать.

* * *

Немецко-румынские конвои проходили опасные районы в ночное время, а днем оставались в портах. Под покровом ночи, маскируясь темным фоном берегов, им удавалось ходить довольно безнаказанно. В дневное время это делать было чрезвычайно трудно, и при малых шансах на успех требовалось сильное охранение. При движении ночью охранение располагалось с морской стороны, что обеспечивало известную безопасность.

Конвои отстаивались днем в таких портах, как Бургас, Варна, Констанца, Сулин, Одесса, а с наступлением темноты двигались дальше по своим направлениям — либо на север, либо на юг. Однако на этот раз конвой не достоял до вечера в порту Сулин и после полудня вышел в море.

Груз, находившийся на транспортах, требовался немецкому командованию настолько срочно, что оно шло на явный риск потерять часть судов ради скорости доставки. Корабли охранения вышли первыми за ограждение, затем стали вытягиваться транспорты. Их было три. Важнее всех был, конечно, тот самый транспорт, с которым мы познакомились в начале рассказа.

За ним следовали в конвое еще два присоединившихся в Констанце танкера, которые также представляли собой немаловажную ценность.

По выходе из Сулина конвой лег на курс 80°. Слабая дымка над морем уменьшала видимость. Это очень радовало врага. Но через час дымка рассеялась, видимость улучшилась. Исчезла самоуспокоенность немцев. Чаше слышались проклятия по адресу погоды, судьбы и прочего. Корабли уже легли на норд, когда матрос шифровальной службы принес на командный мостик радиogramму, адресованную всем кораблям, находящимся в море, и вручил ее капитану транспорта. При этом он не преминул добавить:

— Господин капитан, срочная... из штаба...

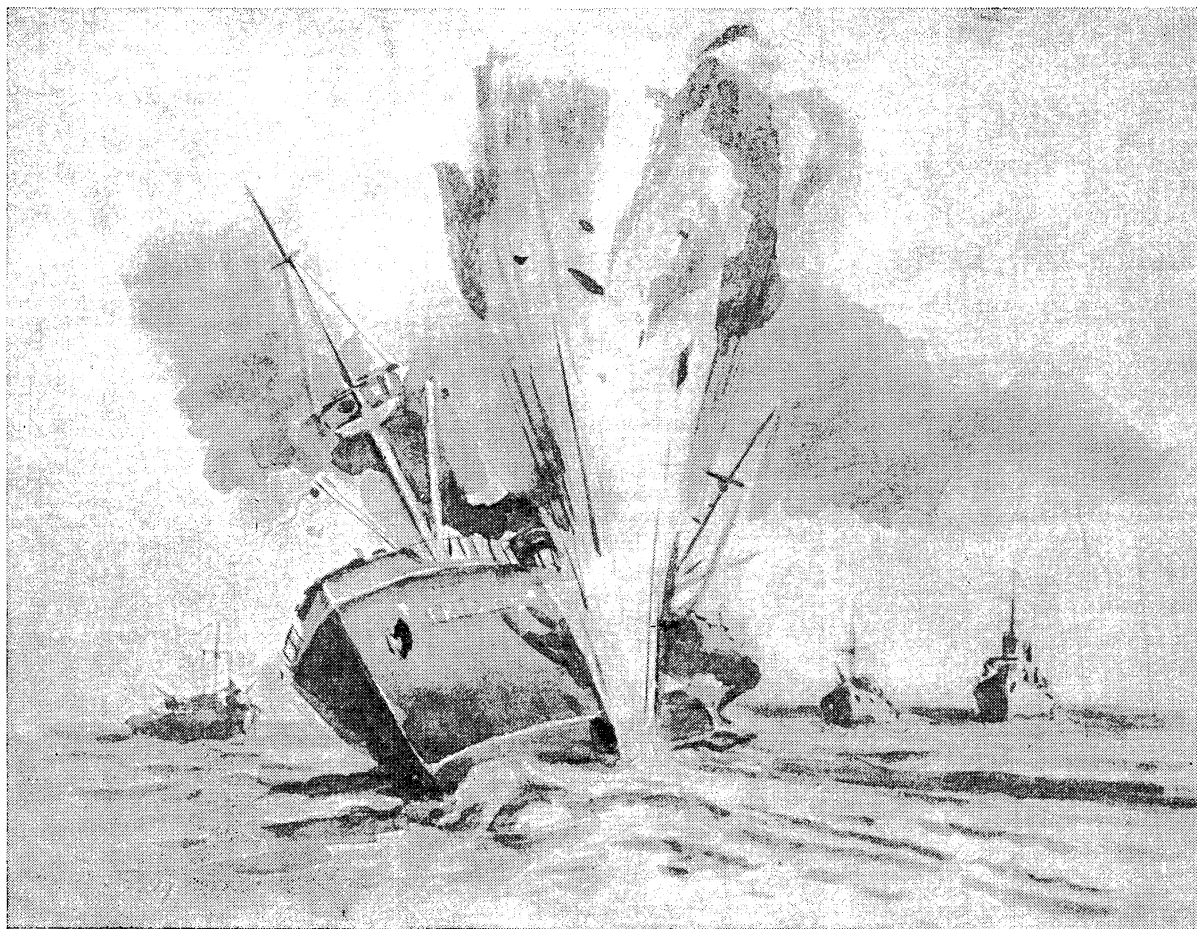
С явно напускным спокойствием капитан прочел радиogramму, затем передал ее старшему помощнику и приказал нанести на карту полученные данные.

Старший помощник тут же нырнул в штурманскую рубку и через две минуты вышел оттуда с картой квадратов. Все море было расчерчено на квадраты, квадраты занумерованы, и море словно разбито на улицы и переулки.

— Лодка утоплена в квадрате две тысячи семьсот тридцать шесть. Шла курсом двести девяносто пять градусов,—доложил он капитану и после некоторой паузы добавил уже от себя:—Если она в самом деле утоплена, это очень хорошо! Но если это не так, то она уже заняла позицию, которую проходим мы. И через какой-нибудь час...

Капитан нахмурил брови и после некоторого раздумья ответил решительным тоном:

— Не беспокойтесь, мой милый! Во-первых, в радиogramме сказано ясно, что после потопления лодки долго бурлил соляр на поверхности воды. Во-вторых, плавали куски одежды. Здесь вранья быть не может.

Одна из мин взорвалась в районе носовой части.

Однако капитан, зная способность немецких летчиков во много раз преувеличивать свои успехи, все же приказал удвоить наблюдение и вызвал дополнительно людей на верхнюю палубу.

Сообщение о потоплении появившейся в этих водах советской подводной лодки не успокоило, а, наоборот, насторожило вражеские экипажи.

Люди, поставленные для наблюдения за поверхностью воды, словно замерли. Каждый смотрел внимательно в свой сектор наблюдения. Случайный шорох, шелест мгновенно заставлял всех вздрагивать, как зайцев.

Угрюмое молчание на вражеском корабле говорило о том, что каждый замирал от страха, ждал возможной и скорой торпедной атаки со стороны невидимой никем, но, возможно, где-то идущей или стоящей на позиции советской подводной лодки.

Прошло около часа — лодка не показывалась.

По приказанию капитана, старший помощник запросил начальника конвоя, находившегося на головном миноносце: получена ли им радиограмма об утоплении советской подводной лодки? Вместо пространныго ответа последовал короткий: «Поздравляю!» Это означало: «Получил, рад и поздравляю вас также!»

Капитан на этот раз изменил своим сигаретам и, набив трубку вонючим табаком, обернулся к старшему помощнику, чтобы сказать коротко:

— Господин старший помощник, час тому назад вы нам обещали торпеду в борт? Где же она? Мы ее не видим и... не увидим!

— Я буду счастлив такой удаче, — без улыбки ответил старший помощник.

Через три часа немецкий конвой прошел траверз мыса Бурнас. Здесь конвой входил в район, сгражденный с морской стороны минным полем. Минное поле, как броня, надежно защищало подходы к конвою со стороны моря. Немцы вздохнули с облегчением.

Солнце садилось за горизонт. Скоро должна была наступить ночь.

— Вы очень малодушный человек, — сказал стар-

шему помощнику капитан. — Не таким должен быть офицер германского флота.

Капитан совсем было собрался прочесть своему помощнику длиннейшую нотацию, когда внезапно раздался панический возглас сигнальщика:

— Справа сорок — торпеды!.

Капитан немедленно скомандовал:

— Право на борт! Боевая тревога!

Охраняющие катеры тоже заметили торпеды и резко повернули в сторону выпуска торпед, играя боевую тревогу. Колокола громкого боя заливались на всех немецких кораблях. Началась беготня по верхним палубам, суета, крики, ругань, проклятья...

Но было уже слишком поздно. Через несколько секунд, после того как сигнальщик на немецком транспорте обнаружил торпеды, они уже достигли борта парохода, который так берегли немцы. Одна из них взорвалась в районе носовой части, другая в кормовой. Разломанный на части корабль стал быстро погружаться в воду. Капитан, подобранный взрывной волной, и его старший помощник очутились в воде раньше, чем мостик достиг водной поверхности. Оказавшись на воде, они беспомощно барахтались в бурлящей стихии. Однако их плавание на этот раз было последним. Не успели они подплыть к спасательному плоту, как сильные взрывы сотрясли их тела.

С немецких кораблей охранения в это время были сброшены глубинные бомбы. От гидравлического удара погибли все немецкие моряки, спасавшиеся вплаве с потонувшего корабля.

Из опасения повторных атак со стороны лодки начальник конвоя оставил для ее преследования три катера, а остальные шестнадцать катеров и два миноносца направил с повышенной скоростью к месту назначения. Так вражеские сторожа-корабли проворочили пароход с ценным военным грузом: он покоился уже на дне Черного моря, а советская подводная лодка целеугодно благополучно возвращалась на свою базу. Это была отличная боевая работа славного Михаила Васильевича.

„МИЛЛИОННАЯ“ КАРТА

Главное управление геодезии и картографии закончило громадную работу — издание карты всего СССР в масштабе 1:1 000 000. Этот масштаб совсем не так мелок, как может показаться в первый момент. Каждому километру на местности по карте соответствует миллиметр; таким образом карта представляет возможность судить (применительно ко всей огромной стране!) о расположении отдельных пунктов — городов, сел, станций, рудников, о характере течения рек, о направлении горных краев с достаточно большой точностью. СССР так велик, что потребовалось 180 больших листов для того, чтобы даже при уменьшении в миллион раз уместить на них всю нашу страну. Площадь этих листов — 54 квадратных метра. Не в каждом зале найдется стена, на которой можно повесить эту карту в склеенном виде.

Для составления новой карты пришлось привлечь и обработать небозримую большую массу картографических и топографических материалов. Одно редактирование карты представляет громадный труд.

Издание миллионной карты СССР — крупнейшее достижение советской картографии, имеющее мировое значение. Вопрос об издании карты этого масштаба для всего мира был поднят географами еще в 1891 году. Практически географы разных стран начали работы над этим колоссальным предприятием с 1909 года; для всей суши было намечено выпустить 974 листа (без полярных стран); к 1938 году было выпущено

только 405 листов, но почти половина их не отвечала разработанной единой программе. Насколько составление мировой миллионной карты трудно, видно хотя бы из того, что из 70 листов, приходящихся на долю США, к 1946 году было готово и издано только 11. Труд Главного управления геодезии и картографии, созданный за короткий срок (1940—1946 гг.), является блестящим доказательством того, что советская картография далеко обогнала картографию многих, даже передовых капиталистических стран.

Всесоюзное географическое общество увенчало этот труд высшей наградой общества — Большой золотой медалью.

ПО НАШИМ ЗАПОВЕДНИКАМ

Работа по охране природы, временно прекращенная или нарушенная Великой Отечественной войной в ряде районов нашего великого Союза в 1946—1947 годах развернулась с новой силой.

Расширяются заповедники и на далеком Севере; к полярному заповеднику «Семь островов» присоединена новая территория, включающая часть Мурманского побережья от мыса Чегодаева до мыса Липкий, острова Большой и Малой Айновы (Полярный район) и полосу западного побережья острова Новая Земля. Это дает возможность охватить научными исследованиями южную часть Варенцова моря — от норвежской границы до Новой Земли. В заповеднике

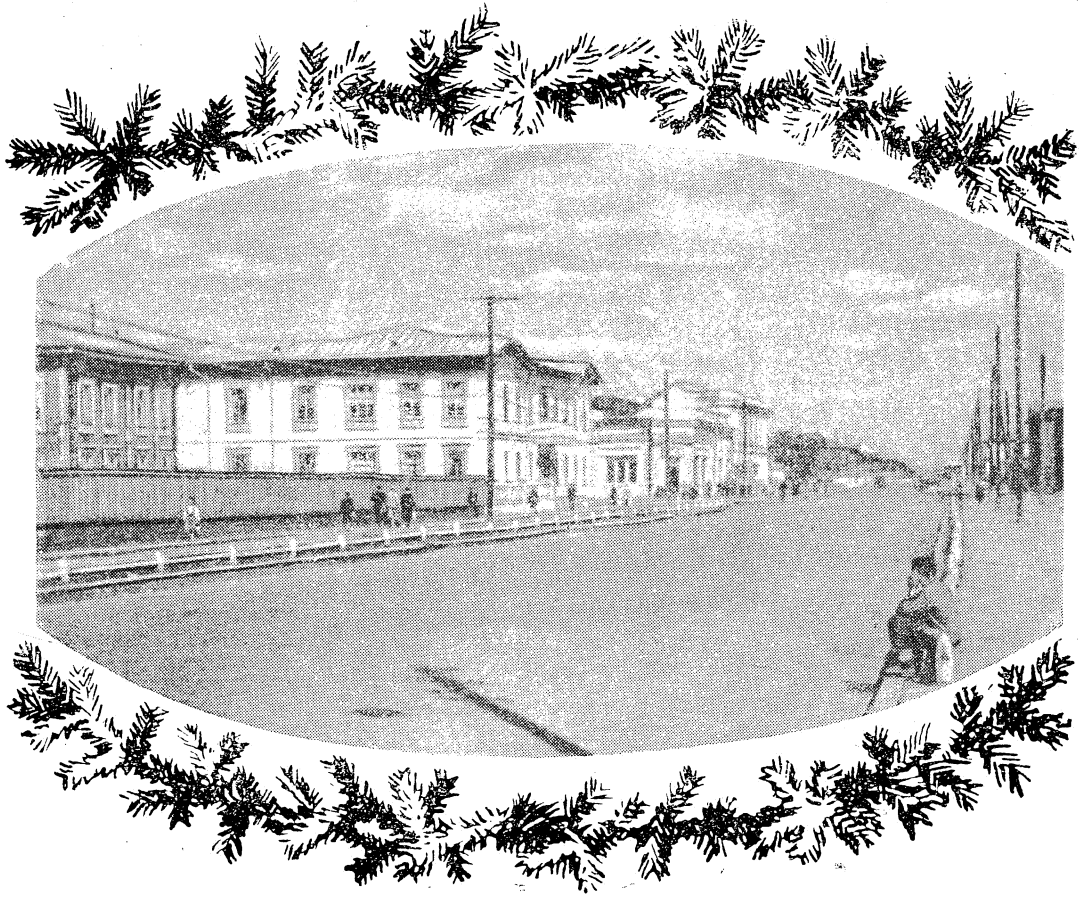
«Семь островов» охране и изучению подлежат морские птицы — гаги и кайры. Здесь продолжают обширные научные работы. Приезжают специальные экспедиции зоологов из Москвы, Ленинграда, Казани.

В Печорском заповеднике восстанавливаются и расширяются посадки кедров, дающего прочную тонкослойную древесину и орехи, содержащие 50% жира и крайне ценящиеся кондитерской промышленностью. Меры по охране насаждений сибирского кедра впервые в России были приняты в 1921 году, когда В. И. Ленинным был подписан декрет, категорически запрещавший рубку этого дерева.

На острове Барса-Кельмес, на Аральском море, организован заповедник антилоп-сайг. Семь антилоп-сайг, выпущенных в 1936 году на остров, за двенадцать лет необычайно быстро размножились. Сейчас их здесь несколько сот. Заповедник на острове Барса-Кельмес — единственный в своем роде. В Европе сайга повсюду истреблена. У нас она сохранилась в Казахстане и в степях, в районе устья Волги. Запрещение охоты на сайгу вызвало ее быстрое размножение.

Заповедник «Денежкин камень» создан на Урале, в Свердловской области, на площади свыше 120 тысяч гектаров. В заповеднике сосредоточены характерные для Урала леса, почва, луговая и болотная растительность, полезные ископаемые, звери (соболь, куница, лось, северный олень), а также птицы.

В заповеднике ведется большая исследовательская работа.

ГОРОД НА ЛЕНЕ

В. П. ЗЕНКОВИЧ,

профессор, доктор географических наук

После Киренска наш самолет взял направление вдоль Ленской долины. Час за часом проходили под нами плоские, мягкие увалы, заросшие лиственничным лесом. Река то удалялась к горизонту, то оказывалась прямо под фюзеляжем самолета. В эти моменты глазу открывалась сложная сеть из петель древних речных излучин и теперешних русел. Особенно сложной становилась эта картина в местах впадения в Лену боковых пригоков.

Наблюдения с самолета могут дать геологу и географу за несколько часов не меньше, чем за несколько лет обычной экспедиционной работы. Весь облик страны приобретает черты единства, порой очень сложного, которое при обычном пешеходном маршруте складывается из частей пройденного пути, изученных образцов.

Руководителями нашего воздушного маршрута были геологи — академик С. С. Смирнов и И. И. Ка-

тушенков, которые много лет провели в ленской тайге на поисках полезных ископаемых.

Самолет в последний раз пересек долину Лены и начал набирать высоту.

Впереди виднелось Патомское нагорье, так называемое «Древнее темя Азии». Это наиболее старая и устойчивая континентальная масса нашей планеты. За все время известной истории Земли она вела себя, как жесткая, несминаемая глыба.

Исчез таежный покров, и на плоских гольцах забелели пушистые снежки.

С самолета хорошо видны громадные цирки, служившие местами для ледников. Как легко разрешаются бывшие споры геологов, выставлявших доводы за и против оледенения: было оно здесь или нет?

Торжествует точка зрения старейшего геолога нашей страны, Ге-

роя Социалистического Труда академика В. А. Обручева. Мы ведем аэросъемку и привезем с собой в Москву неопровержимые доказательства того, что оледенение здесь было.

Руководитель съемки Ю. С. Доброхотов с громадной фотокамерой в руках то бросается от одного иллюминатора к другому, то исчезает в пилотской кабине, чтобы закрепить перспективу, открывающуюся к северу по курсу самолета. В кабине хозяйничает ледяной ветер, и, пролетев интересное место, мы с удовольствием закрываем целлюлоидные окошки.

* * *

У большинства из нас представление о Якутии сложилось еще под влиянием чудесных очерков В. Г. Короленко, который провел здесь два года в царской ссылке. Понятно, с каким любопытством смотрели мы сверху на громадный, правильно распланированный город, протянув-

Лабиринт древних и современных протоков реки (планшет аэрофотосъемки).

шийся почти на пять километров вдоль Ленской протоки.

На земле нас ожидают тридцатиградусная жара и духота.

Внешний облик Якутска очень пестрый.

На окраинах — прямые просторные проспекты, стандартные двухэтажные дома, какие можно увидеть сейчас на всех наших новостройках, деревянные тротуары, голубые автобусы.

Ближе к центру улицы теснее, появляются старинные бревенчатые дома из громадных почерневших стволов даурской лиственницы. Узкие окна с тройными рамами — защита от шестидесятиградусных морозов.

Многим из этих домов больше сотни лет. Особенно эффектные торговые ряды с деревянными колоннами и амбарами на втором этаже.

Но вот улица снова расступается; перед нами облик новой, социалистической Якутии. Просторные, светлые каменные постройки: Педагогический институт, Национальная театральная студия, музеи, больницы, дома культуры. Много зданий еще в лесах.

Почти в самом центре города —

буровая вышка. Как ни странно, но город с пятидесятитысячным населением, стоящий на берегу Лены, страдает от отсутствия воды. В большинстве домов весной запасают на воду лед — до новых заморозков. Колодцы здесь рыть нельзя — они упираются в мерзлоту. В речной протоке вода застаивается и для питья непригодна. Советские геологи определили, что под мощным слоем мерзлоты должны быть напорные воды, но точная их глубина остается неизвестной. Буровая скважина, прорытая недавно геологами, как мы узнали позже, дала прекрасную воду. Задача водоснабжения Якутска в основном уже разрешена.

У старой Ленской протоки как реликвия охраняется деревянная башня — остаток крепости, выстроенной казаками еще в XVII столетии. В почерневших бревнах проделаны узкие бойницы. Отсюда казаки яростно отстреливались от «инородцев», доведенных до отчаяния безудержным грабежом. Царская политика выколачивания подати — «ясака» — приводила к разорению и вымиранию целые улусы. Не раз народные вожди поднимали восстания якутов, но «мятежи» подавлялись с невиданной жестокостью.

* * *

Я сижу в зрительном зале горьковского театра. Аудитория напряженно вслушивается в слова академика А. Н. Заварицкого. За ним с докладом выступает академик С. С. Смирнов. Он рассказывает об ископаемых богатствах республики и их значении для промышленности и обороны Советского Союза.

Уже десятки лет разрабатываются россыпи якутского золота, но это далеко не все, что таят в себе недра страны. Только при советской власти началось систематическое геологическое изучение Якутии, еще далеко не завершенное. В Якутии уже открыты нестоимые залежи нефти, железа, угля и других ценных ископаемых. В этом немалая заслуга и самого докладчика, видного советского геолога, разработавшего учение о «Тихоокеанском рудном поясе».

Три четверти зала — якуты. Они живо реагируют на слова докладчика. Им понятны научные термины и подчас сложные положения, которые развивает С. С. Смирнов. Якуты сейчас хорошо знают свою страну. Они почувствовали на деле, какую неоценимую пользу для их республики приносят научные исследования. Горячими аплодисментами провожают они академиков — представителей штаба советской науки, посетивших якутскую столицу.

Вечером мы делимся впечатлениями о виденном. Некоторые из нас успели побывать на кожевенном заводе, электростанции и кирпичном заводе с карьерами глины. До Октябрьской революции купцы возили для своих домов и складов кирпич из Иркутска — за несколько тысяч километров. Теперь якутские сами делают кирпич. Большое впечатление произвел на всех также музей местного края, где собраны предметы якутской старины, охарактеризованы природа Якутии и ее широко развернувшееся социалистическое хозяйство.

* * *

На следующий день мы едем осматривать обнажения горных пород на высокую «боровую» террасу Лены. Сквозь ветви сосен просвечивает далеко на горизонте русло реки.

На широкой пойме — луга и роши, а поодаль разворачивается панорама Якутска. В оврагах, пересекающих край плато, выходят юрские породы; мы изучаем обнажения и находим здесь отпечатки древних морских животных, захороненные в сланцах сотни миллионов лет назад.

Но больше всего нас интересует необъятный якутский лес. Деревья здесь невысокие, так как на глубине уже в полтора метра их корни встречаются вечномерзлый грунт. Но

зато по своей густоте и яркости красок этот лес не уступает подмосковному. Рдеют на солнце яркие стволы сосен, точно дрожащее кружево, свисает с ветвей нежная зелень лиственничной хвои. Всюду масса брусники. Так же как и в подмосковном лесу, гудят шмели, порхают бабочки, и только неожиданные уколы гнуса напоминают, что здесь не Кратово, а Якутск.

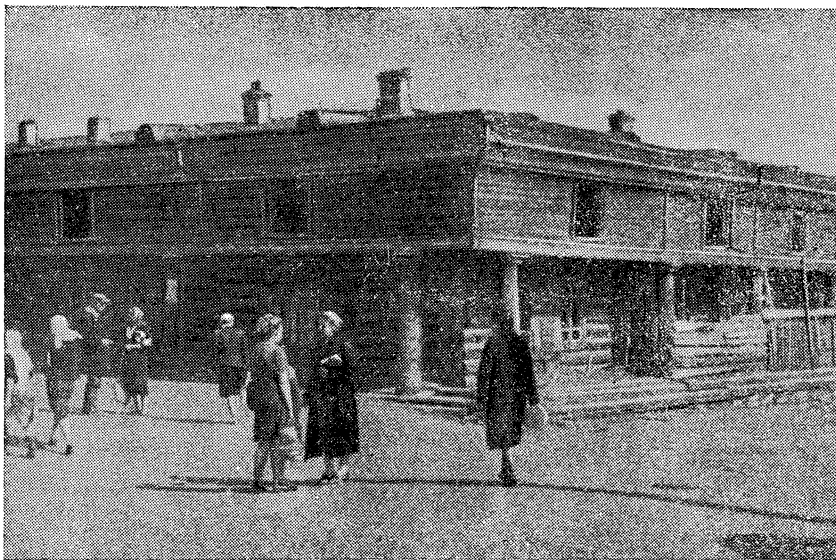
Один из местных спутников обращает наше внимание на густой переплет мощных корней даже у самых низкорослых деревьев. Корни разбегаются от каждого ствола на десятки метров. Путь вниз им закрыт — там лед. Оказывается, у многих из этих деревьев, не больше пяти метров высотой, столетний возраст. Мы останавливаемся у спящего пня и разглядываем тончайшие годовые кольца: таких в Подмоскovie не увидишь. После обеда едем в гости к пионерам. На берегу озера выстраивается «линейка», взвивается красный флаг.

* * *

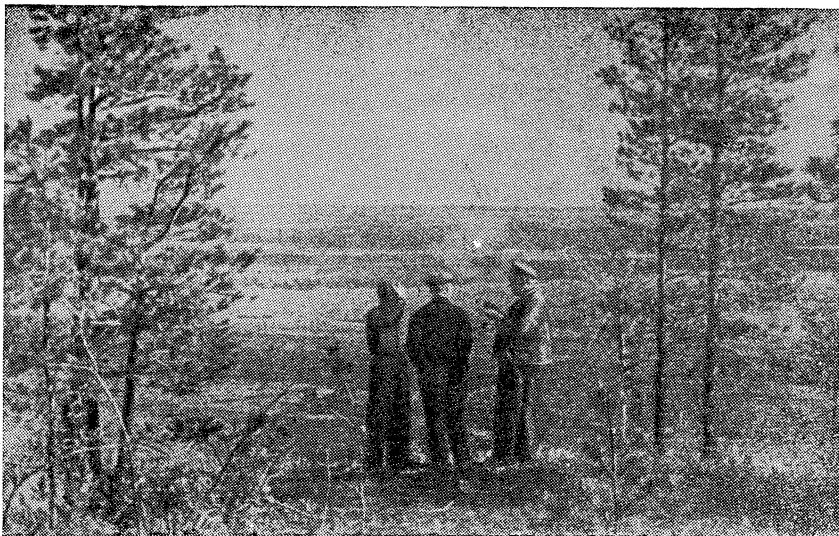
Из научных учреждений Якутии особенно интересна станция по изучению вечной мерзлоты. Вся республика расположена над мощным пластом льда или скованного морозом грунта. В том, что это не преувеличение, мы убедились, спускаясь в шахту. Сразу же, перешагнув порог надстройки, мы попадаем из тридцатиградусной жары в приятную прохладу. Всего три-четыре метра вниз — и запахи пальто. На стенах блестит и искрится лед, иногда смешанный с песком, иногда чистый, как кристалл. Надо льдом лежит слой почвы, растет лес, зреют хлеба. Этот лед образован десятки тысяч лет тому назад. В нем сохранились кости и даже трупы ископаемых животных — мамонтов и шерстистых носорогов.

В одной из лабораторий мы увидели пульт с массой гнезд, проводов, рубильников. «Здесь мы в любое время года, в любой день и час можем видеть температуру на различных слоях грунта», пояснил нам сотрудник лаборатории. В землю на разные глубины зарыты электротермометры. От них идут провода. Включив соответствующую точку, можно по силе тока сразу узнать температуру. Каждую зиму волна холода медленно проникает на глубину до 10 метров, летом за ней идет волна тепла. Баланс тепла меняется в разные годы, и верхняя граница мерзлого слоя как бы пульсирует. Эти данные необходимы для рациональной постановки земледелия.

Наличие подпочвенного льда во многом усложняет в Якутии строительство дорог, зданий, аэродромов. Стоит изолировать поверхность грунта от воздействия зимних стуж, как лед начинает таять, грунт вспучивается, и строению грозит гибель. Работы станции уже сейчас позволяют успешно бороться с этими явлениями.

Якутск. Старинное здание торговых рядов.

На высокой террасе реки Лены. Академик А. Н. Заварицкий и геологи экспедиции осматривают образцы горных пород.

* * *

Наконец метеорологи сообщают нам, что на Колыме погода хорошая. Самолет делает круг над Якутском и идет на восток. Ленская долина у Якутска достигает 18 километров ширины. С воздуха эта картина колоссальна. Могучее русло реки извивается между песчаными островами. Бесчисленные протоки отходят от него в различных направлениях и создают запутанный лабиринт, в котором трудно разбраться глазом.

Дальше природа становится суше. Под нами тянется болотистая низина с чахлым лесом. Очень редко попадаются зимовья с небольшими участками пашни.

Через час проходим над Алданом — это крупнейший приток Лены, а за ним синют вершины Верхоянского хребта. Самолет наби-

рает высоту; и скоро мы летим над головокружительными пиками из серой и красноватой, совершенно обнаженной породы. В глубоких ущельях скрываются реки, белеют наледи, не успевшие растаять за короткое лето. Снова, как и на Патомском нагорье, появляются снежники, но здесь топография совсем другая. Резкие «альпийские» формы рельефа свидетельствуют не о длительном покое, а о молодом поднятии страны, которому сопутствует врезание рек в узкие долины.

В широкой котловине виден небольшой поселок и лента шоссе. Это Оймякон — полюс холода, где температура в некоторые зимы падает за 70 градусов.

Панорама гор тянется до самой Колымы. Мы давно уже прошли границу Якутии, и в воздухе чувствуется дыхание Охотского моря.

В долине Вахша

Г. АЛОВА

В Таджикской республике есть чудесная, плодородная долина — долина реки Вахш. В ее сухом и жарком климате созревают сахарный тростник и сладкий картофель — батат, плодоносят пальмы, культивируется длинноволокнистый хлопчатник, из которого выделывают самые прочные и тонкие ткани.

Долину Вахша омывают две реки — Пяндж и Вахш, дающие начало Аму-Дарье. Хребты Памира защищают долину от ветров.

За рекой Пяндж лежит чужая страна — Афганистан, граничащая с Индией. Бурный Пяндж вьется вдоль советско-афганской границы. От гор, где он берет свое начало, Пяндж проделывает большой путь. Много километров проходит он, прежде чем вступает в долину и сливает свои кипучие воды с мутными, молочнокфейными водами Вахша.

Почему же так мутен Вахш?

Потому, что он несет в своем русле огромное количество драгоценного удобрения — ила. В этом его сходство с Нилом, который превратил Египет в житницу Африки. Но даже Нил не так богат наносами ила, как Вахш.

Если мы взглянем на долину Вахша сверху, то увидим ландшафт, совершенно непохожий на пейзаж долин Русской равнины. С огромной

Издавна люди научились отводить воды могучих рек в специально вырытые для этого каналы — арыки. По их берегам пышно разрастались влаголюбивые растения. Отсюда жители безводных районов подавали воду на поля. На снимке изображен один из таких арыков. Крестьянин качает воду, которая стекает по колоде на поля. Этот способ носил название «нова».

высоты к берегу реки, словно гигантские ступени, сбегают террасы.

Террас этих пять, и все они — результат многовековой деятельности Вахша.

В течение многих веков уровень морей и рек на земле неоднократно менялся. Вахш тоже не раз углублял свое русло, оставляя на месте старого огромную пойму — террасу, сложенную из наносов ила. Самая верхняя терраса возвышается над уровнем реки на 40 метров. Она образовалась, повидимому, еще в третичный период. Остальные террасы значительно ниже.

Река была не только другом, но и врагом человека. Во время весенних паводков она заливала огромные пространства, уничтожала жилища людей и поля, возделанные с тяжелым трудом.

Но во время паводков Вахш заливал две нижние террасы. Третья была уже для него недоступна.

Как же, однако, собирали урожай на третьей террасе?

Ведь в Вахшской долине выпадает очень мало осадков. В Московской области за один месяц осадков бывает больше, чем на Вахше за шесть. Может быть, по верхним террасам протекают и орошают их мелкие реки — притоки Вахша?

Нет, Вахш и Пяндж — единствен-

ные реки этой долины. Но еще в глубокой древности люди научились разумно пользоваться водами рек, заставляя их орошать возделываемые земли. Ничего, что реки находились ниже этих земель. Воду поднимали и переливали из рек в искусственные русла, вырытые людьми вблизи возделываемых участков.

Так и на третьей террасе Вахшской долины появились оросительные каналы — арыки. В них поступали мутные воды Вахша, которые несли полям жизнь, влагу и драгоценное удобрение — ил.

Оросительная система существовала в Вахшской долине уже около пятнадцати веков назад. До наших дней сохранился канал Джой-бор, бывший когда-то основной водной магистралью третьей террасы.

ПОБЕДА НАД СОЛОНЧАКАМИ

Но ил, удобрявший почву, приносил местным жителям и много хлопот. Его наносы загрязняли главную часть канала и преграждали путь воде. Каждый год приходилось либо убирать эти наносы, либо прокладывать воде новый путь.

Ил собирался не только в главном канале. От канала отходили многочисленные ответвления — арыки. По этим арыкам вода шла на поля и выносила на их берега гряды наносов. Постепенно эти гряды смыкались, образуя как бы чашу с пологими склонами. Теперь на этих склонах расположены поля. На третьей террасе, земли которой орошаются в течение многих веков, насчитывается около тридцати тысяч таких «чаш». Одни из них занимают площадь в долину гектара, другие — в несколько квадратных километров. Глубина «чаш» нередко достигает восьми метров.

Отложившиеся на берегу гряды наносов очень вредят земледелию. С их склонов скатывается часть воды, которую подают на участки, и образует на дне «чаш» болота нередко значительного размера. В этом болоте — стоячая вода, заросли тростника, гнезда малярийных комаров.

Стоячая вода помогает образованию солончаков. Но чем можно объяснить образование солончаков в долине реки Вахш? Откуда здесь появились соли?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо заглянуть в далекое прошлое.

Миллионы лет назад на территории нынешней Средней Азии было много действовавших вулканов. При извержении из их кратеров выбрасывалось огромное количество солей. Их растворяли на поверхности земли дождевые и талые снеговые воды.

Водоем у старинной мечети Омар-Хауз. Кроме арыков, существовали и довольно обширные водоемы, из которых население брало воду для своих нужд.

Эти растворы частью пополняли реки, озера и моря, частью уходили в недра земли. Но вода продолжала путешествовать и под землей и всегда отыскивала выход на поверхность, чтобы забить родником или ключом. На своем пути подземные воды, несущие растворенные соли, встречали другие соли, залегающие под землей, — они их тоже растворяли и принимали в себя.

Постепенно подземные воды поднимались и поверхностными всдами. Тогда их уровень повышался.

Когда соленые воды залегают глубоко, они безвредны для земледелия. Но если такие воды попадают в те слои почвы, откуда растения получают свое питание, они могут отравить эти растения и уничтожить.

Стоячая вода, скатывающаяся на дно «чаш», образовавшихся из наносов ила, постоянно просачивается в землю и пополняет уровень соленых подземных вод, залегающих в недрах Вахшской долины. Таким образом, они получают возможность проникнуть в почву и даже выйти на поверхность. Горячее южное солнце быстро испаряет влагу. На земле остаются только кристаллы солей, образуя солончаки. А там, где появляются солончаки, невозможна растительность. Вот почему около «чаш» не растет ничего, кроме неприхотливого растения пустыни — галофитов или солянок.

Вахшская долина напоминает Нильскую не только высоким качеством своей почвы, но и климатом. Где еще в нашей необъятной стране вызревает сахарный тростник? Где еще плодоносят пальмы? В сухом и жарком климате долины отлично созревает самый ценный хлопок — с длинными волокнами. Вот почему в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного

хозяйства СССР отводится такое большое место освоению под земледелие ныне пустынных и засушливых районов, где может произрастать это нежное и капризное растение.

За годы советской власти в Вахшской долине произошли большие перемены. Советские инженеры укрепили нрав Вахша. Теперь он не забрасывает наносами главную часть канала Джой-бор. Сейчас этот канал — не единственный. Таджикский народ продолжил новые арыки и на старых, орошаемых землях третьей террасы и на верхних террасах, которые ранее не орошались.

Наряду с орошением ведется неустанная борьба с солончаками. Их уничтожают, понижая уровень подземных соленых вод, которые отводятся в каналы — дренажи. Понижая уровень грунтово-почвенных вод, им не дают выходить на поверхность и проникать в те слои почвы, откуда растения получают питание.

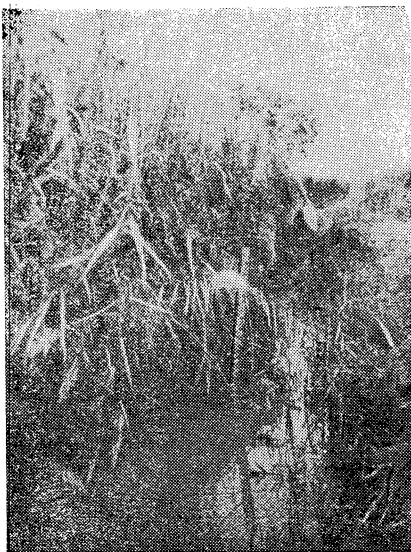
Но и теперь орошение старых земель — дело очень нелегкое. Ведь излишки воды, питающей поля, обязательно пополняют подземные соленые источники. Как с этим бороться?

Прежде всего выравнивается рельеф местности, срезается верхушка наносных гряд, образующих склоны «чаш».

Как же узнать, сколько воды нужно растениям? Сколько дать ее, чтобы поля не получили излишка?

Как было бы хорошо, если бы корни растений сами могли об этом сказать, если бы земля могла пожаловаться на недостаток или на избыток влаги!..

Если бы это было возможно, агрономам не нужно было бы выезжать на поля и исследовать степень влажности земли.

Заросший канал.

АВТОМАТЫ НА СЛУЖБЕ У АГРОНОМА

Представьте себе комнату, в которой сидит только один человек. Это диспетчер, а комната — центральная диспетчерская района или области.

На столе, за которым работает диспетчер, какие-то кнопки, рычажки, рукоятки... На стене висит карта. На ней знакомые очертания Пянджа и Вахша. По зеленым массивам во все стороны тянутся прямые нити арыков. Здесь и старые каналы и новые, построенные за три последние пятилетки. А на нити каналов, словно бусины, нанизаны кружочки разных размеров.

Это карта оросительной системы Вахшской долины. Кружочки разных размеров — вододелительные устрой-

ства. В них разделяются воды, которые поступают затем в многочисленные арыки. Маленькие кружочки — отводы для колхозов. Арыки расходятся от них пучками. Каждый несет воду на свой участок. Выходы во все каналы закрыты тяжелыми щитами. С их помощью регулируется подача воды не только всему хлопководческому району или области, но и каждому колхозу в отдельности.

Диспетчер хочет запросить участок, узнать, не нуждаются ли растения в воде. Он настраивает свою радиоприемную станцию на волну определенной длины. Радиоволны связывают диспетчерскую со всеми хлопковыми и пшеничными полями, виноградниками и зелеными массивами.

...Диспетчер уловил нужную волну. В тот же момент освещается прозрачная, как стекло, пластмасса (плексиглас), покрывающая часть диспетчерского стола. На ней отчетливо видны диаграммы. В одной из колонок появляется световой «зайчик». Он останавливается возле цифры. Посмотрев на нее, диспетчер нажимает кнопку.

Проходит несколько минут. На карте оросительной системы загорается сигнальная лампочка. На плексигласе оживает «зайчик» и начинает скользить от цифры к цифре. Внимательно наблюдая за ним, диспетчер убеждается, что жажда земли утолена. Он спясть нажимает кнопку, и лампочка на карте гаснет.

Что же сказал диспетчеру световой «зайчик»?

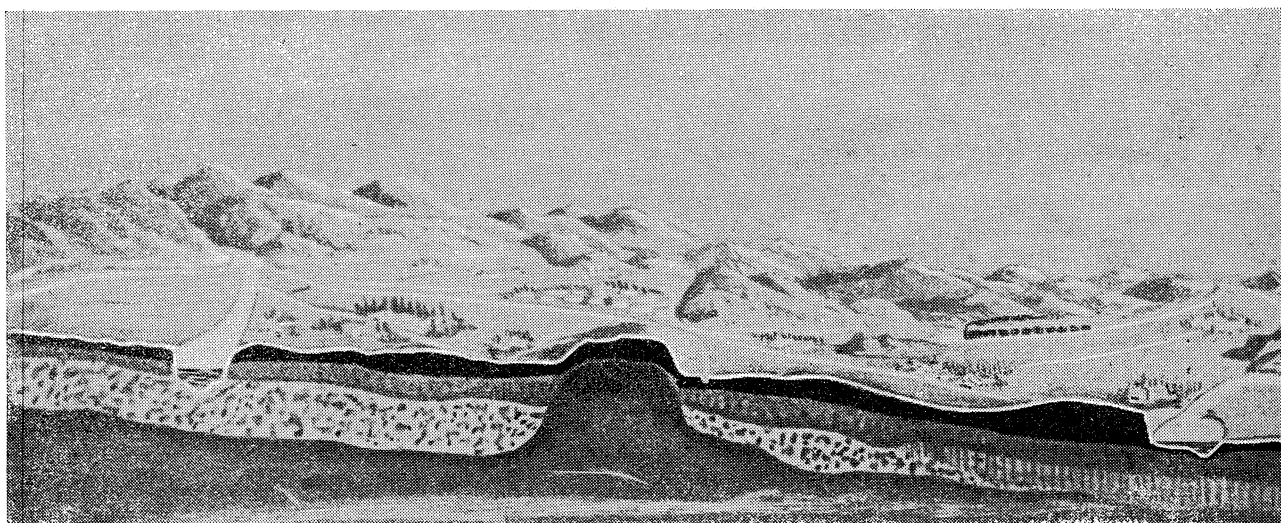
Он, оказывается, остановился у цифры, показывающей низкое содержание влаги в почве участка. Земля хотела пить. Тогда диспетчер нажал кнопку водопускового агрегата. Движению его руки подчинились мото-

Арык, загрязненный илом.

ры, установленные у арыка, орошающего участок. Электрическая энергия подняла вверх тяжелый щит, преграждающий путь воде. Как только вода пошла, на карте загорелась сигнальная лампочка, а на экране заскользил «зайчик». Вот «зайчик» дошел до цифры, показывающей достаточную насыщенность почвы влагой. Диспетчер снова нажал кнопку. Вдали от его кабинета, на арыке опустился щит. Вода снова оказалась в плену. Об этом сказала погасшая сигнальная лампочка.

Диспетчер сносится то с одним, то с другим участком. Он читает донесения о том, как дышит земля, какова температура почвы, каковы изменения, происходящие под землей — на уровне корней растений, на поверхности и в воде.

Общий вид Вахшской долины. На переднем плане разреза видны слагающие ее террасы. Глубокая долина защищена горами. Кое-где разбросаны группы белых домиков. Так будут выглядеть новые колхозы.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ НАУКИ

Профессор Б. Е. Райков нашел в одной из библиотек книгу, изданную в 1778 году — почти 170 лет назад. Книга была озаглавлена «Философские рассуждения о перерождении животных». Это был перевод с немецкого, сделанный учителем смоленской семинарии Иваном Морозовым. В книге высказывалась мысль, много позднее повторенная С. Илером и Ламарком, а затем развитая Ч. Дарвином — об изменчивости видов у животных, о генетической связи, существующей между всеми животными. Необычайно заинтересованный, Райков сделал попытку выяснить имя автора труда и после долгих поисков нашел, наконец, вышедшую в 1775 году в Лейпциге диссертацию, с которой был сделан названный русский перевод. Автором диссертации, к большому удивлению профессора, оказался русский — Афанасий Каверзнев. Новые упоминания розыски помогли профессору Райкову установить, что Каверзнев был смоленским семинаристом, посланным в 1770 году петербургским Волно-экономическим обществом в Германию для обучения пчеловодству. Каверзнев, однако, не ограничил своих занятий этой узкой областью, изучал философию, историю, физику, математику и естествознание. Им был написан ряд научных трудов. «Философских рассуждений о перерождении животных» среди этих печатных трудов, однако, нет. Были, по видимому, какие-то особые причины, побудившие Каверзнева отказаться от мысли издать эту, по тогдашним временам революционную, работу под своим именем. Она появилась лишь в качестве безыменного перевода с немецкого, сделанного, по видимому, одним из смоленских друзей автора, — безусловно, выдающегося русского ученого, опередившего в своих научных концепциях великого английского биолога Чарльза Дарвина.

* * *

Горный институт в Ленинграде готовится к печати большой труд «Российская горная история», написанный в начале XIX века Аникитой Сергеевичем Ярцевым, одним из создателей русской горнозаводской промышленности. Труд этот посвящен истории развития горного дела и металлургии в России с древнейших времен до первых годов XIX столетия. С именем Ярцева связано основание города Петрозаводска, где им был построен Александровский металлургический завод, с его оригинальными по тем временам машинами и гидротехническими сооружениями. Рукопись Ярцева до сих пор хранилась в библиотеке института. В ней до 80 авторских листов.

Основываясь на этих сведениях, диспетчер немедленно отдает приказания. Одни из них разносятся по всей области или району по электрическим проводам, соединенным с механизмами, другие диспетчер передает людям, работающим на участках, по радио или по телефону.

Но что это за окошечко, в которое смотрит сейчас диспетчер?

Сейчас он увидит, как развиваются на участке растения. Радиоприемная станция снова настраивается на определенную волну. На освещенном стекле появляются какие-то тени. Они становятся все отчетливей, и вдруг перед диспетчером возникает изображение хлопкового поля. Лопаются темные коробочки. Нежный белый пух покрывает кусты. Неужели это окошечко — телевизор? Конечно, телевизор. Благодаря ему диспетчер, не выезжая в поле, видит, как развиваются растения, как люди ухаживают за посевами.

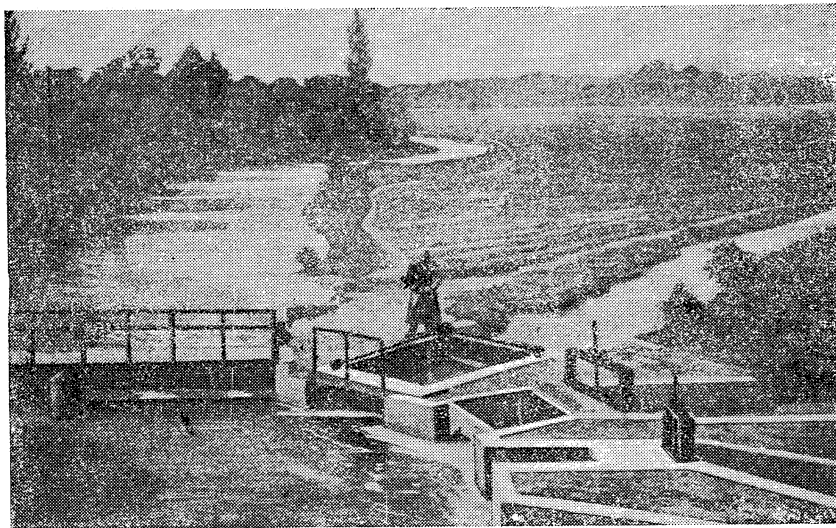
Помощники диспетчера — приборы. С их помощью он может узнать, как дышат земля, стебли и листья растений. Эти помощники служат верно и безотказно. Где бы они ни находились: в реке ли, в почве, на уровне корневой системы растений или на поверхности земли, они сообщают в диспетчерскую о всех физических изменениях, происходящих в среде, которая их окружает.

Вот диспетчер запрашивает своих невидимых помощников, находящихся в реке. Под меняющимся давлением слоя воды металлические струны вибрируют, издают звуки, которые превращаются в электрические импульсы. Так узнается сила потока, а следовательно, и расход реки.

Металлическая согнутая пластинка, опущенная в почву, ничуть не напоминает термометр. Но она изменяет свой радиус при малейших колебаниях температуры. Проволока, покрытая веществом, хорошо пропускающим влагу, изменяет свое сопротивление и электропроводимость в зависимости от количества влаги в почве. Струна, установленная в колоколе, настроенная на 400 колебаний в секунду, рождает звук, который уходит в землю, достигает зеркала соленых почвенно-грунтовых вод и, отраженный им, возвращается на поверхность. Так, без бурения скважины определяется глубина залегания подземных соленых вод. А это очень помогает бороться с засолением почвы.

Каждый отдельный прибор соединен с миниатюрным радиопередатчиком, оборудован фотоэлементом и радиолампочкой. Радиопередатчик рассчитан на разные сопротивления. Он выбрасывает в эфир электрические импульсы, действующие на расстоянии в сорок километров. А если сигналы надо передать дальше, тогда их посылают на усилитель, который передает их в центральную диспетчерскую, оборудованную точными приборами-автоматами, помогающими диспетчеру «выслушивать» и воздух и землю.

«Что же это, фантастика?» спросит читатель. Нет. Большинство описанных здесь приборов уже создано и испытывается. Их конструкторы — сотрудники научно-исследовательского бюро Гидромелиоративного института имени Вильямса. Установка автоматической диспетчеризации — это техника новой пятилетки.

Водораспределительный бассейн. От него многочисленными лучами отходят арыки. Вода не попадает в них до тех пор, пока не поднимется тяжелые плиты, преграждающие ей путь. Отсюда вода пойдет на колхозные поля. На снимке видны арыки, прорезывающие хлопковые и рисовые поля. К концу новой сталинской пятилетки оросительная система Вахшской долины примет совершенно иной вид. Берега арыков оденутся в бетон.

КАИР—АДДИС-АБЕБА—ТЕГЕРАН

И. ВАЛЕНТИНОВ

Рис. К. Эдельштейна

Крупнейший город Ближнего Востока.—Охотники за бакшышем.—Английские «гости» в Египте.—Горячий душ.—Мертвый город Суакин.—Встреча с тигровой акулой.—Джедда—город в пустыне.—В столице Эритреи.

В КАИРЕ

За последние три года мне два раза довелось побывать в Каире.

В первый раз я попал туда в октябре 1944 года.

Было около шести часов вечера, когда под крылом нашего самолета мы увидели огромный город с плоскими крышами домов: здесь почти не бывает дождей. Пролетев над Каиром, мы приземлились на аэродроме, находящемся в пустыне. Дневная жара спала, и на аэродроме было сравнительно прохладно.

Пройдя таможенный досмотр, мы отправились в город. Рядом со мной в автобусе сидел молодой араб. На нем был длинный белый бурнус — одежда бедуина, на голове, поверх капюшона, — шестигранный, оплетенный золотом обруч. Когда араб выходил из машины, бурнус распахнулся. Под ним была форма английского офицера.

Когда мы приехали в город, уже стемнело. Загорались уличные фонари. Сверкали цветные световые

рекламы в магазинах. Наш автобус двигался в потоке автомобилей. К площадке шедшего рядом с нами трамвая прицепился темнокожий мальчишка. Кондуктор в красной феске, высунувшись из окна, грозил ему кулаком. Темнокожие суданцы, одетые в длинные, до щиколоток, белые, широкие, без ворота рубахи, толпились на тротуарах.

Каир стоит среди пустыни. Восемь месяцев в году здесь царит нестерпимая жара. Температура регулирует распорядок дня. С часа дня до пяти, когда жара становится невыносимой, жизнь города замирает. Магазины и конторы закрываются. Люди спят, завернувшись в мокрые простыни (у кого они есть, конечно) и плотно закрыв ставни для защиты от палящих лучей солнца, или сидят в ванне с водой.

Несмотря на жару, женщины носят черные платья. У многих черная чадра закрывает нижнюю половину лица, отчего нос кажется приплюснутым.

Каир — самый большой город Ближнего Востока, город разительных контрастов, город роскоши и нищеты. Огромные особняки землевладельцев и купцов утопают в зелени. У железных и каменных оград днем и ночью дежурят полицейские, охраняют покой богачей от нищих, толпами бродящих по городу. Улицы полны людей, слоняющихся без дела. Много безработных, которые добывают пропитание любыми средствами: мелкими услугами, переноской грузов и просто попрошайничеством. Деревня непрерывно выбрасывает разоривших-

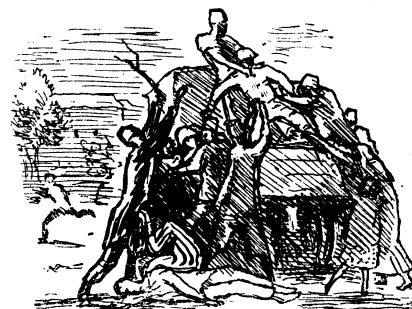
ся крестьян — феллахов, и они потоками направляются в город.

Работы в городе нет. Люди отчаянно борются за существование. С утра до ночи ходят они в поисках заработка, пытаются где-нибудь и как-нибудь урвать копейку. Так создаются охотники за бакшышем — подачкой. Ее здесь требуют по самым невероятным причинам. Если вы сбросите, например, как пройти на ту или другую улицу, с вас потребуют за это бакшиш. Если вы попросите помочь вам перенести чемодан, за него ухватятся десять рук, хотя нести чемодан будет один. И каждый из этих людей будет уверять вас, что он тоже нес чемодан, и требовать бакшиш.

На улицах Каира нам то и дело попадались толпы английских солдат. Египтяне не вмешивались в поведение «гостей». Египетские полицейские с тяжелыми, древними, устрашающего вида ружьями в руках далеко обходили места, где было много бри-

Сзади плетется хозяин длинноухого «иноходца».

...Машины были окружены...

танских солдат. И «гости» любили повеселиться. Часто можно было видеть такую картину: в экипаже, запряженном парой высоких арабских лошадей, восседает веселая компания солдат. Один из них правит. В коляске вместо трех человек сидят десять. Прохожие шарахаются в сторону от экипажа к великому удовольствию седоков. Иногда можно было увидеть, как два или даже три солдата, взгромоздившись на маленького осла, разудало распевая, лавируют между автомобилями. Сади плетется хозяин длинноухого «киноходца».

Иную обстановку мы нашли в Каире в 1946 году. (В Египте другое летоисчисление: сейчас там 1366 год Махарама; мусульмане ведут этот счет со дня бегства Магомета из Медины в Мекку.) Город волновался. Чувствовалось, что назревали большие события. По улицам дефилировали усиленные наряды полиции. То здесь, то там собирались группы египтян, выкрикивая антибританские лозунги. В городе происходили демонстрации в знак протеста против ответа Англии на требование Египта вывести из их страны британские войска.

8 февраля у моста Аббас полиция разогнала демонстрацию студентов, направлявшихся в Каир. 16 февраля студенты университета Аль-Азхар и других учебных заведений организовали демонстрацию. Они кричали: «Долой Англию!», «Долой нового премьер-министра Сидки-пашу!» Полиция всеми силами старалась не допустить демонстрантов в центральные районы Каира и ко дворцу.

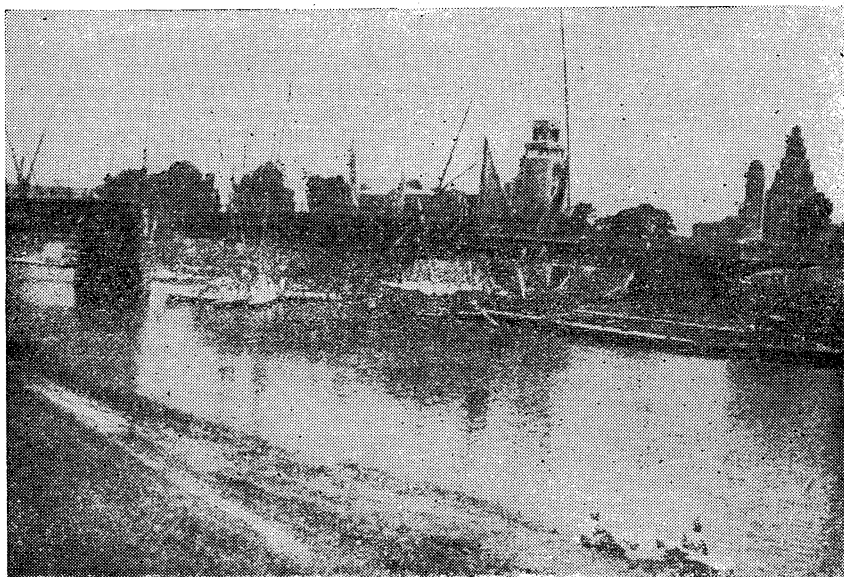
18 февраля большая демонстрация пробилась к центру города. Демонстранты выкрикивали лозунги о восстановлении независимости Египта. События достигли своего кульминационного пункта 21 февраля. В этот день английские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию египтян. Около 20 человек было убито и около 300 ранено.

В колонну демонстрантов, проходившую в этот день недалеко от английских казарм, врезалось четыре английских военных грузовика. Один человек был убит и несколько ранено. Двум грузовикам удалось скрыться. Две другие машины были окружены и опрокинуты разъяренной толпой, разбиты в щепы и подожжены. Английские водители скрылись в казармах. Толпа потребовала выдачи виновных. Из казарм ответили пулеметным огнем. Но толпа не отступила. В окна полетели палки и камни. Разъяренные демонстранты старались проникнуть в казармы. Солдаты дрались с египтянами у самых ворот. Площадь перед казармами была окутана клубами черного дыма: горели разбитые, груженные амуницией грузовики. В густом дыму люди в белых длинных рубахах катались по земле, сцепившись с английскими солдатами.

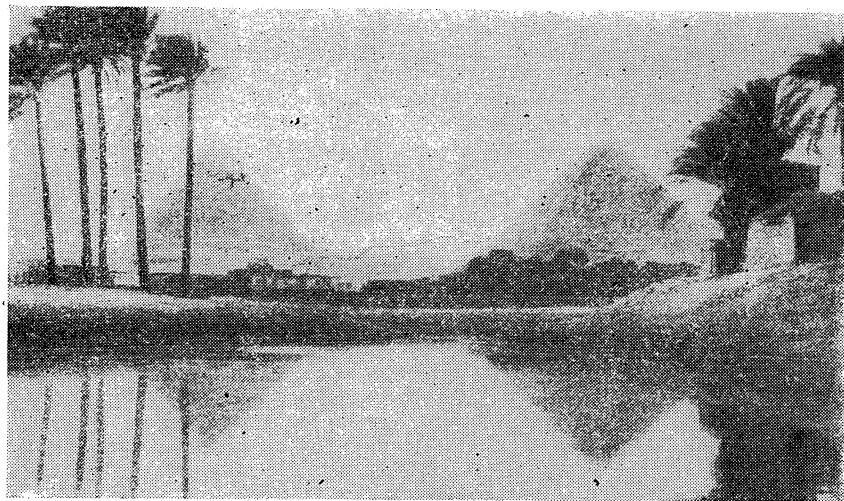
Наконец египтяне отступили. Завернув тела убитых в зеленые еги-

Египет. Пирамиды и сфинкс.

Каир. Нил.

Египет. Пирамиды.

Египет. Сфинкс.

петские знамена, они понесли их по центральным улицам города. Демонстранты подошли к Абдинскому дворцу — резиденции короля — и потребовали изгнания иноземцев.

В этот день в демонстрации участвовало 100—150 тысяч человек. Толпа громила магазины, хозяева которых подозревались в связях с англичанами. Студенты в знак протеста против английской оккупации сожгли свои английские учебники. Жизнь в городе приостановилась. Транспорт не работал. Железные ставни на окнах магазинов были спущены. На одной из улиц толпа опрокинула трамвай.

Английское командование отдало распоряжение солдатам не появляться на улицах. Охраной порядка в эти дни ведала египетская полиция. Англичане из предосторожности выставили перед своими казармами 2 танка, 20 бронемашин и 6 грузовиков с солдатами. Территория штаба английской армии была обнесена колючей проволокой.

Началась всеобщая забастовка. Предприятия остановились. Демонстранты громили английские учреждения, ломали мебель, выбивали окна.

Сидки-паша, бывший в то время премьер-министром, опубликовал заявление, предупреждая демонстрантов, что он примет меры «против людей, превращающих мирные демонстрации в беспорядки».

В течение многих дней после кровавого события 21 февраля в Каире продолжались демонстрации и забастовки.

ПО КРАСНОМУ МОРЮ

Из Каира в Порт-Тафик мы приехали по железной дороге. Здесь

мы пересели на пароход египетской компании «Арабиен мейл компани», который должен был доставить нас в Массауа. Порт-Тафик — маленький портовый город с одноэтажными и двухэтажными домами, расположенный недалеко от Суэца. В нем нет ничего достопримечательного.

Ранним утром наш небольшой корабль покинул Порт-Тафик.

Перед нами расстилалось Красное море.

Над спокойной ярко-синей поверхностью воды нависла легкая дымка испарений. На востоке небо покрылось свежим утренним румянцем. Прозрачная вода шумела и пенилась у бортов корабля. Взошло солнце — огромное и красное. Легкая дымка растаяла под его лучами. Море засверкало тысячами солнечных бликов.

Спустя два часа стало невыносимо жарко. На корабле не было места, где можно было бы укрыться от жары. Откидные стулья с брезентовыми сиденьями стали мокрыми от влаги.

Днем стало еще жарче. Немногочисленные пассажиры вяло бродили по палубе, обливаясь потом и проклиная духоту. В каюте было немного лучше. Там можно было сидеть, закрыв иллюминатор и направив на себя струю воздуха от вентилятора. Желая освежиться, я пошел в душ. Каково же было мое удивление, когда вместо холодной воды на меня полился горячий дождь! Тропическое солнце нагрело воду. Какое разочарование!.. Нужно было опять идти в каюту и сидеть около вентилятора. Я невольно подумал о людях, работавших внизу, в машинном отделении. Там было суше пекло...

Через день мы прибыли в Порт-Судан.

Пополнив запасы воды, мы направились к мертвому городу Суакину, чтобы принять на борт африканских паломников-мусульман, направлявшихся в Мекку на праздник Рамадан. Суакин расположен на побережье Судана. Сразу же за городом начинается раскаленная пустыня. Когда-то здесь был порт, но затем, по практическим соображениям, он был покинут. Его заменил Порт-Судан, построенный англичанами в 1905 году в 25 километрах к северу от Суакина. Когда Суакин перестал служить портом, население, лишённое работы, дававшей средства к существованию, покинуло город. Теперь в нем, кроме телеграфа, где работает несколько служащих, нет других признаков жизни. Мы обошли весь город и не встретили ни одного человека. Песок, нанесенный ветром, толстым слоем лежал на улицах. Черные отверстия окон покинутых жилищ мрачно смотрели на нас.

Рядом с Суакином на небольшом полуострове расположен карантин

для паломников. Здесь ожидают они судна, которое доставит их в Саудовскую Аравию, в город Джедду.

В течение всего следующего дня производилась посадка паломников. Почти голые, они несли свой скудный багаж: большие выдолбленные тыквы, употребляемые в качестве сосудов для воды, огромные вязанки колючего хвороста, который должен был служить им топливом при переходе через пустыню от Джедды до Мекки, и небольшие узелки с белой одеждой, которую им надлежало надеть в определенном пункте Красного моря, — там, где Магомед, возвращаясь на родину, будто бы переменил свою одежду. Когда корабль проходит по этому месту, сирена парохода предупреждает паломников. Как только паломники со своим хворостом и тыквами попадали в отведенный для них трюм, они бросались к кранам с пресной водой и наполняли все имеющиеся у них сосуды: в Джедде воды почти нет.

Было невероятно жарко, и, несмотря на категорическое запрещение, я мечтал выкупаться в укромном местечке у берега. В Красном море нельзя купаться. Здесь водятся тигровые акулы — отвратительные создания, длина которых достигает 5 метров. Акулы эти очень хищны, в отличие от обитающих в северных морях китовых акул, которые почти никогда не нападают на человека, хотя и бывают огромных размеров (до 20 метров). В теплых водах Красного моря водится и другой, не менее опасный хищник — меч-рыба, длинный и острый нос которой является страшным оружием. Бывают случаи, когда меч-рыба пробивает днище корабля. Здесь водятся и рыба-пила, и осьминоги, и водяные змеи. Ясно, что купаться в таком «приятном» обществе весьма опасно.

Было душно и страшно хотелось пить. Я с завистью наблюдал за двумя темнокожими пловцами, курчавые головы которых то исчезали под водой, то вновь появлялись. Африканцы разыскивали гребной винт катера, упавший метрах в 100 от корабля. Нырять, они оставались под водой очень долго. Я наблюдал их уже около двадцати минут, когда один из пассажиров крикнул:

— Акула, акула!..

Стоявшие у борта африканцы тоже закричали. Невдалеке от пловцов плыла лодка. Гребцы тотчас заметили хищника и, не ожидая команды, бешено заработали веслами. Шлюпка быстро развернулась и понеслась к пловцам. До акул было около 200 метров. Между лодкой и людьми — около 50. Кривой острый плавник акулы то появлялся над водой, то вновь исчезал. Расстояние между хищником и людьми быстро сокращалось. Матросы гребли неистово, слышно было, как в уключинах скрипели весла. Пловцы работали руками и ногами с яростью, на которую способны только люди, защищающие свою жизнь. Одно из них,

наконец, гребцы подняли на борт. Второй был уже метрах в трех от лодки, когда хищник бросился на него. Огромная акула перевернулась на спину, чтобы схватить свою добычу. Нижняя челюсть морского хищника намного короче верхней, и ему удобнее хватать свою жертву, перевернувшись животом вверх.

Пасть акулы широко разверзлась. Я невольно вскрикнул... Вдруг один из матросов, видимо, стоявший наготове, взмахнул длинным веслом. Широкая лопасть вошла в пасть акулы, когда та уже собиралась схватить человека. Поднялся столб брызг, в воздухе мелькнул похожий на полумесяц хвост морского хищника. Еще мгновение, и пловец вцепился в борт лодки. Сильные руки матросов мгновенно выхватили его из воды. Весло было раздроблено...

Спасенных доставили на корабль. Один из них причитал и дрожал всем телом.

Весло вошло в пасть акулы, когда та собиралась уже схватить человека.

Этот инцидент отбил у меня всякое желание купаться.

К вечеру посадка паломников была закончена.

Здесь были люди всех цветов и оттенков кожи: от белого до черного. Почти у всех были жесткие вьющиеся волосы. У многих женщин они были заплетены во множество мелких косичек, начинавшихся от самого лба. У некоторых волосы были подняты и связаны наверху бечевой.

На лицах многих пассажиров были шрамы: то по три вертикальных шва, то в виде решеток. Это были признаки принадлежности к определенному племени.

Один из пассажиров часто с дружелюбным любопытством поглядывал на меня. Он, видно, хотел заговорить, но не решался. Огромный краснощекий швейцарец, с которым я уже несколько раз беседовал, сообщил мне, что пассажир этот, эфиоп по национальности, хотел бы познакомиться со мной. Я согласился.

Новый знакомый оказался очень любознательным человеком. Главным образом его интересовала Россия. Он спрашивал, как выглядит снег, который он никогда не видел, и гравда ли, что люди на севере живут под снегом? Мы говорили и о войне. Моего собеседника удивляла «неожиданная резкая перемена», которая произошла в войне в 1943 году. Он никак не мог понять, откуда взялись такие силы, которые погнала немцев от Сталинграда, словно ветер сухую траву.

— В чем секрет? — спрашивал он. — Народ, что ли, у вас очень храбрый? Раньше говорили, что Россия страна слабая, а она оказалась сильнее всех.

Эфиоп много спрашивал о Советском Союзе. Чувствовалось, что он глубоко уважает наш победоносный народ и восхищается его героическими успехами.

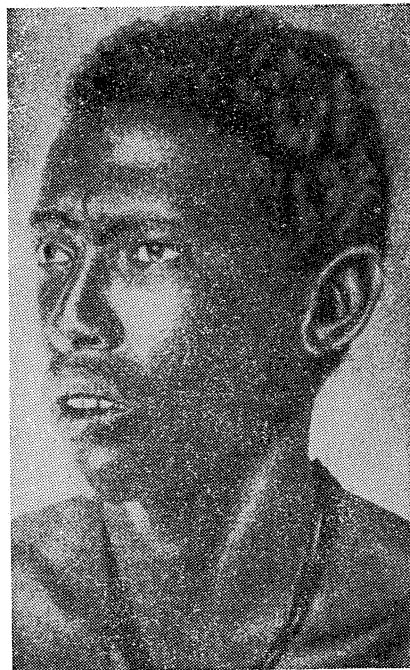
В Джедде он сошел на берег. Мы расстались большими друзьями.

Джедда расположена на побережье Саудовской Аравии. С трех сторон город обступает мертвая пустыня, и он выглядит белым пятном среди желтого моря песка. Когда вы смотрите на него с корабля, вы не видите ни одной зеленой ветки. Все дома с плоскими крышами.

Вода здесь продается. Ее привозят в Джедду на водоналивных судах. Этим и объяснялось, что пассажиры трюма с такой жадностью наполняли водой свои сосуды: они запасались ею до Мекки.

Между Джеддой и Меккой курсировали грузовики, но этот новый расход был не под силу большинству паломников. Они пошли через пустыню пешком.

На другой день мы отправились в Масауа. Судно наше пересекло Красное море, и мы поплыли вдоль африканского берега. Красное море—

Суданец. Шрамы на щеке говорят о принадлежности к определенному племени.

самое теплое в мире — изобилует коралловыми постройками, которые растут здесь с невероятной быстротой; поэтому корабль идет по определенному, уже проверенному курсу.

В Красном море вода ярко-синего, очень красивого цвета. Название же свое оно получило от красных водорослей, которые растут у его берегов.

Через два дня, около полудня, мы входили в гавань Масауа, расположенную на побережье бывшей итальянской колонии Эритрея, оккупированной английскими войсками.

У самого входа в гавань мы увидели целый лес торчавших из воды мачт.

Это был затопленный итальянский флот.

На берегу толпились темнокожие носильщики, ожидавшие под знойным солнцем выхода пассажиров.

Как утверждают моряки, Масауа и Джибути являются самыми жаркими портами мира. Жара здесь действительно совершенно невыносимая. Воздух насыщен влагой, дышать очень трудно.

В таможне, стоя в очереди, я наблюдал, как таможенные чиновники перетряхивали у пассажиров содержимое чемоданов. Пассажиры, судя по их лицам, были крайне раздражены этим, но сдерживались.

До отхода автобуса, который должен был отвезти нас в столицу Эритреи—Асмару, оставалось два часа. Мы решили воспользоваться этим временем и отправились в ресторан, расположенный на берегу моря. Ре-

сторон был окружен деревьями, других стен у него почти и не было. Под крышей, в небольшом заливишке, отгороженном от моря металлической сеткой, был устроен бассейн для купанья. Посетители ресторана передевались в кабинках купальни и прыгали в воду.

Жаркий климат наложил отпечаток на одежду проживающих здесь итальянцев. Они носят короткие штаны и легкие рубашки. Итальянки ходят по городу в огромных шляпах и купальных, с небольшими юбочками, костюмах, и у вновь прибывшего создается впечатление, что он находится на пляже.

ОТ МАСАУА ДО АСМАРЫ

Из Масауа мы отправились в Асмару. Нам предстояло подняться на высоту 2500 метров. Между Асмарой и Масауа около 100 километров. Асфальтированная дорога непрерывно поднимается вверх.

Через час мы остановились у небольшого домика. В автобус вошли два чернокожих солдата в английской форме, с винтовками. Они сели по обеим сторонам шофера, и автобус тронулся. Мой сосед-швейцарец, который тоже направлялся в Аддис-Абебу, сообщил мне, что это охрана. Партизаны, ненавидящие пришельцев, часто останавливают автобусы и убивают англичан. Я взглянул на пассажиров. Многие из них были явно озабочены. В автобусе находилось около 20 человек: это были купцы и чиновники. Здесь были арабы, французы, англичане, эритрейцы, шведы и поляки.

Прошло три часа. Автобус поднимался все выше и выше. Облака уже находились под нами. Растительность

приняла здесь, на высоте более 2 тысяч метров, фантастическую форму. Деревья были похожи на огромные водоросли. Высокие стволы их были зелеными и мягкими, а ветви гнулись до 4—5 метров вверх десятками толстых зеленых шупальцев. Огромные кусты кактуса с толстыми колючими листьями были покрыты пылью. Тропическая растительность исчезла. Трава вдоль склонов выгорела под знойными лучами солнца и стала сухой и желтой.

Чем выше мы поднимались, тем становилось холоднее. В автобусе закрыли все окна, но все же пассажиры дрожали от холода. В это время (около шести часов вечера) всего в 80 километрах отсюда, в Масауа, было до 30 градусов жары. Я не ожидал, что на 16-й параллели, почти рядом с экватором, может быть такой холод. Дорога извивалась вдоль склона. Справа от нас возвышались скалы или склоны с выгоревшей травой, а слева были пропасти и глубокие ущелья.

Шофер, видимо, привыкший к этому пути, вел машину на большой скорости.

Мы благополучно приехали в Асмару, когда уже совсем стемнело. Опасения были напрасны: на автобус никто не напал.

Было холодно. Итальянцы, составляющие большинство населения города, ходили в пальто.

На другой день мы осмотрели город, который оказался совсем маленьким — около 2 километров в диаметре. Самым большим строением была резиденция папского нунция (посла): здание в готическом стиле, построенное из красного кирпича и обнесенное высокой каменной стеной. Оно занимало целый квартал. На главной улице возвышался ве-

достроенный четырехэтажный дом с большим балконом — дворец, который итальянские фашисты строили для своего дуче.

Город разделен на две части: итальянскую и туземную. Итальянская часть — типичный европейский городок. Здесь много парков, хорошие тротуары и дороги, несколько кинотеатров. Туземная же часть представляет собой большую эритрейскую деревню с глиняными домами, покрытыми ржавым железом. По улицам бегают грязные голые ребятишки, разгуливают ужасающего вида прокаженные.

В Асмаре было много праздного народа. Итальянцы толпами прогуливались по улицам. Хозяин гостиницы сообщил мне, что это безработные и что в городе ожидают увеличения безработицы.

На следующий день мы отправились в штаб-квартиру английских оккупационных войск.

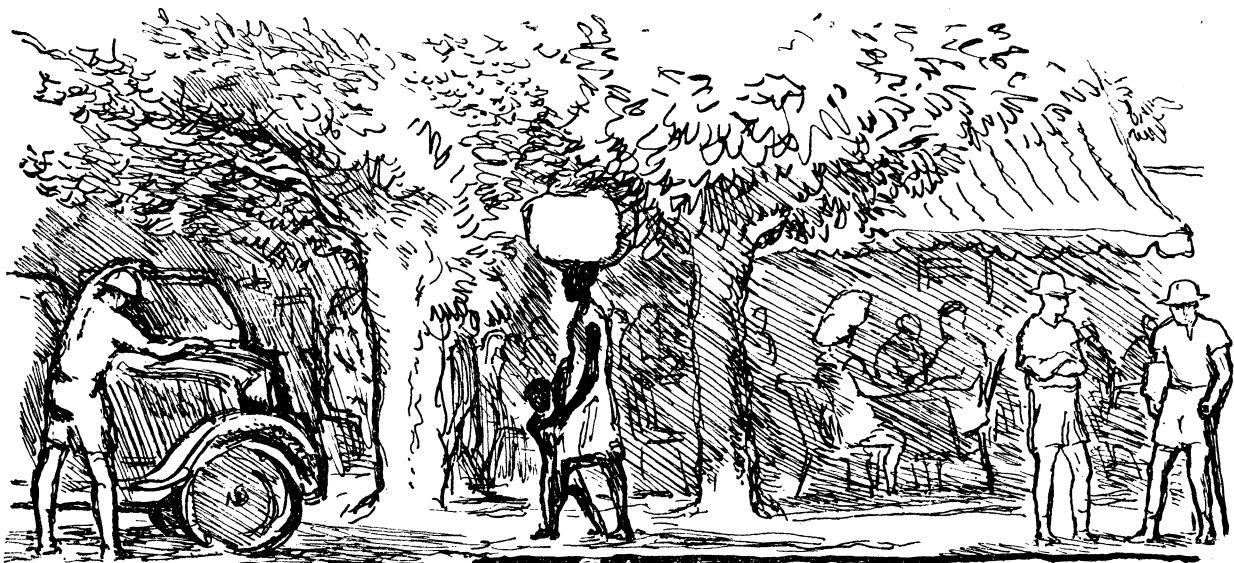
Майор британской армии принял нас весьма неохотно. На мой вопрос о возможности следовать с колонной военных автомашин в Аддис-Абебу, он замахал руками и закричал: «Не могу, не могу! Ни за что не отвечаю, ни за что не могу ручаться...» Он рассказал нам, что только несколько часов тому назад получено сообщение о нападении партизан на английскую военную колонну и об убийстве офицера и двух солдат.

— В этих условиях, — сказал он, — я не желаю брать на себя ответственности за вашу жизнь. Лети-те на самолете.

— Но самолет будет через неделю, — возразил я ему.

— Ну, уж это не мое дело. Пришлось ждать самолета.

(Окончание следует)

Ресторан был окружен деревьями.

ПО ГЛУХИМ ТРОПАМ ЗЕРАВШАНСКОГО ХРЕБТА

А. ШАХОВ

КЛЕЕНЧАТЫЙ МЕШОК

Иногда, по утрам, мы оставляли Василия сторожем у палатки и отправлялись на разведку. С такой прогулки мы часто возвращались с хорошими находками: по бокам лошади, через седло, свешивались большие снопы различных трав. Мы расстилали их под брезентом, натянутым на четыре кола, отдельно — корни, листья, стебли и цветы. Сушить на солнце нельзя: и ядовитые и полезные свойства многих растений под влиянием ярких солнечных лучей исчезают. Образцы после сушки становились маленькими и легкими.

На каждой этикетке мы ставили номер нашего каталога, указывали латинское название растения, дату, место сбора, условия, в которых оно встречалось, а в толстой тетради отмечали примерную площадь и район его распространения. Записывали, каким способом и сколько трав можно собрать, приводили соображения о введении их в культуру и различные сведения о них. Потом листья, корни и цветы мы укладывали в бязевые мешочки, а стебли перевязывали шпагатом.

Когда все операции с образцом оканчивались, Анна Николаевна подкидывала его на руку и каждый раз при этом радостно восклицала:

— Оп-ля, готово!..

И образец отбрасывался в одну из куч. Их было две. Растения из большой кучи упаковывались в обычный мешок, а из маленькой — в заветный клеенчатый. Клеенчатому мешку не были страшны ни дождь, ни роса.

В обычных мешках находились образцы растений, в инсектисидных свойствах которых мы не были уверены. Другое дело — клеенчатый мешок: там были пакеты и свертки с ценными травами. Об этих травах упоминалось в литературе или мы узнавали о них у местных жителей.

В клеенчатом мешке уже лежали образцы пижмы, трех видов тысячелистника, ханделии волосистой, несколько видов ромашек, отличных от ромашки розовой, девясила, руты остролистой, пагубно действующей на вредителей хлопчатника, ядовитого цицера, многих видов полыни и — в пузырьке — сок из корней девясила, употребляемый в зеравшанской долине от червей в

ранах животных. Все образцы мы должны были послать почтовыми посылками в Москву для проверки их в лабораторных условиях.

Клеенчатый мешок всегда выючили на ослицу. В пути, в минуты усталости, Анна Николаевна подходила к ослице и, поглаживая рукой горячую клеенку, обыкновенно говорила:

— Неплохой мешочек!..

После этого настроение у нее поднималось, и она шла бодрее.

ДУКДОН

Еще внизу, на Арчи-майдане, когда мы смотрели вверх по ущелью, над лесами, там, где лежит снег, где целый день стоят облака, виднелись две каменные громады, а за ними, вдали, — целый мир их.

Было что-то величественное и дикое в этих горах. Они притягивали к себе взоры. Куда бы ни смотрел — в конце концов обязательно повернешь голову в их сторону.

Среди них расположен перевал Дукдон. С каждым днем мы приближались к нему. И вот, наконец, величавые горы. Видим отчетливо. Они похожи на гигантские дворцы. А когда мы подходим поближе, дворцы превращаются в беспорядочное нагромождение скал, утесов, шпилей, — все из серого камня. В морщинах между ними снег. И — ни одной травинки.

Но громады продолжают очаровывать. Теперь смотришь только на них и никуда больше.

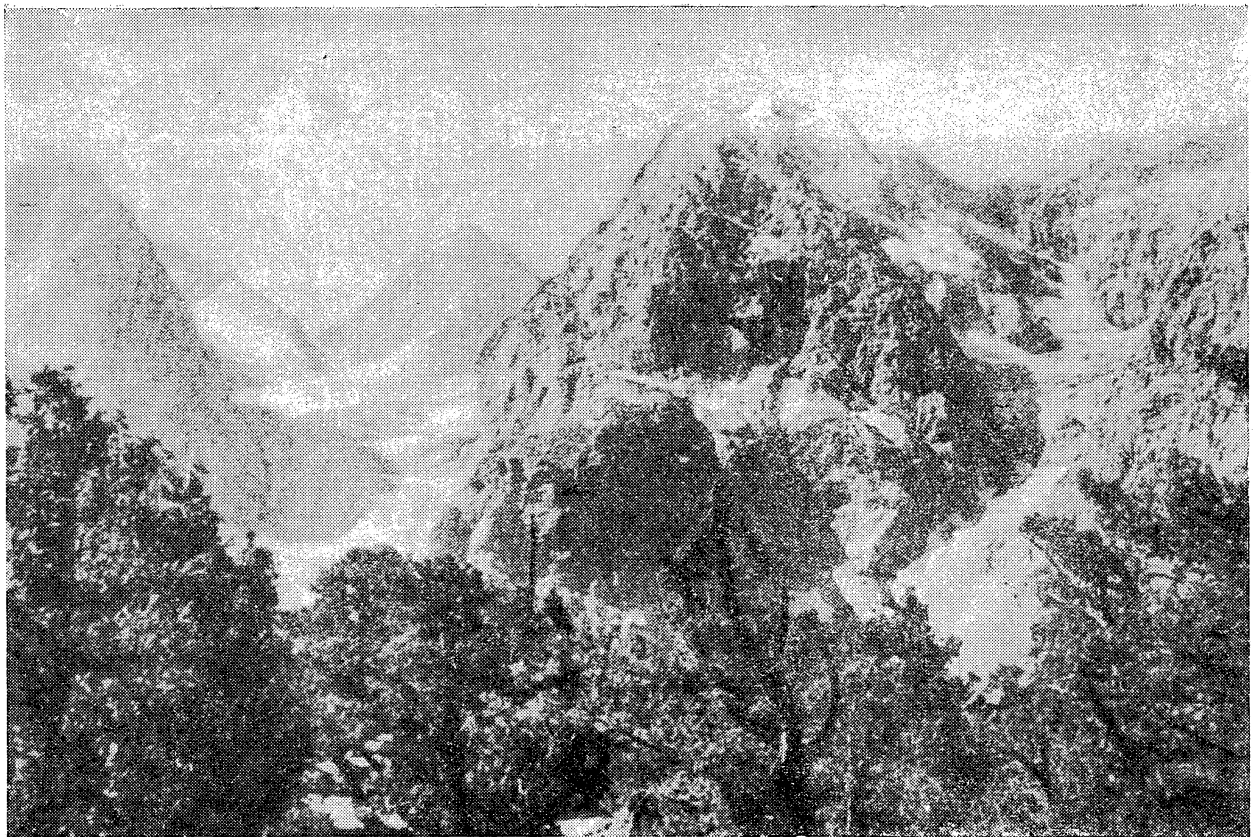
Решив перевалить Дукдон за один день, мы встали спозаранку. Усталые еще от прошлых дней, тронулись в путь.

Под ногами камень, щебень, по склонам последние одинокие деревья арчи. Трудно идти. Ах, как тяжело передвигать ноги!.. Как утомителен долгий путь по этим сухим каменистым ущельям!..

У Анны Николаевны уже несколько дней как исчезла улыбка. Василий идет, как во сне, ничего не замечая вокруг. Он задерживает нас. Нам приходится его поджидать.

Петр Петрович иногда останавливается и, стукнув галкой о камень, бранится.

1 Окончание. Начало см. в № 7 журнала «Вокруг света».

Когда мы смотрели вверх по ущелью, над лесами, там, где лежит снег, виднелись две каменные громады, а за ними, вдали, — целый мир их...

— Как хотите, — говорит он, — а завтра я уйду в Самарканд.

— И я тоже, — совсем тихо добавляет Василий.

Анна Николаевна стыдит их и указывает на мою седину, ставит в пример мою безропотность.

— Его должность такая — начальническая, мучайся, но молчи, — возражает Петр Петрович.

На их угрозы я не обращал внимания. Они говорили это только для собственного облегчения, чтобы отвести душу. Не слушая, я спрашивал:

— Покурим?

— Хоп майли¹, перекурим, — отзывался Петр Петрович, останавливая животных, и сел на камень. Василий опускался наземь там, где стоял.

Через несколько минут я говорил:

— Ну, пошли!

— Чевои-то, еще дух не перевели... — бурчал Петр Петрович.

На это я отвечал строгим голосом:

— Надо спешить! До темноты нам во что бы то ни стало надо пройти перевал, иначе можно попасть в беду.

— Да, поднимайтесь, поднимайтесь! Пойдем поскорее, — говорила Анна Николаевна. — Поглядите, пожалуйста, — клеенчатый мешок в порядке?

Она нервничала и предлагала переночевать, не доходя ледника, чтобы самый перевал брать на следующий день с утра. Я был уверен, что мы успеем пройти Дукдон до вечера: ледник близко, а до темноты далеко.

Анна Николаевна, с мольбой в глазах, просила меня не рисковать. Я остался непреклонным. Анна Николаевна, отойдя в сторону, отвернулась. Она беззвучно плакала.

Это заметил не только я, но и Василий. Лицо у него сделалось жалостливым, ему было больно за нее. Он тоже отвернулся от нас, лег грудью к роднику, долго

пил воду и потом сказал насколько можно бодрым и веселым голосом:

— Лимонад! Это вам не самаркандское тухлое питье. Это живая вода, попьешь, — и ноги сами бегут. Ничего, Анна Николаевна, не горюйте. Попейте бальзама, и на Дукдоне будем в обед, как миленькие. Эй, Петр Петрович, чего призадумался? Пошли!

Анна Николаевна попила воды, успокоилась, и мы пошли вперед. И снова застучали подковы по камням и зашуршал убегающий из-под ног щебень.

Прошло часа два. Каменный крутяк кончился, и перед нами открылась широкая, пологая долина с зеленой травой, от которой мы уже давно отвыкли. Это ледниковый цирк. Мы в нем как в колоде. Вокруг бесконечные серые скалы. Между ними, до самой травы, лежит снег. В этом цирке ниже снегов — весна. Цветет шиповник и зеленеет трава. И воздух так свеж и душист, что хочется вдыхать его без конца.

Снег и розы — как это чудесно!..

Мы задираем головы и ищем тропу на перевал. Она вьется по камням между скал, чернеет на снегу выше их и подходит к вершине длинного хребта. Там в снежной ложбине, между громадой и небольшой горой, тропа скрывается из глаз. Снежная ложбина — это ледник, это перевал Дукдон. Он кажется отлогим и совсем близким. У меня даже разочарование — с таким волнением ждали этого перевала, а он вдруг оказывается легко проходным. Если бы на лошадях — его и не заметили бы! Всем нам, двигающимся черепашью шагом, стало понятно, что Дукдон без всяких затруднений мы переедем в полдень, и, покинув цветущий цирк, мы с легкой душой начали взбираться по крутой тропе.

По тропе бегут снеговые ручьи, под ногами сначала грязь и камни, скользко, потом снег и на нем старье, расплзающиеся лошадиные следы.

Снег крупный, зернистый. Под жарким солнцем он сверкает так, что больно глазам. Ложбина, по которой

¹ — Очень хорошо (казахское).

идет тропа, расширяется и превращается в огромное поле. Мы попадаем на ледник.

Тропа исчезает. Вместо нее неясный след одинокого всадника, который проходил здесь недели две-три назад. Ослы, не зная, куда идти, рассыпаются во все стороны. Приходится их вести в поводу.

Я веду Дьяволицу, Петр Петрович — Лохматого, «Колькиного товарища» и Серого. Бабая гонит Василий. Все мы от недостатка воздуха и усталости без конца зеваем.

Это только издали перевал казался отлогим, а на самом деле он крутой. До вершины хребта осталось каких-нибудь два километра. Высота перевала не особенно велика — 3 900 метров, но воздух уже сильно разрежен, дышать трудно. Ослы скоро обессиливают и часто останавливаются. Бабай совсем пристал. Как ни толкает его Василий, он ни с места. Да и сам Василий еле идет. У него, видно, плохое сердце — опухло лицо и руки.

Весь груз с Бабая мы перекладываем на Барышню, ее ведет Анна Николаевна. Бабай и Василий тащатся за ними. Я доволен, что мы во-время сняли с белого ишака груз. Лошадь сильная: везет двойную тяжесть, и ничего — только покряхтывает на крутых подъемах.

Солнце — прямо в лицо. От теплых, почти горячих лучей жмуришься, приятно, но спина мерзнет.

Тонкие ноги ослов проваливались в снег. Животные увязали по брюхо. Приходилось снимать с них вьюки, выбирать, где снег лежит плотнее, перетаскивать туда груз и навьючивать ослов снова. Одно мученье!

Василий опять отстал. Мы издали ему покричали. Он не ответил. Позвала его и Анна Николаевна. Он не отозвался и на ее зов. Значит, дело плохо. Нужно к Василию спускаться. Но кто не знает, как трудна лишняя сотня шагов у высокого перевала?

Я снова крикнул ему, спросил, как он себя чувствует. Но он не только не ответил, но даже отвернулся от меня, подставив солнцу спину. Бабай, который опустив голову, стоял рядом с ним, тоже повернулся, чтобы согреть другой бок.

Вытащив из вьюка шубу, единственную, которая была у нас, я спустился к Василию. Он сидел на камне, сгорбившись. Лицо его настолько отекло, что почти не было видно глаз.

— Отдохни, а потом потихоньку гони ишака,— сказал я ему.

— Бабай совсем пристал.

— А ты?

— Я тоже. Дальше никак не могу идти.

— На шубу. Когда отдохнешь, оставь ишака — чорт с ним! — и догоняй нас.

— Не могу. Сил совсем нет.

— Если не можешь идти, я приеду за тобой на лошади, — сказал я. — До перевала, видишь, совсем пустяки остались. А там, как спустимся на траву, я приеду за тобой на лошади, тебя посажу, а сам пойду пешком. Ты как следует укутайся в шубу, сядь на солнышко и ничего не бойся. Через час-два я приеду.

И, уверенный, что с ним ничего плохого не случится, я пошел по тропе вверх.

...И вот, наконец, — уф! — перевал! Кончились мучения!.. Теперь до Искандер-куля, даже до Зеравшана, на все две недели пути дорога под гору и под гору.

Мы уселись на камнях, — надо дать отдохнуть расхолодевшему сердцу. Свистел холодный ветер. Глаза щукали близкие и дальние хребты, ледники, сгрудившиеся облака над Памиром. Потом взгляд переходил на два темных пятна, хорошо видимые на снегу, ниже нас на километр. Это Василий и Бабай. Они были неподвижны. В сердце проникло тревожное чувство. «Ничего, скоро я поеду за ним», успокоил я себя.

Мы все молчали. Вокруг безмолвие. Чтобы разорвать тишину, я крикнул:

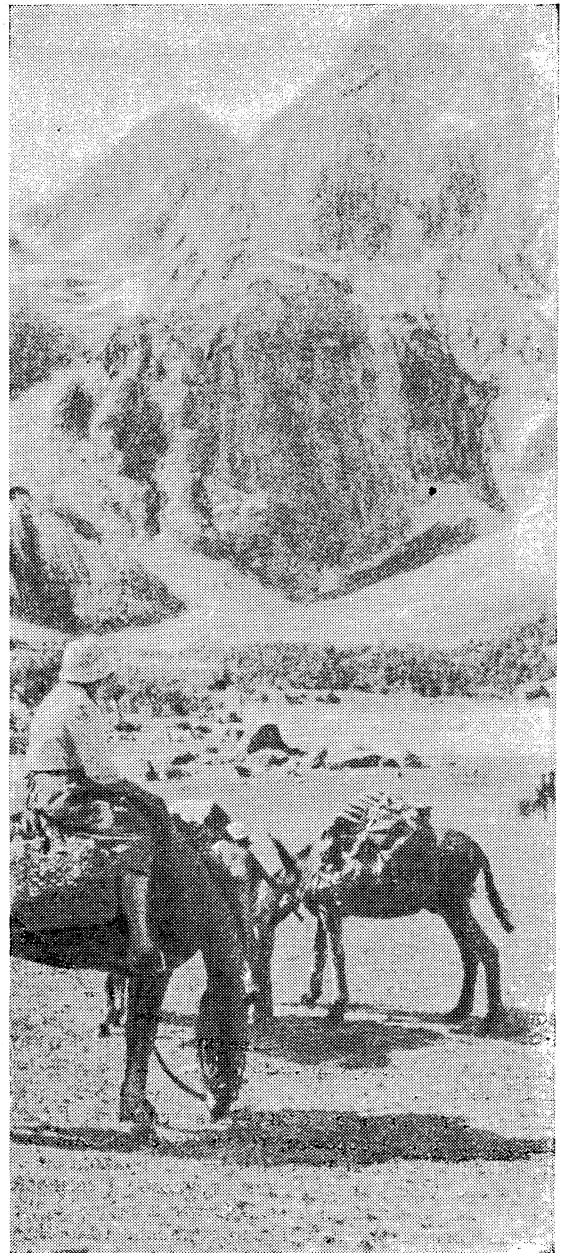
— Уа-а-а!..

Крик превратился в звонкий музыкальный гул. Мне было забавно, что мой совсем не сильный голос заполнил вдруг горные просторы.

Мы находились у подножия той громады, которая издали казалась нам дворцом. Я смотрел на нее с любопытством, даже с некоторым волнением: громада выше соседних великанов, она неприступна — скалы остры, ледяные стены отвесны. На ней нет жизни. Огромные пространства без жизни — это непривычно. Величавая, суровая громада властвует над просторами. Она, как молчаливый созерцатель, стоит над жизнью, которая шумит где-то далеко внизу.

«Холодный страж жизни», подумал я. Это сравнение на меня произвело большое впечатление.

И вдруг в этом холодном молчании — какне-то неясные звуки. Я прислушался — где-то будто музыка. «Если вокруг нет жизни — откуда же музыка?..»

Перед нами открылась широкая пологая долина с зеленой травой. Это ледниковый цирк.

Ложбина, по которой идет тропа, расширяется и превращается в огромное поле. Мы попадаем на ледник.

И, посмотрев еще раз на гору, я понял. Ледник расплавило солнце; невидимыми ручьями, тонкими струйками стекала по льду вода и, стекая, скатывала на своем пути подо льдом камни, камешки.

Звенели струи, звенел лед. Падая и разбиваясь, звенели ледяные сосульки и льдинки. И все это было, как невидимый струнный оркестр. Будто под редкий, глухой барабанный бой, под звуки скатывающихся камней пели тысячи скрипок и арф. Каменистый, непорочной чистоты, страж жизни пел. Такой чудесной музыки мне еще никогда не приходилось слышать.

Я закрыл глаза. Мне хотелось петь вместе с ним.

* * *

Было уже за полдень, когда мы после десятиминутного отдыха стали спускаться с Дукдона. Мы спешили — сзади оставался беспомощный Василий. Впереди, ниже снега, виднелся зеленый склон, где предполагалась наша стоянка. Но в горах расстояния обманчивы — мы прошли довольно много, а трава была все еще далеко.

Тропы попрежнему не было. Мы ползли по южному склону. Ослы проваливались в снег.

Наконец мы попали на моренную грядку — на крутой ледяной склон, где среди льда торчало множество обнаженных камней.

А солнце грело все сильнее и сильнее. По льду, прокладывая в нем борозды, текли ручейки. Они быстро превращались в большие ручьи — их приходилось перепрыгивать уже с некоторым трудом. Невыносимый блеск ледников утомлял глаза. Ослы шли по льду, растопырив ноги, скользили, низко наклонив головы, тщательно выбирали место, куда поставить ногу, и все-таки падали, что было уже опасно — могла оказаться сломанная нога.

Петр Петрович больше не ворчал. Он понимал опас-

ность нашего положения — мы так долго возились с развьючиванием и выючением животных, что нас на льду могла застигнуть ночь. Если осел падал, я с Петром Петровичем, скользя по льду и тоже падая, переносили выюк на каменную россыпь, а потом вели туда осла и снова выючили.

Время шло. Солнце было уже недалеко от горных вершин. Запад затягивало тучами. Похолодало. Ручьи неожиданно быстро высохли. Лужицы затянулись тонким льдом. И когда зашумел холодный, резкий ветер, я тревожно подумал о Василии.

Оставить экспедицию на льду и ехать за ним нельзя — тогда все мы будем вынуждены ночевать на снегу, что без зимней одежды и огня равносильно смерти. Продолжать спускаться по леднику тоже опасно: можно дотянуть до полудня или до утра, и Василий тем временем замерзнет.

Я мучился и страшно ругал себя: «Когда Василий ослабел, надо было бы развьючить Барышню, груз оставить под перевалом, а больного посадить на лошадь. А главное, следовало бы послушаться Анны Николаевны — ночевать под Дукдоном. Виновником смерти Василия, конечно, буду я».

Свои сомнения я высказал Анне Николаевне и ждал от нее упрёка: «Я вам говорила, а вы сделали по-своему. Теперь расплачивайтесь за свое упрямство». Но она молчала. Тогда я сам сказал:

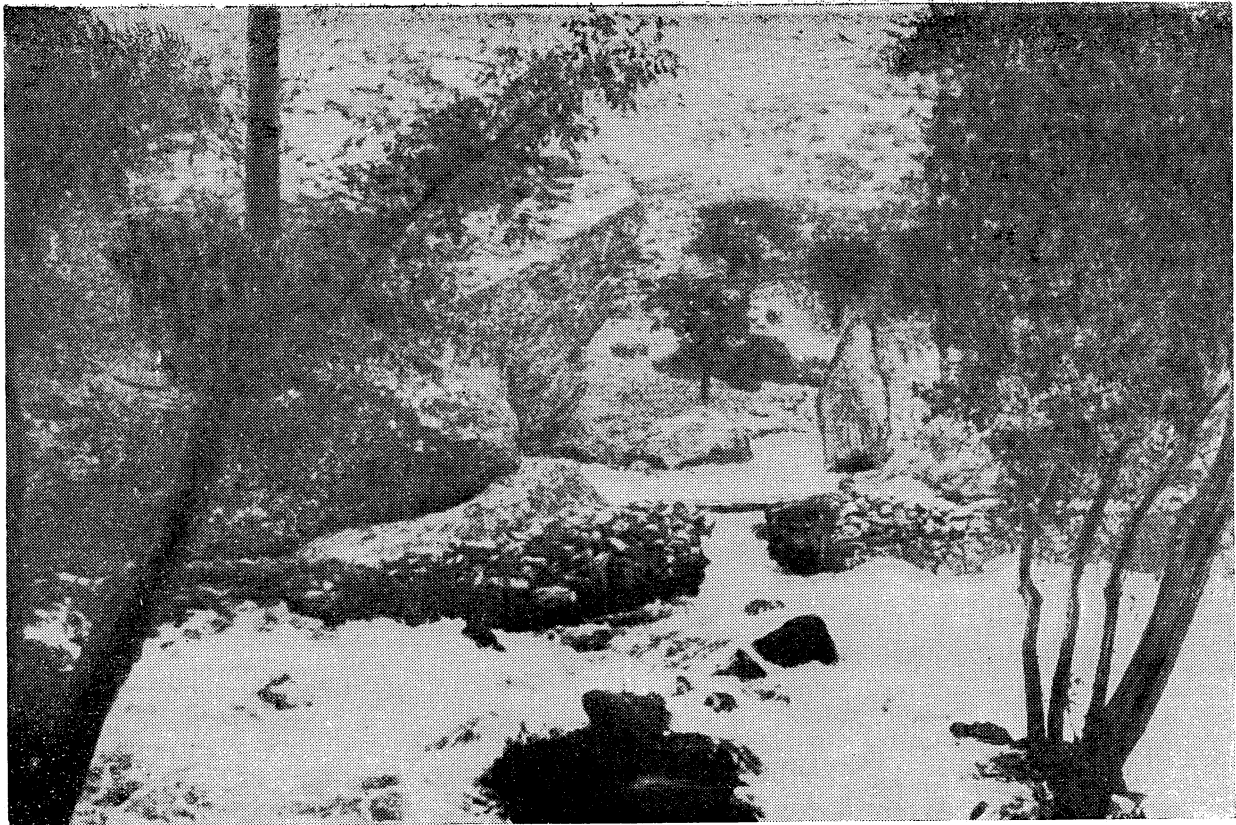
— Надо было бы переночевать под перевалом.

Но она ответила совершенно спокойно:

— Что же теперь говорить об этом? Понатужимся — и засветло дойдем до травы.

И мы, насколько было возможно, пошли быстрее.

Ослы продолжали падать. Таская вещи втроем, мы выбивались из сил. Но вот моренная грядка кончилась, под ногами твердый снег. Мороз усиливался, ветер крепчал. До травы было еще далеко.

Справа, ниже тропы, бушевала река.

— А ведь Василию плохо будет. Его надо выручать. Что будем делать? — спросил Петр Петрович.

Я молчал.

Анна Николаевна потом рассказывала, что на меня в то время было очень тяжело смотреть — так сильно был я подавлен.

Как только солнце зашло за гору, ледник кончился, и мы оказались на влажной земле, где ярко зеленела совсем молодая трава. Мы спустились настолько низко, что мороза уже не было. Но ветер, как и прежде, дул очень холодный. Над ледником нависли тучи. На Дукдоне скоро должна была разыгаться метель. На альпийской лужайке нас встретил резкий, как удар бича, свист сурков. Желтые, круглые, коротконогие, они при виде нас спешили скрыться, добежав до норы, садились на задние лапы и отрывисто свистели.

Выбрав удобное для лагеря место, мы остановились. Анна Николаевна, дрожа от холода, поспешила за топливом.

В первую очередь развьючили Барышню. Надо было поскорее ехать за Василием. Мои промокшие ноги дрожали от усталости, да и все мы изнемогли и еле стояли.

Я привьючил к седлу бурку. Подошла Анна Николаевна с прошлогодним конским навозом в мешке, собранным на старой тропе. В глазах своей помощницы я заметил беспокойство.

— Вы там как-нибудь поосторожнее. А почему вы, Петр Петрович, не привязали к седлу и мою бурку?

В груди потеплело от ее участия. Я вложил левую ногу в стремя и собрался оттолкнуться от земли.

— Вы куда? — спросил вдруг Петр Петрович.

— Как куда? За Василием.

— Чевой-то? За Василием? За ним поеду я! Позвольте-ка...

Он попытался отстранить меня от лошади.

— Нет, ехать нужно мне, — упорствовал я.

— Да ведь в этих делах я поопытнее вас. Мне ведь и воевать приходилось.

— Конечно, пусть Петр Петрович едет. Он выносливее и умеет все делать быстро.

— Правильно говорите, Анна Николаевна. Я мигом смахаю туда и обратно. Не успеете ужин приготовить, как мы с Василием будем здесь.

— Нет, все-таки придется ехать мне. На ледниках я бывал много раз и ночью могу там разобраться так же, как и днем. Петр Петрович на леднике же был только раз.

— Погодите, что это за черная точка там, на перевале? Уже темно и плохо видно. Не Василий ли? — спросила Анна Николаевна.

— Это камень, — ответил я.

— А мне показалось, что этот камень движется.

Мы все напрягали зрение.

— Но ведь в этом месте камня как будто не было, — усомнилась Анна Николаевна.

— Был, — твердо сказал Петр Петрович.

— Да, это камень, — подтвердил я и еще раз подтянул ослабшие у лошади подпруги.

— Может быть, камень, а может быть, и Василий, — вдруг выразил сомнение Петр Петрович.

А через минуту всем стало ясно, что черная точка медленно подвигается по направлению к нам.

— Качает, — радостно сказал Петр Петрович, и по его тону мы поняли, что он имел в виду Василия.

Прошло еще минуты две, и мы увидели, что это и на самом деле Василий, и не идет, а почти бежит.

— Нажимает, — удовлетворенно заметил Петр Петрович и, расседлав Барышню, весело ударил ее по крупу.

— Иди, голубушка, на траву. Отдыхай!

Я, чуть-чуть танцуя, пошел к одному из выюков вытаскивать палатку.

А когда сумерки стусились в ночь и, наконец, от влажного навоза перестал валить густой дым и показался огонек, к лагерю пришел Василий. Вид у него убитый.

— Очень я виноват перед вами. Я уже на него и шубу накладывал и сам к нему прижимался, — ничего не помогло. Замерз наш Бабай. Делайте со мной что хотите, но я тут ни при чем.

Василий при этом виновато моргал глазами.

Петр Петрович, слушая его, только улыбался. Никогда он так ласково не смотрел на Василия, как в тот вечер.

Мы сели вокруг скудного огня и налили себе по кружке горячего чаю. Все были очень счастливы.

ИСКАНДЕР-КУЛЬ

Мы шли тем же ущельем, в которое попали, перевалив Дукдон.

Арчевые заросли кончились. Снова появились выжженные солнцем скалы. Снова было жарко и душно. Встретился небольшой кишлак, окруженный полями, на них было много мака. Справа, ниже тропы, бушевала река. И вот, наконец, впереди, среди голых гор, на склоне Гиссарского хребта, блеснули голубые воды Искандер-куля.

Река, вся в бурунах, привела нас к озеру. У ее устья ровная луговая площадка, тополевая роща. Там мы поставили палатку, развесили марлевые пологи: вокруг носились тысячи крупных желтых комаров. В роще было прохладно.

Устроив лагерь, я вышел на берег озера.

К воде со всех сторон спускались крутые каменные горы различной окраски — желтые, оранжевые, серые... На желтых осыпях кое-где виднелась темная зелень одиноких деревьев арчи, кустов эфедры. Горы изрезаны ущельями. В ущельях нагромождения крупных и мелких камней, между ними зеленеют кусты барбариса, жимолости, дикой вишни. Необыкновенно силен запах горной полыни. Изредка стонут дикие голуби, кричат кеклики.

На другом конце озера, в пяти километрах от нас, среди серых склонов гор виднелась вторая тополевая роща и среди нее — белое здание гидрометеорологической станции.

В просвете между ближайшими хребтами белели снежные горы. Мое внимание привлекла непрерывная горизонтальная полоса, которая опоясывала склоны на высоте до ста пятидесяти метров над уровнем озера. Предание говорит, что в далеком прошлом уровень воды доходил до этой полосы. Озеро было большим, с малопроездными берегами. Когда-то Александр Македонский, подойдя по нашему пути к этому водоему и увидев, что ему не провести своего большого войска по окружающим скалам, приказал спустить воду. Приказ был выполнен, после чего открылся относительно пологий западный берег. Вода хлынула в Зеравшан и смыла на своем пути множество селений, лежавших в долине реки.

Долго я стоял на камне, накаленном солнцем. На озере от горячего ветра была зыбь. Я разделся и по пояс вошел в прозрачную воду. Вода оказалась настолько холодной, что я, не рискуя окунуться, поспешил обратно на берег.

При заходе солнца я снова поднялся на прежний камень. Ветер стих. Горы опрокинулись в бирюзовую воду. На западе заря золотила вершины хребтов.

Золото скоро растаяло. Озеро почернело, и наступила удивительная тишина. Издалека доносился шум впадающих в Искандер-куль рек. И это было как на степной маленькой станции, когда ночью, где-то далеко, шумит поезд.

НА ИСКАНДЕР-ДАРЬЕ и ФАН-ДАРЬЕ

Клеенчатый мешок совсем разбух от образцов. За последнее время туда мы добавили пузырник персидский, несколько видов жимолости, борца и молочая

и некоторые другие травы. Анна Николаевна, глядя на этот мешок, частенько с удовлетворением говорила:

— Теперь мы стали богаченькими.

Петр Петрович также проникся уважением к клеенчатому мешку. На этот раз, когда после двухдневной стоянки мы двинулись в путь, он очень бережно и крепко навьючил его на Дьяволицу.

В озеро впадают три реки, а вытекает одна — Искандер-дарья. Не трудно догадаться, что в одной этой реке воды почти столько же, сколько в остальных трех вместе.

Искандер-дарья, выскочив из озера, с ревом падает с двадцатиметровой высоты в пропасть и устремляется по очень глубокому каменному, дикому ущелью к далекому Зеравшану.

Страшная это река: водопад следует за водопадом, бешеные валы догоняют друг друга, вода клокочет, кипит, пенится и так ревет, что вблизи нельзя разговаривать.

По склонам ущелья — скалы, и среди них — тропа. Мы шли над этой рекой и опасливо поглядывали вниз, на воду.

Наш караван приближался к Фан-дарье, в которую впадает Искандер-дарья. Река скачет по ущелью, еще более страшному и красивому. Тропа, по описаниям, должна идти по карнизам и балконам над безднами, где на одном из камней находится будто бы арабская надпись: «Будь осторожен, как слезинка на веке, — здесь от жизни до смерти один только шаг».

— Если тут идти страшно, то что же нас ожидает впереди, где арабская надпись? — сказала Анна Николаевна и посмотрела на меня. Она нервничала.

Мы шли уже несколько часов. Сердце замирало. Вокруг попрежнему жаркие, сухие горы, но на этот раз разноцветные — бурые, желтые, серые, оранжевые, розовые, лиловые... И среди них — ярко-голубая, с белой пеной, вся в стремнинах, Искандер-дарья.

При заходе солнца две горы впереди сделались сиреневыми, а у третьей — у нее будто срезано темя — по склонам спускаются красные полосы, похожие на подтеки крови. Я внимательно рассматривал эти необыкновенные горы.

Анна Николаевна отвлекла меня:

— Смотрите, вон на той стороне заросли астрагалов. Нам обязательно надо накопать их корней. Жалко, что к ним нельзя добраться.

Но Анна Николаевна ошиблась. К астрагалам через мостик вела тропа.

Мы перешли мостик, поднялись по склону метров на двести вверх, и тропа раздвоилась: одна дорожка, торная, шла наверх и вводила нас в сторону от астрагалов, другая, очень старая и опасная, на которой не было ни одного свежего следа, направлялась над бездной к ним.

— Пройдем? — спросил я, не решаясь сам направить караван по жуткой тропе.

— Раз дорога есть, значит пройдем. Да она прямее той и как раз выходит на площадку. Там можно и заночевать, а то уже не рано, — сказал Петр Петрович.

— А если нам пойти по той тропе, где все ходят, наверх, там переночевать, а утром попытаться найти астрагалы? — предложил я.

— Знаю, чем это кончится, — заволновалась моя помощница. — Стоянки близко мы не найдем, а утром не захочется спускаться сюда: вы скажете, что бедные ишаки всю ночь были без травы, что надо спешить, и мы останемся без астрагалов. Тропа неплохая. Я ручаюсь, что мы пройдем благополучно.

Анна Николаевна, обуреваемая желанием накопать корней нужных нам растений, потеряла свою обычную осторожность, и мы пошли по старой тропе, которая вилась по отвесной скале над грохочущим водопадом. Смотреть вниз было неприятно и страшновато. В одном месте, мы, направляя вьюк, замешкались. Анна Ни-

Река, вся в бурунах, привела нас к озеру.

колаевна, спеша к астрагалам, обогнала караван и скрылась за утесом.

Мои опасения были напрасными — дорога оказалась хорошей. Поправив вьюки, мы пошли смелее вперед. На тропу впереди с обрыва прибежал ручеек, свернул по ней нам навстречу и размыл ее в том месте, где нам нужно было подниматься.

Тут я остановился: если не поддерживать животных, может случиться несчастье. Справа от тропы — стена, скалы, слева — крутая, шириной метра в два, площадка, обрывающаяся в пропасть, где страшный грохот и кипящая вода.

Чтобы помочь ослам пройти это опасное место, я сошел с тропы на площадку и, раздвинув ноги, хорошо укрепился.

Впереди всех карабкается Дьяволица. Рабочие идут сзади каравана. Под тяжестью вьюка ослица на подъеме напрягается, ее тонкие ноги пружинятся, она мелко ими перебирает, не забывает прижиматься к стене, равняется со мной, наклоняет голову, обнюхивает каждый камень, на который ей нужно стать, осторожно опускает переднюю ногу на подозрительное место. Я, придерживая вьюк, чуть-чуть прижимаю ее к стене, она переступает на край промонны в поисках опоры, болтает в воздухе задней ногой, потом осторожно опускает ее на мокрый камень. Копыто скользит... Ослица теряет равновесие, валится на меня. Я, сдерживая тяжесть, напружиниваюсь. В это время Дьяволица делает рывок вперед, спотыкается, вьюк толкает меня, я падаю навзничь, ослица — на мою грудь.

Ступни моих ног — у тропы, голова — над бездной. Клеенчатый мешок у подбородка. Колочие лучи солнца, наполовину спрятавшегося за гребень горы, жгут глаза. Голова ниже ног, и от этого к ней приливает кровь. Сильно стучит в висках. Мы с ослицей потихоньку скользим вниз. Я раскидываю в стороны руки. «Все кончено!» пронесется в мыслях. И от этого сознания тело покрывается испариной.

Вдруг пальцы моей правой руки натываются на камень, цепляются за него, и я, в неожиданно обретенной надежде на спасение, хрипло кричу.

Мне видно, как Василий забегает вперед Серого и, вместо того чтобы броситься ко мне, почему-то берет его за уши, прижимает к стене и смотрит на меня широко открытыми глазами.

Петр Петрович ужом проскальзывает мимо Василия и подбегает к месту катастрофы. Он бледен. Глаза его быстро перебегают с ослицы на вьюк, с вьюка на меня — он соображает, как мне помочь.

Я со страхом думаю: «Если только ишачка забарахтается или попытается подняться — все пропало: мои пальцы не сдержат всю тяжесть, и мы неудержимо заскользим в пропасть...» А Дьяволица, смотрит на меня умными глазами и не думает шевелиться. Она понимает, что каждое ее неосторожное движение приведет нас к гибели.

Но проклятый клеенчатый мешок накатывается мне на лицо, придавливает голову и того гляди заставит потерять и без того неустойчивое положение.

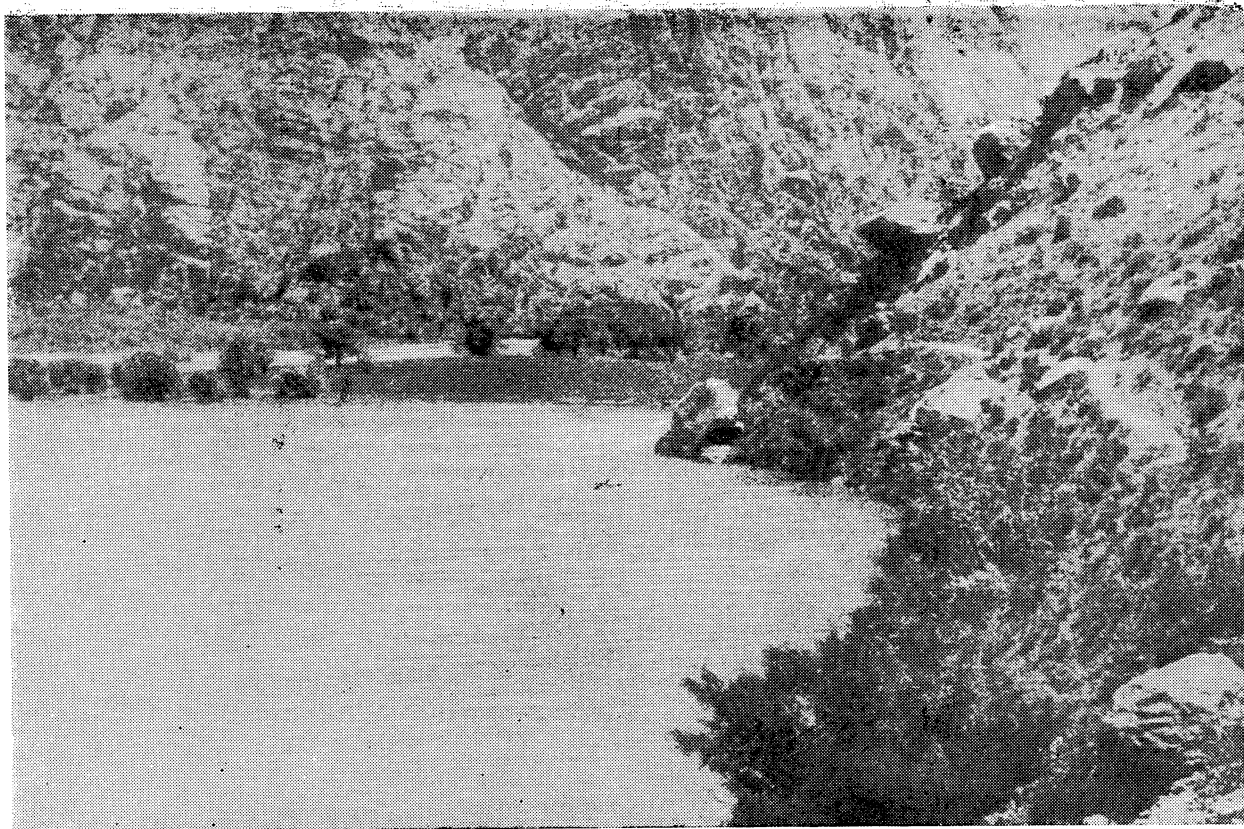
Это быстро понял Петр Петрович. Став одной коленкой на тропу и ухватившись левой рукой за камень, он нагнулся и острым ножом несколько раз провел по веревкам, которыми мешок был привязан к седлу. Так старательно оберегаемый нами мешок с самыми ценными образцами перекатился через мое лицо и рухнул в пропасть. Теперь мне можно было поднять голову и грудь, если бы... если бы мне кто-нибудь подал руку. — Веревку! — послышался среди шума воды резкий крик Петра Петровича.

Василий продолжал стоять неподвижно.

— Чего же ты стоишь, окаянная твоя душа! Совсем отупел? — забранился Петр Петрович. — Страх тебе совсем памороки забил? Разве не видишь, что делается...

— Я держу Серого, боюсь, как бы и он не упал.

— Чорг с ним, с Серым! Веревку скорее, протяни руку к правому вьюку. Она под чайником. Да скорее!

И вот, наконец, впереди, среди голых и сухих гор блеснули голубые воды Искандер-куля.

Веревка, наконец, найдена.

Мои пальцы уже онемели. Кажется, они не могут больше держаться за камень. Над пропастью уже очутилась не только моя голова, но и плечи. «Вот и конец! Как неожиданно и скоро», пронеслось в голове.

Но тут о мою грудь ударился конец веревки, которую держали в руках оба рабочих.

Вот бечевка обмотана вокруг моей ладони. Меня потянули наверх. Я освободил колени из-под Дьяволницы, вылез на тропу, попробовал встать и не мог — дрожали ноги и не было сил.

На веревках вытащили и ослицу. От испуга она созсем окаменела и даже на тропе, уже на безопасном месте, потребовалось много усилий, чтобы поставить ее на ноги.

— Где вы так долго задержались? — спросила Анна Николаевна, когда мы нагнали ее. В руках ее были астрагалы.

— Несчастье случилось, — ответил виноватым голосом Петр Петрович.

Она быстро и тревожно окинула взглядом вьюки.

— А клеенчатый мешок где?

— Тут дело было такое, что не до мешка: Алексея Терентьевича чуть-чуть не погубили. Вы знаете, где Алексей Терентьевич...

Анна Николаевна не дала ему договорить.

— Алексея Терентьевича я вижу рядом с вами. Где мешок?..

Я наклонил голову. Петр Петрович, избегая взгляда Анны Николаевны, глухо ответил: «Там!» — и махнул рукой в сторону бездны.

Моя помощница без слов круто повернулась и быстро пошла вперед. За поворотом, думая, что мы ее не видим, она остановилась и лбом прижалась к скале.

Скоро мы остановились на ночевку. Анна Николаевна хотя и разговаривала непринужденно и даже пробовала смеяться, но скрыть удрученного состояния ей не удалось. Отошла она только утром.

— Надеюсь, что мы постоим здесь несколько дней, — сказала она строго. — Хотя бы частично нужно восстановить нашу утрату.

Того же мнения был и я. И мы с удвоенной энергией стали лазить по горам, по ущельям. Возвращались к вечеру изможденными, но настроение наше с каждым днем поднималось — мы приносили с собой такие же травы, которые были в клеенчатом мешке: ромашку, полынь, тысячелистник...

Через неделю мы восстановили утерянное наполовину, сшили для этих образцов непромокаемый мешок из брезента и тронулись в путь с надеждой найти и остальное.

Попрежнему звучал беззаботный смех Анны Николаевны.

* * *

Мы подходили к Фан-дарье. Арабская надпись, ожидавшая нас там, волновала. Сильных переживаний у нас было достаточно.

Мы шли и ждали, что вот-вот придет тропа, на которой стоит камень с арабской надписью. Но как велико было наше удивление, когда на месте опасной тропы мы увидели новую шоссейную дорогу из Сталинабада в Ташкент. Ее строили тысячи колхозников, строили над головокружительными пропастями, где тропа шла по качающимся оврингам. И там, где раньше только храбрые с осторожностью пробирались в летние месяцы, теперь скачут всадники, гудят машины...

Через несколько дней мы по шоссе спустились в Зеравшанскую долину, в Захматабад — районный центр Таджикской республики.

ДОЧЬ БОЛГАРСКОГО НАРОДА

Вела Пеева

ПАВЕЛ МАНУЙЛОВ

Рис. А. Яроцкого

Девушка устала, и силы ее покинули. Глаза потускнели, побледнело лицо, но страшные и долгие испытания не оставили на нем признаков покорности или отчаяния.

Она ползла вперед и, когда почувствовала под руками острые и холодные камни, остановилась, припав всем телом к земле. Отдохнув, приподняла голову, правой рукой провела по лицу, будто смахивая усталость. Ее большие темносерые глаза расширились и стали лучистыми.

Была она на горе, у кромки снега, который ровным слоем покрывал вершину. Внизу тянулось ущелье, а за ним гряды холмов. Девушка стала осматривать рану. Рана кровоточила. Нога распухла, и прикосновение к ней вызывало боль. Девушка достала платок и перевязала рану. Боль утомила ее, и она легла навзничь, устремив глаза в лазурное небо.

«Как все это произошло? — думала она. — Нам не удалось их обмануть... Митко, где ты?»

Она застонала и заплакала.

Воспоминания нахлынули, как тяжелое бремя, и точно придавили девушку к земле. Она лежала не шевелясь.

...Пять дней назад командир отряда собрал партизан и сказал:

— У нас нет продуктов. Кто пойдет за продуктами?

— Я пойду в долину! — сказала девушка. И встала между командиром и бойцами.

— Я иду с комиссаром Пенка! — Митко, крепко сложенный юноша, в поношенной куртке, с немецким автоматом в руках, вышел вперед и стал рядом с девушкой.

Ночью комиссар Пенка и боец Митко ушли из отряда. Они шли глухими тропинками, обходили вражеские гарнизоны, заставы и не раз, из потаенных мест, видели немцев и жандармов.

Утром, на третий день пути, им оставалось спуститься с горы, пройти ущельем, а затем садами пробраться в деревню. Они уже выходили из леса, что рос по склону горы, как неожиданно раздалась выстрелы.

— Жандармы! — крикнула Пенка, увидев солдат в серых шинелях и фуражках с огромными лакированными козырьками.

Солдаты подошли со всех сторон. Пенка и Митко отстреливались. Пенка стреляла, а сама думала: как проскользнуть им с Митко через цепь

жандармов? Она оглянулась и увидела, что лежит на краю склона горы. «Перебежать ущелье и по кустарникам уйти?» подумала она и хотела позвать Митко, как услышала его го-

Вела.

лос: «Пенка, уходи!» Пенка увидела, как два жандарма навалились на Митко. Она поднялась и бросилась к нему на помощь, но почувствовала боль в ноге, упала и покатила под гору...

Пенка долго лежала без памяти. Она очнулась, когда ущелье затянулось туманом. Было тихо. Только ворчал ручей, унося в долину весенние воды.

Пенке хотелось пить. Она доползла до ручья, напилась, холодной водой смочила рану и почувствовала себя лучше. Надо было перевязать рану, но что сделаешь в темноте! Ее тревожило, что будет погоня. Очевидно, с рассветом сюда придут жандармы. Значит, здесь оставаться нельзя. Пенка встала и, осторожно ступая на больную ногу, пошла выше в горы. «В горах я найду приют. Залечу рану и уйду в отряд», подбавляла она себя. Эти места Пенка

знала с детства. Гимназисткой, приезжая на каникулы в деревню, она бывала в горах.

Итти было трудно. Рана нестерпимо болела. Пенка нашла палку и, опираясь на нее, медленно плелась вперед. Когда боль разливалась по всему телу, а сердце, казалось, пылало в огне, Пенка прислонялась к дереву и несколько минут не шевелилась.

За ночь она прошла ущелье. На склоне горы начинался лес. Лесом итти было легче: здесь не было валежника и густых зарослей кустарника.

Когда на пути ей встречался ручеек, она опускала платок в воду, смачивала его и прикладывала к ране. Боль на время затихала, и Пенка продолжала свой путь. Лишь на вершине горы она выбилась из сил, опустилась на землю и поползла. К вечеру Пенка добралась до снежной кромки и нашла здесь нишу под огромным камнем.

— Вот и жилье!.. — сказала она.

Отдохнув, Пенка собрала сухие листья, устроила из них в нише постель, легла, накрылась шинелью и уснула.

* * *

Пенка продрогла. Она села и осмотрела свое жилье. Ниша была в потаенном месте, на склоне, поросшем лесом. Через деревья виднелось ущелье, над которым стлался туман. Здесь, на вершине, светило солнце.

Девушка развела костер. Согретьшись, она повеселела, только сильно хотелось есть. Мысль о еде становилась навязчивой. От разбухавших на деревьях почек несло, казалось, ароматом теплого белого хлеба.

Пенка вышла из ниши и принялась осматривать деревья. Вот старая груша. Пенка нашла на земле под листьями несколько прошлогодних груш и, набив ими карманы, вернулась к своему жилью. Плоды были жесткие, с горьковатым вкусом. Надо бы их сварить, но для этого нужен котелок. Пенка вспомнила, что когда ползла сюда из ущелья, видела где-то консервную банку. Вот только пройти немного лесом, спуститься под гору, и там банка. Под гору можно сойти, опершись на палку, а обратно — добраться ползком. Она так и сде-

Партизаны возвращаются с гор. На переднем плане сестра Велы—Гера Пеева.

лала. Подбросив веток в костер, взяла палку и стала тихо спускаться под гору. Она нашла свой след по каплям крови на листочках.

Вот и банка! О, теперь можно и воду согреть и отварить груши! Пенка уже пошла обратно и вдруг детски улыбулась: на этом же месте, у корня дерева, лежала бутылка. «Стакан сделаю!» подумала она и подняла бутылку.

Поход ее продолжался часа три. Костер погас. Она разгребла золу, собрала тлеющие угли в кучку и, наклонившись, раздула, положив на них сухие ветки. Огонь разгорелся снова. Сидя у костра, Пенка достала коробку, пересчитала спички, разделила их пополам и положила в карманы гимнастерки.

Груши разварились. Пенка утолила голод. Небольшой костер она подерживала до вечера. За день Пенка просушила чулки, ботинки, платье. Обмыла горячей водой и перевязала рану. Вечером, когда потух огонь, Пенка завалила угли золой и прикрыла листьями.

Так началась одинокая жизнь в лесу Пенки, комиссара партизанского отряда.

Дни были однообразны. Утром Пенка вставала продрогшей, разводила костер, грела воду и варила груши. Но вскоре под старым деревом не стало плодов. Тогда Пенка отошла подальше от своего жилища и опять нашла дерево, под которым было много груш. Она собирала их, лежа на земле, — в таком положении рана меньше ныла. Вернувшись к нише, Пенка варила груши, подкреплялась и ждала вечера, чтобы потушить огонь и уснуть до нового дня. Каждый вечер она не забывала сделать черточку на гладком камне у изголовья — отметку, что день прошел. Ложась спать, она укрывалась шинелью, а рядом с собой клала автомат.

* * *

Дня через три Пенке стало хуже. К вечеру, несмотря на прохладную погоду, она не куталась в шинель и

не грелась у костра. Рано загасила костер, набрала в банку воды и легла. Ночью жар усилился. Пенка часто приподнималась и пила воду. Все чаще теряла сознание, забывая, где находится. То чудился ей родной дом с садом или шумные улицы города, мать, знакомые лица, то она переносилась в горы, в партизанский отряд, и жила его жизнью.

«...Мама, не брани меня. Я тебе часто писала неправду! — в бреду говорила Пенка. — Ботинки Гере не покупала. Почему? Деньги отдавала товарищам на дело борьбы за свободу народа. Я правильно поступала? Да?.. Ну, не брани меня! И пальто себе не покупала. На что оно мне? Мы уходили в партизанский отряд. А деньги нужны были на общее дело. Мама, ведь я болгарка... Когда родина будет свободной, вернется к тебе дочери и я и Гера... Гера—молодец. В отряде ее зовут Анка. Сестренкой я довольна: веселая, неутомимая и бесстрашная. А меня зовут Пенка. Ну, я опять твоя — Вела. Мы сжались с горами. Страшно?.. В первом бою трусили немного. Нам приказали взорвать мост. Я вела группу партизан. Это далеко от Каменицы. Со мной были Гера и Митко... Знаешь, гимназист, он бывал у нас... Были с нами и Стефан и Георг из соседнего села. Мост охраняли немцы. На рассвете мы вышли на опушку леса и стали наблюдать. Часа через три часовые сменились. Днем, я смотрю, к мосту не подойти. Что делать? Мне пришла мысль подобраться к мосту в темноте по реке. Как только стемнело, я взяла взрывчатку, спустилась к реке и пошла. От часовых меня укрывал крутой берег. Если бы меня заметили немцы, то партизаны пришли бы на помощь. Почти у самого моста вода разлилась до самых берегов. Я пошла в воду... Ух, холодная!.. Погрузилась в воду по шею и иду тихо-тихо. Тень моста укрыла меня... Подложила взрывчатку, укрепила шнур и подожгла... Тороплюсь к своим. Сердце бьется так, что выскочить готово. «Успею ли уйти?» думаю. «Успею, успею!» успокаиваю себя. И только я добралась до леса, как раздался взрыв. Моста больше не было. Мы направились обратно. Но вот я слышу шум машин на шоссе. Ага, немцы! Будут преследовать. Да мы лучше их знаем тропы, уйдем!

Всю ночь шли лесом. Утром подошли к тому месту, где надо пересечь ущелье. Прислушались — как будто тихо. «Пошли! — говорю партизанам.—Скорее перейти открытое ущелье, а там земля наша...» И вот уже ущелье остается позади... Появились немцы... Они с ходу открыли стрельбу... Застучал пулемет. Стефан, наш богатырь, упал. Мы с Герой подбегаем к нему и берем под руки... Ему тяжело, но идет и кричит: «Митко, задержите их!.. Митко и Георг укрылись за камня-

ми и отстреливались. Ущелье позади. Как хорошо! Уложили Стефана и пошли на выручку товарищей. Мы с Герой начали стрелять. Гера уложила немца. Он уже перебежал ущелье... Митко и Георг благополучно доползли до нас, и мы ушли в горы...»

Пенка замолчала. Она дышала тяжело и изредка стонала. Приподнималась, тянулась к банке с водой, но сил нехватало, и она падала на постель. Несколько минут Пенка лежала не шевелясь. Потом быстро села, подняла руку, точно призывая к тишине, и склонилась на камень... У нее продолжался бред.

«...Партизаны! Вы знаете, нам трудно: нет хлеба, одежды. Но народу еще тяжелее. Вы знаете и то, что день свободы близок... Хлеб и одежду мы найдем... добудем... Стефан, ты мрачен! Говоришь, соскучился по операциям!.. Сегодня ты идешь в моей группе... Я говорила: хлеб добудем... Стефан, сколько хлеба принесли? Три мешка? Да припрятали воз муки? Хорошо! А сколько новых автоматов? Десять? Митко получит новый автомат. Он заслужил... Ребята, это было удачное нападение... Сотня немцев бежала без оглядки... Пять немцев не пойдут на русский фронт... А русские гонят немчуру... Гера, береги себя... одевайся теплее. Что? Перед матерью я отвечаю за тебя! Да, я — старшая сестра. Не смейся... Университет? После войны опять на лекции... В Географическом обществе я прочту доклад о России. Я люблю географию. Кончу университет и вернусь в Каменицу учительницей... Сестренка, я, кажется, заболела... Где я?..»

Пенка открыла глаза. Над горами разливался утренний свет. После

Митинг в селе Каменица. Выступают Гера Пеева.

ночных видений она не сразу признала свое жилье. Ей стало холодно. Она накинула на себя шинель и долго лежала, устремив глаза в небо, горя в одиночестве. По щекам ее текли слезы, но она не чувствовала их или не находила сил поднять руку, смахнуть...

* * *

В тот день, когда на камне появилась пятнадцатая отметка, Пенка ушла в глубь леса на поиски пищи. Апрельские дни стали теплее. Снег на вершине таял. Ближе к ущелью показались цветы, зазеленела трава. Пенка выкапывала луковицы растений, находила плоды диких яблонь. Набрав плодов, она поднялась немного в гору, села отдохнуть и задремала. Хруст ветки разбудил ее. Она открыла глаза и увидела рядом с собой незнакому женщину.

— Господи... кто ты? — спросила испуганно пришедшая.

Пенка удивленно смотрела, не зная, что сказать. «Крестьянка! Зачем пришла сюда?» думала она, рассматривая пожилую женщину с глазами василькового цвета.

А та шагнула к Пенке, присела рядом и заговорила:

— Дочка, не бойся... Я не знаю, кто ты, но вижу — какая-то беда с тобой стряслась...

— Я партизанка! — негромко ответила Пенка.

— Одна?

— Одна... Не могу итти... ранена.

— Где живешь?

— Выше! — Пенка показала рукой на гору.

— Пойдем... Пойдем к жилью.

Пенка поднялась. Женщина взяла ее под руку и повела.

— Вот мое жилье! — сказала Пенка, когда они пришли к нише.

Крестьянка села на камень.

Арка у въезда в село Каменца:
«Вела — наша Зоя».

На глазах у нее показались слезы.
— Давно здесь? — негромко спросила она.

— Пятнадцать дней!

— Как тебя звать, дочка?

— Пенка!

— Пенка! Не знаю такой святой.

— Так зовут меня товарищи.

— А...

Женщина сняла с плеч мешок, достала хлеб, сало и положила перед Пенкой. У Пенки глаза стали шире. Все это чудилось ей длинными ночами. Все это — белый хлеб, сало — представлялось ей, когда она сидела у костра и варила дикие груши.

— Ты подкрепись!.. Мне итти недалеко! Я все тебе оставлю!

— Спасибо, мать.

— Ты, дочка, кушай!.. А потом рану посмотрим.

Женщина согрела воду. Затем сходила в ущелье и принесла пучок зеленой травы. Она осмотрела рану, промыла ее, положила на нее зеленые листья и крепко завязала.

— Боль утихнет. Это, дочка, трава целительная.

Пенка лежала. После перевязки боль в ноге начала утихать. Пенка слушала неторопливый рассказ женщины:

— Меня зовут Мария... Я иду в соседнее село. Пошла не дорогой, а через горы. Здесь прямее, да и немцев не встречу. Немцы, дочка, окружили горы. В деревнях — немцы, на дорогах — немцы и жандармы. Ну, а я тропу знаю, вот по ней и пошла... Дочь болеет: пошла за лекарством.

— Много немцев? — задумчиво переспросила Пенка.

— Много вражьих сынов. Они хотят истребить партизан в Родопских горах. И пушки и танки идут. Ну нет, им не окружить партизан. Три дня назад партизаны напали на немецкий батальон. Перебили немцев и обоз забрали... с орудиями, с кухней. Вот немцы и обозлились. В горы пошли жандармы. У нас в деревне жандармы остановились и говорили: «Разгоним в горах коммунистов. Поймаем Велу Пееву. Сто тысяч левов получим». У партизан комиссаром Вела Пеева. Она из Каменницы. Немцы расклеили по деревням объявления... Они обещают том, кто укажет Велу Пееву, сто тысяч левов... И портрет напечатан... Дочка! — крикнула вдруг Мария, пристально вглядываясь в лицо партизанки. — Дочка, — тихо повторила она — ты мне померещилась Велою Пеевой. Глаза, глаза ее... как на портрете. Дочка, ты Вела Пеева? Ох, какое горе! Они тебя ищут!

Пенка привстала, подвинулась к Марии и сказала:

— Я — Вела Пеева!

— Господь тебя спаси! Ты — наша дочка!

Мария обняла Велу и испуганно посмотрела вокруг.

— Как же тебе уйти? Тебе надо пробраться к своим.

— Заживет рана, иду! А сейчас не могу.

Арка у другого въезда в село Каменца:
«Вечная слава Веле!»

— Может, я раздобуду лекарство! — сказала Мария. — Я постараюсь.

Уходя, женщина оставила Веле все продукты и теплую домотканную шаль.

— Будет потеплее. Утренники холодные. Видишь, весна как задержалась.

Мария ушла.

* * *

Этот день длился нескончаемо. Вела ждала Марию. О ней она подумала всю ночь, не сомкнув глаз. Неожиданная встреча сулила ей помощь, близкую возможность уйти в отряд, где беспокоятся о ее судьбе товарищи, с которыми она пробыла год. «А вдруг она выслеживает партизан в лесу?» подумала Вела. Вся ночь ей чудился шум в лесу, топот. Вела брала автомат и настораживалась. Но в лесу было тихо, только пели птицы. С каждым днем их было больше. На глазах у Велы малиновка два дня вила гнездо в расщелине дуба. Веле доставляло удовольствие смотреть, как суетилась маленькая птичка: находила где-то мох, сухую травку и все это несла в гнездо. «Нет, меня посетила добрая женщина: мать! Да, у нее есть дети. Она не скажет». Веле становилось веселее от этой мысли, и она нетерпеливее ожидала возвращения Марии.

В сумерки Вела услышала, что кто-то идет по ущелью, поднимаясь в гору. Под ногами шуршали листья.

— Дочка, я иду! — тихо отозвалась Мария, свернув с тропы к жилищу Велы. — Добрый день, Вела!

Мария опустила на камень, сняла платок и достала из-за пазухи сверток. В нем были бинты и лекарство.

— Знакомая дала. Хорошая женщина, не спросила, кому. Умные люди нынче и не спросят. Давай перевяжем рану. Бог даст, за неделю и затянется. Ишь, без лекарства-то как распухла нога! Ты терпи, терпи!

Мария умело, не причиняя боли, опять промыла рану, положила на нее мазь и забинтовала. Она рассказывала Веле о всем, что видела в деревне, на дороге.

— А как ты свернула в горы? — спросила Вела.

— Сорок лет живу, дочка. Ни один вражий глаз не видел.

— Какая ты добрая! — проговорила Вела, взяв руку Марии и крепко ее пожала.

— Ну что ты... Я шла и тебя встретила... Вижу твое горе. Ну, как не помочь... Я болгарка, как и ты.

Мария помолчала. О своем думала Вела.

— Вела, — заговорила Мария, — я переночую с тобой!

— Оставайся, родная моя! — обрадованно ответила Вела.

Надвигались сумерки. Вела загасила костер. Мария набрала сухих листьев и обновила постель. До глубокой ночи они сидели под камнем. Вела рассказывала, как она ушла из отряда с Митко, как повстречалась с жандармами.

— Жив ли Митко, не знаю. У меня сердце ноет за него. Я видела, как его схватили жандармы, и бросилась было на выручку, но меня ранило. Я упала и покати-лась по склону горы. Жандармы, очевидно, подумали, что я убитая. Они не знали меня, а то бы погнались...

— Не знали. Жандармы говорили у нас в деревне, что в Родопских горах в отряде комиссаром ты. Будто тебя на-днях видели.

— Там и моя сестра, Гера! Она похожа на меня.

— Велушка, пошли меня в твой отряд. Я найду.

— Далек, Мария.

— Дорогу знаю. Я скажу им, где ты, Вела. Тебе надо ухаживать.

— Я верю тебе, как другу и матери.

— Вела, клянусь тебе моими детьми... Я найду партизан в Родопских горах.

— Хорошо. Запомни два слова: «Орлиные гнезда». Встретишь в горах человека и спрашивай дорогу к «Орлиным гнездам». Если человек ответит: «Иди выше», значит наш партизан. Доверяйся ему.

Они легли спать. Вела не могла заснуть. Она смотрела на звездное небо, на легкие тучи, что важно проплывали мимо луны. Иногда тени от туч падали на нишу, и в лесу делалось темно, а потом опять голубой свет луны озарял все вокруг.

— Хорошо жить на свете с добрыми людьми. — прошептала Вела, прижалась к Марии и крепко уснула.

* * *

Вела проводила Марию и долго прислушивалась к ее шагам.

Опять потекли в одиночестве однообразные дни. Хотя рана подживала, но Вела все еще с трудом ходила. День проходил в заботе о питании, о костре. Продуктов, оставленных Марией, хватало не надолго. Вела разделала хлеб на дольки и съедала за день одну дольку. Перед вечером она доставала аккуратно

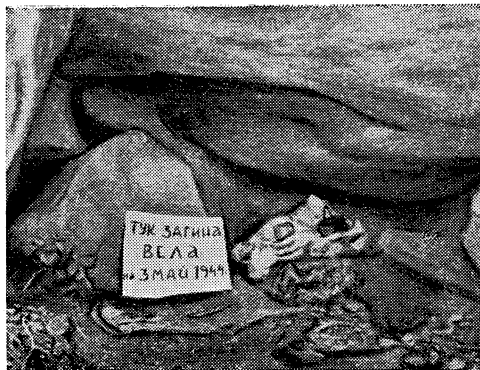
сложенный листок бумаги и мелким почерком записывала свои думы.

* * *

«Рана меньше ноет. У моего лица появились цветы. Весна! Как я рада! Тепло. Теперь не мучаюсь от холода. Хлеба давно нет. С трудом хожу, но силы найду и доберусь до отряда.

Мне чудится зарево на севере. Там Россия. Какая большая страна! Как я ненавижу немцев, как ненавижу предателей! И какая беда — я не могу сейчас им мстить. Скорей, скорей бы поправиться!.. Мне 22 года — моя весна. Я у русского поэта читала: «Хорошо быть молодым». Я не пожалела отдать молодость за дело освобождения народа».

Вела дописала, свернула листок бумаги, положила его в карман и стала гасить костер.

Углубление в скале, в котором жила и погибла Вела.

* * *

— Ну вот, я к вам на дымок! — раздался голос человека в лесу.

Вела, еще не видя его, взяла автомат и приготовилась. К ней подходил человек среднего роста, в старой шляпе, без оружия.

— Вот не знал этой деревни в моем лесу! — говорил он, улыбаясь, приближаясь к Веле. Очевидно, увидев автомат у нее в руках, он заговорил тише: — Да меня не бойтесь, я свой человек, лесник. Здравствуй, голубка.

— Здравствуйте!

— Кто вы? Здесь живете? — спросил незнакомый, садясь на камень.

Вела молчала. Лесник сел на камень и закурил.

— Поселились у меня и не скажали мне. В лесу-то я хозяин! — шуточно говорил лесник, пристально рассматривая Велу. — Партизанка?

— Партизанка! — сказала Вела.

— Одна?

— Зачем вам знать?

— Нет, я не допытываюсь. Я готов помочь вам. Живите!

Лесник ушел. Глаза его, пристальный взгляд не понравились Веле. Она почувствовала что-то недоброе.

Он ушел от нее быстро, точно боялся сказать лишнее слово. «А может быть, и он хороший человек», думала Вела. Она вспомнила Марию. «Добралась ли до партизан? Нет, не найдет их. Не по силам ей такой путь».

Вела спала в эту ночь плохо. Она слышала то шум в ущелье, то далекий грохот танков, гул самолетов. Вела напрягала зрение и слух.

Она уснула только на заре. А проснулась от криков в лесу. К ее жилищу шли люди и по ущелью и с вершины горы.

«Похоже, окружают!» подумала она.

Вскоре она различила зеленые шишечки, мелькающие между деревьями. Она взяла автомат, легла между камнями, положила под себя запасные диски и стала ждать. Ждать пришлось недолго. До нее донесся голос:

— Да вон, под нишей она.. Между камнями.

Веле голос показался знакомым. Где она его слышала? Да это лесник! Она узнала голос вчерашнего посетителя.

Враги подходили к жилищу Велы, укрываясь за деревьями и камнями.

— Вела Пеева! — закричал жандарм в каске. — Я даю вам слово офицера, что мы сохраним вам жизнь, если вы бросите оружие, доверитесь нам. У вас выхода нет. Отвечайте!

Вела молчала. Она подвинулась глубже в нишу, за камень, который защищал ее грудь и голову.

— Вела Пеева! Будьте благоразумны. Зачем вам губить свою молодость? — продолжал убеждать офицер.

Вела не ответила. Сколько человек окружило ее, она не знала. За каждым камнем она видела жандармские фуражки. Враги продолжали ползти к ней. Вела прицелилась и выстрелила в жандарма, что был ближе, за камнем; он затих, потом застонал и стал сползать в ущелье.

Раздалось одновременно несколько выстрелов. Пули ударились о камни. Вела отстреливалась. Она стреляла хладнокровно и только в тот момент, когда жандармы подкрадывались к ней, перебегая от камня к камню.

Бой длился два часа, но ни один жандарм не подошел к жилищу Велы. Оно, казалось, было неприступной крепостью.

Выстрелы затихли, и офицер ей крикнул:

— Повторяю, будьте благоразумны! Мы знаем, вас смущали плохие люди. Вы покаетесь и забудете это увлечение!

— Жандармы! — заговорила Вела. — Вы болгары. Вам не поздно искупить свою вину перед народом. Уходите в горы. Вас примут партизаны. Все равно, пройдет неделя, год, а врагов мы изгоним с нашей

земли. Неужели вы не слышали, как русские бьют и гонят немцев? Если вы болгары, боритесь с немцами. Вы служите тем, кто истязает наш народ, — громко сказала она.

Слова Велы эхом откликнулись в горах. Жандармы молчали. Но вот офицер закричал, и раздался залп. Пули градом ударились о камни. Вела почувствовала страшную боль в плече, потом в пояснице. Но она не выпустила из рук автомата, а продолжала отстреливаться. Нескольким человек подползли совсем близко.

— Бросай автомат! — кричали они.

— Живой вы меня не возьмете. Слышите! Я умру, а на мое место встанут те, кто любит родину. Да

здоровствует свобода! Да живут наши русские братья!.. Придет сильный брат. Прощай, моя милая родная земля!

Вела замолчала, и жандармы услышали глухой выстрел, прозвучавший в нише.

— Огонь! — истошно крикнул офицер.

Раздался залп. Вела не отвечала. Еще залп. И опять она не стреляла. Солдат, что был ближе, выглянул из-за дерева и негромко сказал:

— Убита!

Крепость девушки обступили жандармы, Вела лежала между камней. Из груди ее сочилась кровь.

— Она не дала себя убить! У нее хватило силы распорядиться своею жизнью самой! — сказал солдат.

— Молчать! Обysкать!.. — прикрикнул на солдата офицер.

* * *

Вечером этого дня сюда пришла Мария с тремя партизанами. Но в маленькой нише они не застали Велы.

— Опоздала! Боже мой, как мне больно! — сказала Мария и зарыдала.

Партизаны, сняв шапки, молчали. Они вернулись в Родопские горы. И в лесу, где жила Вела, опять стало тихо. Но как-то на заре здесь раздался одиночный выстрел и эхом прокатился в горах. А потом на крутой тропинке было найдено тело лесника...

О Т А В Т О Р А

Имя Велы Пеевой я услышал на Балканах. Мне рассказали о последних днях ее жизни. Без пищи, без теплой одежды, тяжело раненная, она провела 35 дней в горах.

Мне захотелось узнать, где родилась, воспитывалась и училась Вела Пеева. Я обратился к болгарским товарищам, и они сообщили мне биографию Велы и прислали ее портрет.

Вела Пеева родилась в 1922 году в горном селе Каменца Пазарджикской околии Пловдивской области Болгарии. Она дочь богатого лавочника. Училась в гимназии в городе Пазарджик. В 1942 году поступила в Софийский университет, на географический факультет. Вместе с ней училась в гимназии и в университете ее младшая сестра Гера.

Еще в гимназии сестры вошли в подпольный кружок, изучавший революционную литературу. Девушки участвовали в движении за освобождение Болгарии. Они во многом себе отказывали, отдавая деньги на дело борьбы за свободу родины. Мать, присылая им деньги, наказывала: «Тепло одеваться, шить хорошие платья, покупать модные туфли!» Как старшая дочь, Вела писала матери: «Мы одеты тепло, у нас есть все. О Гере я забочусь».

Весной 1943 года сестры Пеевы ушли из университета в Родопские горы, в партизанский отряд. Вела получила

кличку Пенка, а Гера — Анка. Началась партизанская жизнь в горах. Вела стала комиссаром партизанского отряда. Сестры не раз участвовали в боевых схватках с врагом. Партизаны под руководством Велы совершали нападения на немецкие гарнизоны в селах и на станциях железных дорог.

Пеева вела большую политическую работу в отряде. Как комиссар она читала лекции, беседовала с бойцами о положении на фронтах. Она говорила о советском народе, который в тяжелых битвах с немцами отстаивал свою свободу и независимость.

Она глубоко верила, что Советская Армия разгромит гитлеровцев и поможет болгарскому народу.

Весна 1944 года была самой тяжелой для партизан. Они испытывали недостаток в продуктах. Вела пошла в долину, чтобы организовать их доставку.

3 мая 1944 года Вела Пеева погибла в борьбе с целой ротой жандармов. Расстреляв все пули, последнюю она приберегла для себя и в руки врагов живой не дала. Имя Велы произносится с уважением во всех славянских странах. Она — дочь славянского народа. Болгарский народ называет ее: «Наша Зоя».

НА РЕКЕ ЛЯНЧИХЕ

С первых же дней моего приезда на Дальний Восток меня заинтересовала река Лянчихе. Это самая крупная и самая красивая река полуострова Муравьев-Амурский, на южной оконечности которого расположен Владивосток. Сюда мы выезжали в дни отдыха на охоту и рыбную ловлю, здесь собирали грибы и ягоды, отдыхали и загорали летом.

Лянчихе имеет в длину около двадцати километров и протекает по живописной таежной местности, образуя укрытую со всех сторон горами тихую, плодородную долину.

В долине Лянчихе расположен дальневосточный филиал Всесоюзного института растениеводства. Название Лянчихе — китайского происхождения, и когда мы заинтересовались его дословным переводом, оказалось, что «Лянчихе» означает: «Холодная, ледяная река, начинающаяся из семи источников». Я специально поднимался в верховья реки, и мне удалось установить, что Лянчихе, вытекая с юго-западных склонов горы Бурханки, действительно начинается из семи небольших горных ключиков. Оставалось выяснить, почему речка называлась еще ледяной, холодной. Это было сложнее, и ответ на этот вопрос я нашел не сразу.

Заманчиво и просто, казалось бы, объяснить происхождение этой части названия тем, что вода в речке даже в самые жаркие летние дни была ледяной и холодной. Но ведь это характерно

для всех горных дальневосточных речек, а не только для Лянчихе.

И вот только весной этого года нашел я, наконец, удовлетворительный ответ и на эту часть вопроса.

Стояли ясные, солнечные дни. В один из таких дней я и поехал на Лянчихе.

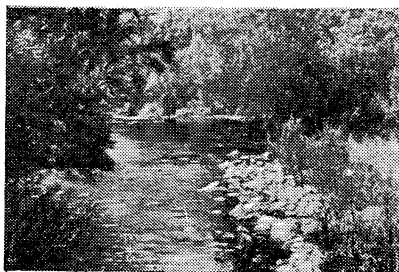
В тайге пробивалась первая зелень, швели желтые и белые подснежники. На вербах и ивах белели пушистые барашки, ольхи покрылись красивыми спускающимися вниз сережками. На полях и огородах начинались весенние полевые работы. Дорога, по которой я шел в верховья Лянчихе, проходила по склону гор; и мне с высоты сквозь редкий, еще голый, не распустившийся

лес, была отчетливо видна река со всеми ее замысловатыми изгибами и поворотами.

Чудесная, незабываемая картина открылась моему взору! Кругом на полях и в лесу — ни снежинки, а река лежала, как гибкая лента, кристально-чистая, белая, даже иссиня-голубоватая под толстым слоем льда. Зимой речка замерзла до дна, но из многочисленных ее притоков и из верховьев продолжала поступать вода. Она текла уже поверх льда и, заморзая, образовывала толстые, едва уступающие в высоких крутых берегах наледи. Местами они достигали толщины двух и даже трех метров.

Белоснежная, причудливо извивающаяся, как гигантская змея, среди полей, лесов и лугов, текла река под толстым слоем льда, не успевшего еще растаять даже под палящими лучами весеннего солнца. Сплошным массивом лежал лед от одного берега реки к другому, то нависая над водой в виде арок, мостов и перекрытий, то прерываясь на некоторое расстояние там, где особенно усердно жгло и пекло солнце или вода, слишком бурливая на водоворотах, помогала солнцу, размывая лед.

Создавалось полное впечатление молочно-белой реки в зеленовато-бурых, шоколадных берегах. Да, Лянчихе — действительно ледяная река! В этом я больше уже не сомневался.

Живописный уголок реки Лянчихе.

С. Баясин

С. ЛЯЛИЦКАЯ

Горы-одиночки. — Почему исчезло озеро? — Прошлое и будущее Стерлитамакских шиханов.

Уфимский поезд приходит в Стерлитамак рано утром. Было еще совсем темно, когда я проснулась и, одернув легкую золотистую занавеску, стала смотреть в окно. Передо мной быстро пробежали фонари семафоров, мелькали огоньки станций и разъездов, потом их сменяла темная степь. И вдруг в пред-рассветном сером тумане возникли высокие, конусообразные горы. Лучи восходящего солнца окрасили их вершины в нежный розовый цвет.

День разгорался. Солнце встало, и горячие радостные лучи его залили степь. Вершины гор из розовых стали белыми. В шесть утра наш поезд прибыл в Стерлитамак.

Наша телега, запряженная парой быстрых башкирских лошадей, с трудом выбирается из уличной суматохи и шума, сворачивает в тихий переулочек. Вскоре мы уже на мосту через реку Ашкадар (приток р. Белой), а потом и за чертой города.

Конец докучливой городской пыли. Перед нами бескрайние степи, поля и луга. Кое-где зеленеют рощицы. Мы вдыхаем полной грудью, жадно втягиваем в легкие чистый степной воздух.

По холмистой, волнообразной равнине разбросаны известковые горы-

одиночки — шиханы. У их подножия раскинулись колхозные усадьбы, рабочие поселки.

Наш возница, словоохотливый Динислам, показывая кнутом то на одну, то на другую гору, называет их, рассказывает сложенные про них сказки и легенды.

Ближе всех к Стерлитамаку лежит гора Тра-Тау или Тура-тау, по-русски — Гора-башня.

Гора Тра-тау — историческая. На ней, по преданию, разбили свой стан грозные татарские ханы, ожидая встречи с русскими князьями. От татарского городища и до сих пор сохранились остатки земляного вала. Вершина горы гладкая, руками людей выравненная площадка. Склоны горы во многих местах неприступны и обрывисты, испещрены трещинами и пещерами.

Самый отдаленный шихан, находящийся в 25 километрах от Стерлитамака, — это Юрак-тау (Сердце-гора).

Между Тра-тау и Юрак-тау расположены два холма и две горы-шихана — Шак-тау и Куш-тау.

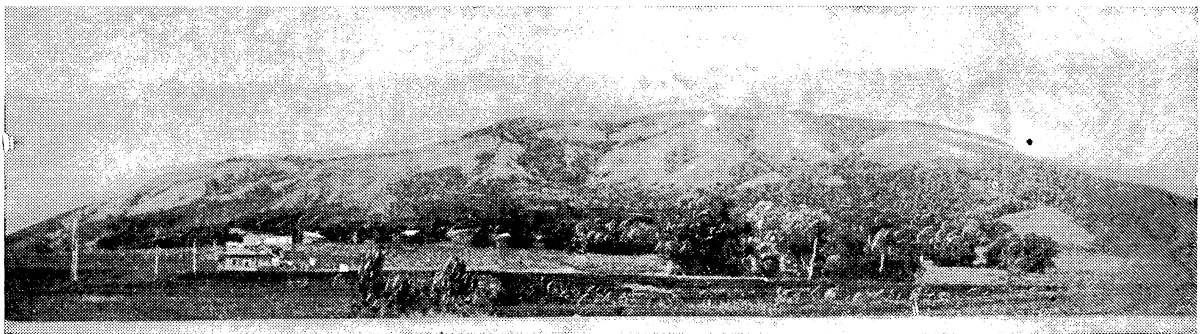
Куш-тау окутана легким сизым туманом. По мере нашего приближения гора делается лиловой, затем полосатой: от вершины ее рас-

ходятся вниз темные и светлые борозды. Гора сложена из серого известняка и сверху донизу изрезана глубокими оврагами, заросшими осинным и дубовым лесом, — они-то и кажутся издали черными бороздами.

— Куш-тау, — говорит Динислам, — по-русски — Двойная гора. Две горы срослись вместе. А раньше между ними было озеро — большое, глубокое, «бездонное» озеро...

Гора Шак-тау — Мокрая гора: когда-то вокруг нее были непроходимые болота. Близ горы протекают великая башкирская река Белая, спокойная и величавая в среднем своем течении, и впадающая в Белую, быстрая речка Селеук.

На месте нынешних Стерлитамакских шиханов некогда тянулась цепь высоких известковых гор — отрогов Уральского горного хребта. В продолжение многих тысячелетий горы эти подвергались действию воздуха, воды, солнца, мороза и ветра. Постепенно они разрушались и разбивались на отдельные массивы. Более рыхлые участки были полностью размыты. Участки, сложенные из твердых известняков, — бывшие рифы — сохранились.

Стерлитамакские шиханы.

С течением времени вместо древних, грандиознейших и непрерывных горных цепей остались только одинокие горы — шиханы — с фантастическими, полуразрушенными скалами, каменными столбами, башнями, колоннами. Чем старше горы, тем разнообразнее и причудливее их вершины, тем больше камней и осыпей и по их склонам и у подножия.

Так произошли Стерлитамакские горы-одиночки — шиханы.

В древние времена на шиханах и далеко вокруг них были девственные леса, населенные диким зверем и птицей. В наше время от прежних лесных массивов остались лишь небольшие участки на склонах и узкое кольцо лесов вокруг шиханов.

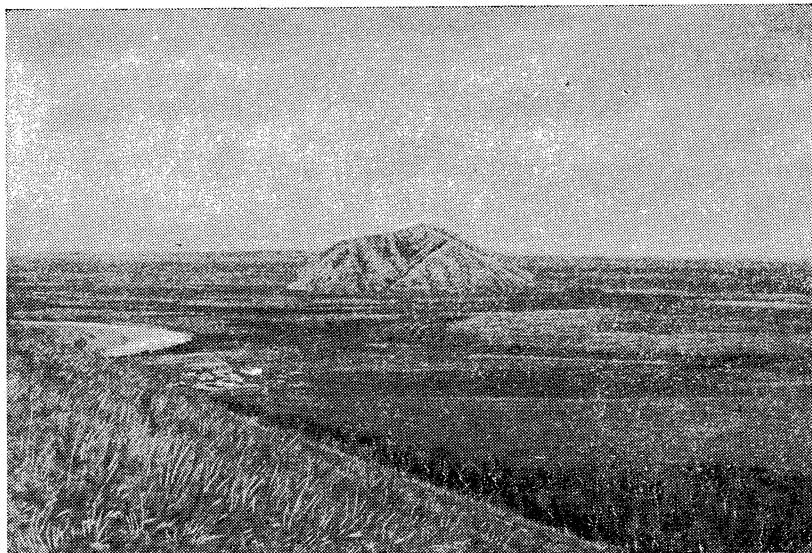
Кое-где на крутых обрывах пышно разрослись одинокие светлюбивые березы. На участках, менее засушливых, встречаются заросли орешника, дикой вишни, дикого персика или бобовника.

Как только появились здесь первые селения, целинные земли стали обрабатываться и превращаться в тучные, плодороднейшие пашни и бахчи. Культурные растения вытеснили своих диких родичей. Только ковыль да перекаати-поле и уцелели еще на склонах и вершинах шиханов.

Как-то после моей прогулки на шиханы я почувствовала в разных частях тела словно легкие уколы. Оказалось, что вся одежда моя истыкана длинными, извивающимися волосками ковыля. На конце каждого волоска я увидела острие, как у иголки. На другом конце волоска находилось семечко — плод ковыля. Когда оно созревает, то падает на землю. В сухую погоду волосок ковыля скручивается спиралью, в сырую — распрямляется. Таким образом растение передвигается, пока не дойдет до какой-нибудь неровности и не воткнется в землю. В этом секрет размножения ковыля. Прежде, когда ковыльных степей было много, от ковыля погибало немало овец. Волоски ковыля вцеплялись в густую шерсть их, проникали глубоко в кожу, вызвали раздражение и нагноение.

Осматривая Куш-тау, я побывала в вишневых зарослях, в орешниках и вышла на его вершину, где правильными кубометрами был сложен вырубленный лес. Прело мной блеснула полоска воды. Совсем обмелевшее, заросшее высокой травой и цветами лежало передо мною бывшее глубокое, «бездонное» озеро. С одной стороны его высились каменные глыбы. — быть может, они когда-то составляли часть берега озера. Я разговорилась с лесником Рахматуллиным.

— Это что, — пренебрежительно сказал Рахматуллин — лужа, а не озеро. А вот в самой горе — замечательное озеро, вы бы посмотрели...

Самый отдаленный шихан Юрак-тау—Сердце-гора.

Но никто, ни лесник, ни местные жители, не знали точно, где оно находится. Я попыталась сама найти его. Исходила гору вдоль и поперек, заглядывала во все пещеры и щели, но ничего не нашла.

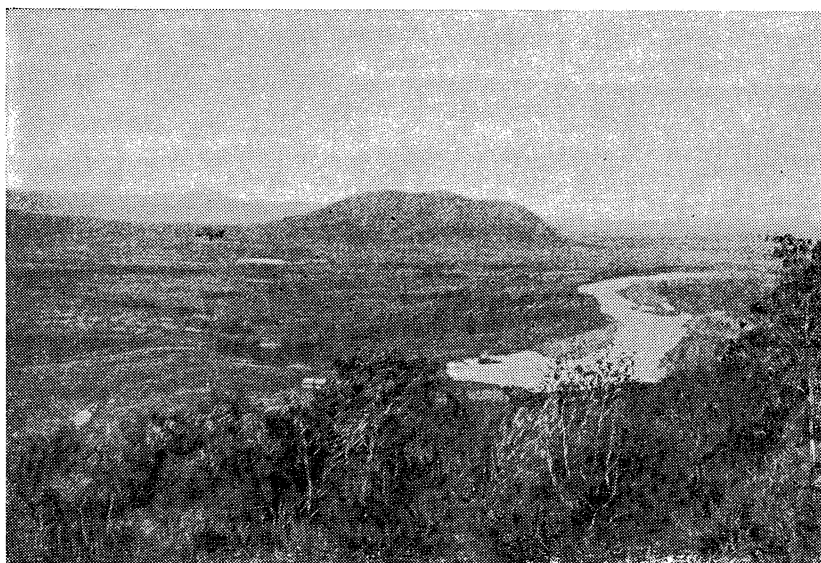
Тогда я разыскала колхозника Динислама, моего возницу. Динислам широко улыбнулся, выслушав мою просьбу, и сказал, что озеро совсем недалеко.

На другой день мы с ним карабкались по крутым, скалистым склонам шихана Куш-тау. Вот и массивный навес из серого камня. Под навесом — вход в пещеру. Мы нырнули туда и очутились в огромном каменном гроте. В глубине его виднелось неподвижное зеркало воды.

— В пещере этой когда-то стоял лесник жил, — рассказывал

Динислам. — Жаловался он, что далеко ему по воду на реку Белую ходить. И вдруг у него в пещере появилось озеро. А другое озеро, что было на горе, высохло. Лесник испугался и ушел из пещеры, землянку себе под горой выкопал.

Когда-то внезапное появление и исчезновение воды представлялось людям чем-то таинственным, пугало. Со временем подобные явления (встречающиеся, кстати сказать, по всему земному шару) были объяснены наукой. Оказалось, что наземные и подземные водоемы нередко соединяются ходами. Ходы время от времени закупориваются обвалами, родниковые воды, впадающие в подземные водоемы, ищут нового выхода и выливаются на поверхность. Но известняк растворим. Вода, просачиваясь в завал, постепен-

Гора Шак-тау — Мокрая гора.

но размывает его, затем под напором прорывает препятствие и вновь уходит под землю.

Так, вероятно, образовалось в озеро в пещере суверного лесника.

Динислам показал мне еще несколько интересных скал и пещер на шихане Куш-тау, показал небольшой ручеек, бьющий из-под горы с северной ее стороны. Он ходил со мной и на другие шиханы, помог мне собрать множество древних окаменелых раковин, этих немых свидетелей далекого прошлого шиханов, когда они были морским дном.

Мы ставили на озерах верши на карасей. Однажды мы поймали карася-великана, с огромным горбом на золотисто-черной спине, почти шарообразного, походившего скорее на редкую морскую рыбу, чем на карася. Озер в этих местах было много и почти все они назывались «Щучьими» или «Карасьими».

Прошлое шиханов поучительно, но еще замечательнее их будущее. Однажды Динислам привел меня к огромному зданию с высокими трубами, расположенному у линии железной дороги. Это был первый корпус будущего содового комбината. Комбинат будет работать на известняках и соли Стерлитамакских шиханов.

Тысячи лет стояли эти громады, служили предметом суверного страха. О них складывали красивые сказки и легенды. Но никто не знал, какие сокровища таят недра Стерлитамакских шиханов.

Лишь после Великой Октябрьской революции «перед хозяевами сполна все богатства раскрыла страна» (Джамбул). Геологи стали производить бурение на нефть, разведывать месторождения известняков и соли. Было установлено, что только в одном шихане Шак-тау запасы известняка ходят до 13 миллионов тонн. Мощность пластов известняков и соли достигает здесь до 700 метров. Известняк будет подаваться на завод по воздушной канатной дороге, а соль в виде рассола — по двум 28-километровым чугунным трубам. Содовое производство, требующее большого количества воды, получит ее из реки Белой.

Для этой цели будет сооружено искусственное озеро площадью до 80 гектаров. Через два-три года здесь будет благоустроенный поселок, в котором поселятся тысячи рабочих и служащих. Первые жилые дома будущего поселка уже выстроены.

В 1950 году содовый комбинат должен быть готов на половину проектной мощности.

Район Стерлитамакских шиханов, в прошлом исключительно земельный, в наши дни, в эпоху сталинской послевоенной пятилетки, становится крупнейшим индустриальным центром Башкирии.

В БИБЛИОТЕКАХ И АРХИВАХ

Собрание книг покойного президента Академии наук СССР В. И. Комарова поступило в библиотеку Ботанического института Академии наук СССР. В этом собрании насчитывается свыше 6 тысяч книг.

Библиотека Ботанического института получила также много иностранных книг и журналов по ботанике. В частности, получен ряд трудов по флоре Ютландского полуострова, Перу, Мексики, Тасмании Канады, Норвегии и других стран.

Красноярская краевая библиотека насчитывает сейчас свыше 200 тысяч томов. Среди библиотечных книг много очень редких, в том числе первое издание грамматики М. В. Ломоносова. До сих пор был известен лишь один экземпляр этой грамматики, хранящийся в Москве во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина. Недавно в библиотечных фондах обнаружены «Сказка о трех дровишках» на персидском языке, написанная в XVII веке, и хорошо сохранившийся сверток египетского папируса длиной в 20 метров.

В Центральном архиве Военно-Морского Флота СССР собрано до полутона миллионов различных документов, связанных с историей русского флота. Большой интерес среди этих документов представляют материалы о первых кругосветных плаваниях Крузенштерна и Лисянского, Головинина, письма и дневники Миклухо-Маклая и других русских путешественников XIX столетия. В библиотеке архива насчитывается свыше 20 тысяч томов справочных изданий.

НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ

Украинская Академия наук решила продолжить в текущем году раскопки городища и могильника народности ала-нов в Верхнем Салтове, начатые еще в 1940 году. Особенно широкий характер приняли раскопки в Верхнем Салтове в 1946 году. Здесь были открыты 24 катакомбы, собрано около 2 тысяч различных украшений, оранжированной керамики и орудий производства, типичных для аланской культуры.

Археологическими экспедициями обследованы места стоянки древнего человека в районе Орехово-Зуева Московской области. Найден кремневый орудия, обломки древних глиняных сосудов, украшенные различными узорами, и другие предметы, относимые учеными к эпохе за 1500 лет до новой эры,

то есть приблизительно за 3500 лет до наших дней.

Древнейшей является стоянка человека в верхних р. Клязьмы, у деревни Льялово, относящаяся к третьему тысячелетию до новой эры.

В долине реки Суры, недалеко от Пензы, также обнаружена стоянка первобытного человека. Найден кремневые стамески, долота, нож, глиняная посуда. Намечаются раскопки также в Наровчате, на месте татарского селения, существовавшего здесь в XIII—XIV веках.

Интересные находки, рассказывающие об истории Москвы, продолжают делать строители метро. Найден много остатков древних сооружений, фундаментов домов и крепостных стен, оружия, орудия производства, домашние предметы, посуда, монеты, изразцовые плитки XVI—XVII веков и т. п.

Текущим летом в различных районах СССР работает несколько археологических экспедиций. Один только Институт истории материальной культуры снарядил свыше тридцати отрядов археологов, которые будут работать на Алтае, в Киргизии, на Украине, на Керченском полуострове и т. д. Одна из экспедиций произведет раскопки в районе Черновца. Задачей экспедиции является установление древних культурных и хозяйственных связей, существовавших между западными и восточными славянами. В Киве, Пскове, Новгороде и Старой Ладоге будут производиться раскопки редчайших памятников древнерусского зодчества.

НОВЫЕ КАРТЫ

Главное управление геодезии и картографии ведет работу над картами второго тома Морского атласа, подготавливается выпуск гипсометрической карты СССР на 32 листах, разрабатывается подготовка к изданию Большого географического атласа мира. Над созданием новых карт работает крупный коллектив географов, историков и картографов.

В текущем году будет выпущен Малый атлас СССР. На картах этого атласа будут показаны не только населенные пункты, пути сообщения, реки, границы, но и рельеф местности. В указателе атласа насчитывается свыше 30 тысяч географических наименований.

Начата работа над созданием климатической, растительной и почвенной карты СССР. В текущем году будут выпущены карты Латвийской, Эстонской и Литовской ССР и карта Восточной Сибири.

По окончании реставрации и переплетки карта будет помещена в Эрмитаже.

Большой труд по «географии болот» выполнил старший научный сотрудник Гидрологического института В. В. Курьянов. Им составлен большой атлас, на картах которого дается представление о географии болот и зональности их распространения по областям и краям СССР. Карты болот подготовлены к печати и включаются в Гидрологический атлас СССР.

Большую, в 20 листов, многокрасочную геологическую карту Европейской части СССР, Урала и Кавказа в масштабе 1:1.500.000 составил Всесоюзный научно-исследовательский институт геологии. На карте указаны месторождения полезных ископаемых, залегание пород и ряд других данных. Одновременно институт работает над составлением геологической карты всего СССР в масштабе 1:1.000.000. Для подготовки материала по составлению карт малоизученного севера Азиатской части СССР выезжают на места специальные экспедиции,

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. А. Таран

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДВИГАЮЩИЙСЯ СКЕЛЕТ

Главный инженер института геолого-разведывательной техники Арам Григорьевич Геворкян остановился и замер на месте.

— Не понимаю... — тихо пробормотал он. — В чем дело?

Подойдя ближе к окну он стал всматриваться более пристально.

— Скелет... Что такое!? Да, скелет... Ха-ха!

Действительно, в ночной темноте в окне противоположного здания можно было различить какую-то странную картину...

Этому удивительному случаю предшествовало самое обычное.

...Кончился рабочий день. По мере того как все более темнеет, энергичнее ходит по своему кабинету главный инженер. Он изредка подходит к открытому окну, вдыхает полной грудью свежий воздух, а затем снова принимается шагать из угла в угол. Глубоко засунув руки в карманы, отчего его высокая и сухопарая фигура кажется немного сутулой, бесшумно скользит он по ковру, покачивая в такт своих шагов головой.

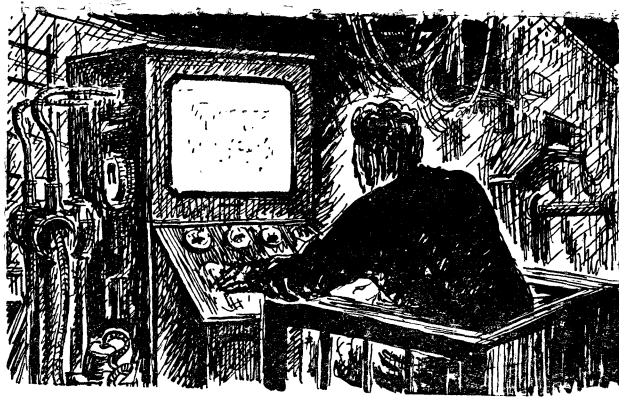
— Стальные трубы... А если диаметр больше? А? Почему бы не больше?... слышится его монотонное бормотанье.

Главный инженер при этом останавливается и смотрит вопросительно в глубину комнаты, где в полумраке вырисовывается темный силуэт письменного стола.

— Пересчитаем, — говорит он твердо, принимаясь снова ходить по комнате. — Пересчитаем... Пересчитаем... Трубы... трубы...

А сегодня он бродит, предаваясь размышлениям и строя планы будущих дел.

Таким образом, сидя в кабинете, можно будет наблюдать на экране картину подземного мира.

Главный инженер останавливается у письменного стола и начинает нервно барабанить по нему пальцами.

— На самолете! Пусть доставляют на самолете! Тсчка! Все! — говорит он глухо, стремительно отрываясь от стола, как будто отдаляясь от невидимого оппонента. Все... Никаких возражений быть не может. Все...

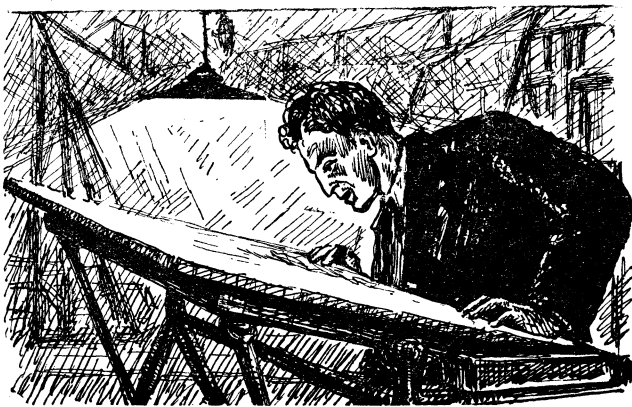
Геворкян любит рассуждать сам с собой. Бурный темперамент этого человека не выдерживает ни минуты покоя. Оставаясь наедине, он продолжает чувствовать себя в окружении множества воображаемых людей. Главный инженер мысленно спорит с ними, доказывает, спрашивает у них совета и сам же за них отвечает. Это своеобразная форма творческого процесса, присущая многим людям и обостренная у него до крайности.

— Такие возможности! А мы? Что делаем мы?.. — продолжает он, ускоряя шаг.

Затем, резко повернувшись, он направляется к выходу из кабинета.

Широко распахивается массивная дверь. Она остается открытой — Геворкян часто забывает ее закрывать, точно не желая преграждать дорогу своим многочисленным воображаемым собеседникам. Дверь прикрывает шупленькая девушка, секретарь, хорошо знающая все привычки своего начальника. Она некоторое время прислушивается к удаляющимся шагам, а затем медленно усаживается за свой столик.

Но вот вскоре из коридора доносятся еще чьи-то шаги. Они резки, уверенны, но не так торопливы, как у главного инженера. Открывается дверь. На пороге появляется приземистый и широкоплечий человек — секретарь парткома Батя.

На бумаге с начатым чертежом он видит странное изображение.

Собственно, настоящая его фамилия Хвыля, что по-украински значит волна. Григорий Тимофеевич Хвыля. Но дружеская кличка «Батя», данная ему рабочими, его товарищами за степенную рассудительность и добродушный вид, укоренилась за Хвылей очнь давно.

— Добрый вечер! — проговорил Батя, задерживаясь у дверей. — У себя?

— Добрый вечер, Григорий Тимофеевич. Только что вышел, — отвечает секретарша, подымаясь из-за стола.

— И куда же это он?

— Бродить пошел.

— А-а-а...

Выражение «бродить пошел» хорошо известно обим. Это означает, что инженер ходит в раздумьи по опустевшему институту, заглядывая во все уголки.

— Разыскать его?

— Не надо... — медленно говорит Батя. — Когда кончит бродить, сам ко мне зайдет. Обычно заходит. Спокойной ночи!

Между тем главный инженер уже проходит по просторному залу, слабо освещенному дежурными лампочками.

Он внимательно присматривается к сложным механизмам, расставленным на столах и специальных стендах. Некоторые машины видны лишь как контуры, поблескивающие никелем отдельных деталей. Главный инженер задерживается почти у каждой машины.

Медленно переходит он от одной машины к другой. Он напоминает собой полководца, осматривающего ночью расположение позиций и спящих бойцов. Завтра полководец появится среди войск во всем своем величии военного руководителя. А сегодня, под покровом темноты, он бродит, предаваясь размышлениям и строя планы будущих славных дел.

Пневматический бур, гидротурбинный бур и много других механизмов, расположенных в зале, предназначены для того, чтобы сверлить землю, углубляясь в нее как можно дальше.

У одной из машин главный инженер задерживается особенно долго.

— Корпус расширим... Так... — говорит он, разглядывая машину со всех сторон. — Очень неплохо.

Поднявшись на второй этаж, Геворкян идет по длинному коридору. Двери, ведущие в кабинеты и лаборатории, медленно проплывают мимо него одна за другой.

— Люди... Нужны люди... — бормочет он. — Как работают эти... трое? Ребята, видно, неплохие... Может быть, поручить им?.. Правильно!

Новое, необыкновенное дело предстоит осуществить институту.

Именно поэтому главный инженер бродит ночами, не находя себе времени для отдыха.

В общих чертах проект новой машины почти готов в его голове. Это будет мощный турбобур, способный проникнуть на огромную глубину в толщу земли. Но не в этом только его преимущество перед остальными бурами. Он будет снабжен специальным радиолокационным прибором, погружающимся одновременно с головкой бура. Вместе со штангой на многие километры в глубь земли потянутся провода, соединяющие радиолокатор с поверхностью. Таким образом, находясь на поверхности, можно будет наблюдать на экране картину подземного мира. На тридцать-пятьдесят метров вокруг буровой скважины разойдутся радиоволны локатора, пронизывая толщу земли. Отраженные от геологических слоев, они вернутся к локатору, и на поверхности земли побегут по проводам электрические сигналы, превращающиеся здесь в видимое на экране изображение.

— Товарищ Геворкян! Кажется, тут, — проговорил он.

В конструкторском бюро, большой и хорошо освещенной комнате, главный инженер медленно обходит все столики. Над некоторыми из них на минуту склоняется, внимательно рассматривая чертежи. Иногда он берет в руку карандаш и делает какие-то пометки на толстой бумаге, приколотой кнопками.

— Где же они сидят? Ага... Вон там... — тихо говорит он, направляясь к трем столикам, стоящим несколько отдельно от остальных.

Он усаживается за одним из них и начинает просматривать бумаги.

— Что?.. — несется по залу его удивленный возглас. — Почему? Нет другого дела?

На бумаге с начатым чертежом он видит странное изображение, не имеющее никакого отношения к технике. Какое-то уродливое животное нарисовано в углу. Внизу, под чертежом, опять то же животное, оскалившее зубы.

— Кажется, бегемот... — говорит главный инженер, подымаясь из-за стола и пожимая плечами. — Что же это такое?

У двух соседних столиков он видит опять на чертежах изображения непонятных животных. Как будто все трое говорились нарисовать одно и то же. Это приводит Геворкяна в ярость.

— Безобразие... — тихо бормочет он, выходя из конструкторского бюро. — Возмутительно!..

* * *

Вскоре главный инженер, как и ожидал Батя, действительно вошел в помещение парткома.

— Безобразие!.. — было первое его слово. — Игрушками у нас народ занимается во время работы!

— Притвори дверь-то сначала, — спокойно проговорил Батя, приподымаясь навстречу своему другу. — Кто, говоришь, занимается игрушками?

— Ты понимаешь, у меня нехватает людей! — продолжал главный инженер, расхаживая по комнате. — Вот эти, трое, что недавно прибыли на практику... я на них надеялся... Ты понимаешь? А они в рабочее время занимаются тем, что рисуют на чертежах... каких-то бегемотов.

— Бегемотов? — удивился Батя.

— Да! Бегемотов... В зоологический сад их нужно было бы направить, а не к нам.

— И хорошо нарисованы? — улыбаясь, продолжал Батя.

Геворкян остановился на минуту, внимательно посмотрел на Батю, пожал плечами и начал снова ходить по комнате.

Он принялся излагать Бате все трудности, с какими он уже встретился и, наверное, встретится в дальнейшем при осуществлении нового проекта. Трудностей было так много, что говорить с них можно было бы очень долго. Но неожиданно в дверь постучали, и на пороге появился дежурный вахтер.

— Товарищ главинж, — проговорил он, косясь на Батю. — Тут вот из окна видно, как движется скелет... В шестой лаборатории...

— Что? — удивился Геворкян.

— В неурочное время работают... — продолжал вахтер, хорошо известный всему институту старик Панферыч. — В темноте сидят и этим самым скелетом занимаются...

— Надо бы взглянуть, — начал было Батя, обращаясь к главному инженеру. — Действительно, что им там делать в такое время?

Но Геворкян уже вышел из комнаты вслед за вахтером.

— В темноте работают, — тихо продолжал Панферыч, еле поспевая за главным инженером, шагавшим быстрой и отрывистой походкой. Только тени мелькают...

Они проходили по длинному и слабо освещенному коридору. Глухо разносилось по нему эхо, повторяя шарканье шагов и пыхтение Панферыча. Наконец у одного из окон Панферыч остановился.

— Товарищ Геворкян! Кажется, тут... — проговорил он. — Так и есть! Смотрите, пожалуйста...

Главный инженер остановился.

Напротив была темная стена соседнего корпуса, расположенного совсем рядом. В больших квадратных окнах здания кое-где отражались звезды. Повидимому, начинала всходить луна, так как соседняя крыша уже серебрилась от слабого, чуть розового света. Но окна нижнего этажа были погружены в полную темноту. И только в одном из окон, внизу, было отчетливо видно зеленоватое фосфоресцирующее сияние. Черные, сильно увеличенные тени людей иногда появлялись в окне и быстро исчезали.

Но не присутствие фосфоресцирующего сияния в окне и не тени людей удивляли главного инженера. Его поражало нечто другое. В глубине комнаты виднелся скелет... зеленый, светящийся...

Позвоночник, ряд ребер и маленький череп непрерывно двигались. Особенно широкими пульсирующими движениями извивался позвоночник. Череп же через равные промежутки времени совершал однообразные повороты. Геворкяну показалось, что он видит даже оскал зубов.

— Да откуда эти кости? Что за чертовщина! Пойдем туда, надо посмотреть... — проговорил Геворкян. Они почти бегом стали спускаться по лестнице. Но ближайшая выходная дверь оказалась закрытой. Пришлось снова подниматься наверх, бежать по коридору и снова спускаться по другой лестнице.

Теперь им осталось пересечь большой институтский двор, чтобы обогнуть корпус, из которого они только что вышли. Вот уже и вход в лабораторию № 6. Главный инженер резко дергает дверную ручку. Но дверь не поддается. Она закрыта на ключ!

Через несколько минут, когда на место происшествия прибыл начальник институтской охраны с ключами и Геворкяну, наконец, удалось проникнуть в закрытое помещение, в нем никого не оказалось.

Рано утром перед дверью в приемную главного инженера остановились трое.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ТРИ МУШКЕТЕРА»

Рано утром перед дверью в приемную главного инженера остановились трое.

— Ты начнешь, Ермолай? — спросил один из них. — Очень нужно!.. Идея твоя в основном, — ответил второй грубоватым баском, делая ударение на «о». — Как ты думаешь, Гога? — добавил он через некоторое время.

— Гм-гм... — произнес Гога, внимательно разглядывая потолок.

— Вот видишь, Сашенька? — радостно пробасил Ермолай. — Гога со мной согласен. Придется начинать тебе.

Затем все трое, один за другим, вошли в приемную и, стараясь не шуметь, уселись на диване.

«По ранжиру сидят», подумал, взглянув на них, ожидавший своей очереди начальник институтской охраны.

Действительно, самый высокий из друзей, Александр Корелин, юноша с голубыми мечтательными глазами сидел с краю. Посредине находился Ермолай Богдыханов, широкоплечий и грузный, с лицом немного озорным и хитрым. Ниже всех ростом

был Гога Шереметьев, юноша очень серьезный и сосредоточенный. Даже теперь, всего только рассматривая потолок, делал он это необычайно внимательно и с глубокомысленным видом.

Все трое были студентами машиностроительного института, недавно прибывшими сюда на практику.

— Ну, как нравится вам у нас работать? — спросила секретарша, обращаясь к студентам.

— Ничего... Спасибо, — ответил Корелин. — Мы очень довольны. Разве вог...

Корелин запнулся, так как из кабинета послышался голос главного инженера. Геворкян, видимо, с кем-то спорил и говорил таким громким, не терпящим возражений голосом, что вошедшим показалось, будто бы хозяин кабинета чем-то очень недоволен.

Встревоженные студенты переглянулись. Между тем секретарша продолжала сидеть спокойно, не обращая внимания на крики.

— Десять километров!? Что?.. Ерунда!.. — неся из-за дверей зычный голос Арама Григорьевича. Возвр-р-ратится! Что?.. Возвр-р-ратится!!!

— Скажите, пожалуйста... — осторожно спросил Корелин, обращаясь к секретарше, — скажите, что главный инженер сегодня не в духе?

На лице секретарши появилось строгое выражение, говорившее одновременно о недоумении и легком презрении к новым посетителям.

— Почему не в духе? — спокойно проговорила она. — Наоборот! Разве вы не слышите, как он бодро разговаривает?

— Слышу... — согласился Корелин. — Однако... Но в это время дверь из кабинета распахнулась, и на пороге появилась девушка в синем рабочем халате. К удивлению студентов, на ее лице не было видно слез или каких-либо других признаков обиды. Девушка приветливо улыбалась.

— Вот!.. — гордо проговорила она, протягивая какую-то бумажку секретарше. — Арам Григорьевич просил передать вам для приказа. Тут благодарность лабораторной электроразведки и лично мне.

— Гм... — тихо произнес Гога, толкая локтем Богдыханова в бок.

— Милое дело... — прошептал при этом Богдыханов, обращаясь к Корелину.

Следующим пошел в кабинет к главному инженеру, грузно стуча сапогами, начальник институтской охраны. Массивная, обитая черной клеенкой дверь с шумом захлопнулась за ним.

Вскоре друзья заметили, что секретарша начала проявлять явные признаки беспокойства. Она стала внимательно прислушиваться к еле слышимым звукам, доносившимся из кабинета. Лицо ее приняло очень серьезное выражение.

Как ни старались три друга угадать причину, взволновавшую секретаршу, но так и не могли догадаться. Из кабинета слышался лишь тихий и совершенно неразборчивый разговор.

— Это возмутительно... — печально проговорила секретарша. — Врачи запрещают Араму Григорьевичу чрезмерно волноваться... А на этой неделе вот уже третий случай, когда он буквально выходит из себя... Что там произошло?..

— Простите... Я вас не понимаю... — скромно заметил Корелин. — Откуда вы знаете, что главный инженер сильно взволнован?

Секретарша опять окинула студентов взглядом, выразившим легкое недоумение. Она еще раз внимательно прислушалась к тихому разговору, доносившемуся из кабинета, подождала немного и лишь затем ответила:

— Вы совершенно не знаете Арама Григорьевича. Разве не слышно, что он молчит? В нормальном состоянии он говорит громко, кричит. А это что? Вы только прислушайтесь! До чего довели человека!..

Проникшись уважением к такому необыкновенному объяснению секретарши, студенты молчали. Только теперь они обратили внимание, что из кабинета дей-

Секретарша подозрительно посмотрела на Богдыханова, уже принявшего непринужденную позу, и пожала плечами.

ствительно слышался только один голос начальника институтской охраны. Он, видимо, в чем-то оправдывался. Голоса же главного инженера не было слышно совсем.

Неожиданно среди наступившей тишины послышалось какое-то странное пыхтение. Это Богдыханов, сидевший между своими товарищами, начал ворочаться, почему-то торопливо хватаясь за боковой карман своей куртки.

— Вот дьявол! Вырывается!.. Ну, что ты будешь делать? — послышалось его приглушенное бормотание.

— Держи, Ермолай!.. — тихо прошептал Корелин.

— Что там случилось? — заинтересовалась секретарша.

— Да, нет... ничего, — смущенно произнес Корелин. — Это просто так... У Богдыханова такая привычка, что ли. Вы не обращайте внимания. С ним это бывает.

Секретарша подозрительно посмотрела на Богдыханова, уже принявшего непринужденную позу, и пожала плечами. Она услышала слово «держи», и у нее мелькнула страшная мысль, что Богдыханов, может быть, страдает припадками.

— И часто это у вас бывает? — теперь уже с ужасом глядя на Богдыханова, спросила она.

— Вчера было, — грустно пробасил Богдыханов. — Вот тоже засунул руку в карман... Забываешь... А он — как хватит!

— Кто хватит? — испуганно спросила секретарша, приподымаясь со своего места. — Я вас не понимаю...

Но ответа не последовало. Дверь открылась, и в приемной появился начальник институтской охраны. Некоторое время он смотрел в какую-то неопределенную точку, как бы что-то вспоминая, окинул студентов немного подозрительным взглядом и медленно направился к выходу из приемной.

— Пойду искать винозников... — тихо проорнул он на ходу.

В отделанный под дуб кабинет главного инженера студенты вошли в том же порядке, как и в приемную, — гуськом. Впереди шел высокий и стройный Александр Корелин, гордо подняв голову. За ним следовал, немного покачиваясь, широкоплечий Ермолай Богдыханов, Гога Шереметьев передвигался медленно, уставившись в пол.

— Садитесь. Что за срочное дело? Я вас слушаю, — скороговоркой произнес главный инженер, поднимаясь из-за стола и пожимая пришедшим руки.

— Вы не представляете, Арам Григорьевич, какое необычайное дело привело нас к вам! — произнес Корелин, усаживаясь в кресло.

— Очень интересно. Я вас слушаю, — спокойно ответил главный инженер, откидываясь на спинку кресла.

«Тихо говорит... Значит, не в духе...» мелькнуло в голове у Корелина.

— Вы, конечно, знаете, какое огромное значение имеет природа в жизни человека? — продолжал Корелин, сильно волнуясь. — Нет... простите, не в жизни человека... а в науке и технике... Ну, да! В науке и технике. Я могу вам привести тысячи примеров. Возьмите птиц, парящих в безбрежных воздушных просторах... Возьмите, наконец, рыб, резвящихся в глубине океана...

Дальше Корелин запнулся, так как почувствовал, что от волнения он говорит что-то не то, а Геворкян смотрит на него не особенно дружелюбно.

— Предположим, что я возьму птиц и возьму рыб. Дальше что прикажете с ними делать? — вставил главный инженер, пользуясь паузой Корелина.

— Анатомировать... — глухим и не допускающим возражения голосом вставил Гога Шереметьев.

Главный инженер сделал большие глаза и повернулся к Гоге.

— Он вам недостаточно ясно изложил свою мысль... — забеспокоился Корелин. — Хотя Леонардо да Винчи тоже анатомировал голубей...

— Ты не то говоришь, Саша, — вмешался Богдыханов. — Ты объясняй проще... Голуби тут не при чем, Арам Григорьевич. Мы имеем в виду другое животное, так сказать, более близкое нашим интересам.

— Что?.. — прошептал главный инженер, подымаясь из-за стола. — Вы пришли сюда дурачить меня загадками? Вы думаете, что я не видел бегемотов, нарисованных у вас на чертежах!.. Что это за балаган?

— Да это не бегемоты, Арам Григорьевич! Уверяю вас, что не бегемоты... — забеспокоился Корелин. — Сейчас вы узнаете... Ермолай, прошу тебя...

Геворкян увидел, как Богдыханов принялся торопливо ощупывать боковой карман своей куртки. Затем он издал возглас удивления и зачем-то быстро сунул руку в карман своих брюк.

— Да объясните же человеческим языком, в чем дело? — тихо произнес главный инженер.

— Арам Григорьевич! — произнес Корелин, все еще не оправившийся от смущения. — Ведь разведку земных недр можно вести при помощи животных... то есть, простите... подобий...

Корелин не смог закончить фразу, так как дверь неожиданно с шумом растворилась и в комнату быстро вошел пожилой человек с портфелем.

— Арам! Не ожидал? — закричал он еще с порога.

Это был инженер из центра, неожиданно прибывший в институт по срочному делу. Сразу за ним в кабинет вошел Батя.

— Все, товарищи! — быстро проговорил Геворкян, обращаясь к студентам. — Сейчас мне некогда с вами заниматься. Следующий раз приходите с четкой формулировкой того, чего вы хотите.

— Ничего не понимаю! — весело проговорил главный инженер, когда за студентами захлопнулась дверь. — Нельзя сказать, чтобы это были слишком робкие ребята, а вот в течение целых десяти минут не смог толком объяснить, зачем пришли.

— Ты, наверно, отчитывал их за нарисованных бегемотов? — улыбаясь заметил Батя. — Вот они и перепугались.

— Кстати, ты знаешь, как они объясняют появление бегемотов на своих чертежах? — продолжал главный инженер. — Они пришли ко мне с предложением использовать каких-то животных для геологической разведки. Позже придется разобраться...

— Животное для геологической разведки? — удивился гость. — Это теперь, когда в нашем распоряжении имеется столько совершенных приборов! Вы меня простите, но я невольно вспоминаю барона Мюнхгаузена. Тот в свое время предлагал летать на утках...

— Вообще у нас в институте в последнее время творятся странные вещи. — продолжал главный инженер, обращаясь к гостю. — Можешь ли себе представить! Прошлой ночью я видел собственными глазами двигающийся скелет! А? Как это тебе нравится?

— Какой скелет? Что ты говоришь!.. — забеспокоился инженер. — Я приехал сюда говорить о серьезных вещах... Кстати, Арам, я считаю, что тебе необходим отпуск, и в ближайшее время.

— Ладно, ладно, — ответил Геворкян улыбаясь. — Сейчас мне отпуск не нужен. А что касается скелета, то ты не думай, что мне показалось. Ты ведь не знаешь, о каком скелете я говорю. Да я и сам толком не знаю, что это было. Сейчас начальник охраны разбирается в этом деле.

Вскоре в кабинете наступила нормальная рабочая обстановка. Главный инженер начал горячо спорить с приехавшим инженером, расхаживая по комнате и сильно жестикулируя.

— Грубы? Да, вы должны их прислать на самолете... А как же иначе! Ты сам посуди. Что?! — слышался его громкий голос.

Иногда голос главного инженера стихал, его замечала тоже громкая, но неторопливая и обстоятельная речь Бати. Приехавший из центра говорил тихо.

— Нам не хватает людей! — горячился главный инженер — Сейчас будут мобилизованы все... Люди! Понимаете, люди нам нужны. Не хватает людей... Вот, например, эти трое... три мушкетера, как кто-то их у нас назвал... Разве я могу на них надеяться? Что мне прикажете с ними делать?

— Да подожди, Арам! Что ты на них раньше времени ополчился? — вставил Батя. — Ребята молодые. Видно, носятся с какой-то новой идеей. Надо разобраться. Завтра — воскресенье. А в понедельник, возможно, займусь с ними сам.

— Я же не говорю, что они вообще плохие работники, — продолжал главный инженер. — Нужно иметь в виду, что они именно носятся с какой-то своей идеей. Бредовой или нет — это мне не известно. Но все равно — сейчас надо выполнять порученное нам задание.

Главный инженер прекратил хождение по комнате, уселся на свое место.

— Бур применим самый обыкновенный. Локационную установку смонтируем вблизи режущего инструмента. Вас интересует радиус обзора? Пожалуй, ста... Пятьдесят метров уже можно гарантировать... Но это еще не все! Я думаю, что я до семидесяти метров дотянем. Представляет! Сидя вот в этом кабинете, мы будем видеть на экране все, что делается на глубине трех-четырех километров. Ведь сейчас

Вдруг из-под ковра показалось маленькое животное с лоснящейся черной шкуркой.

же мы фактически слепые... Мы не видим, что делается вот тут, под нами, совсем близко... — при этом главный инженер резко взмахнул рукой и направил указательный палец вниз, к полу.

— Действительно, не видим... — подтвердил Батя, с какой-то загадочной интонацией в голосе. — Вот только посмотрите...

При этом он указал рукой на большой ковер, лежавший посредине комнаты.

Геворкян и гость с удивлением принялись рассматривать место, указанное Батей. С ковром происходило нечто непонятное. Он вздулся посредине небольшим бугром. Бугор перемещался в разные стороны, все время меняя направление.

— Что это может быть? — спросил главный инженер, опять приподнявшись из-за стола.

— Я думаю — крыса, — безапелляционно заявил гость.

— Откуда же в моем кабинете может быть крыса? — обиделся Геворкян. — Нет, это просто интелесно... Надо посмотреть.

С этими словами он вскочил из-за стола, подошел к коврам и принялся его отворачивать ногой.

Вдруг из-под ковра показалось маленькое животное с лоснящейся черной шкуркой.

— Крот! — воскликнул Батя. — Самый настоящий крот! Как же он тут появился?

— Это чорт знает, что такое... — грозно прорычал главный инженер, осторожно носком переворачивая неуклюжее животное на спину. — Что это за шутка? Куда его девать?..

— Только не выбрасывать, — вступился Батя, приближаясь к кроту. — Подожди... Дай-ка сообразить

Ну, да! Животное очень полезное... В некоторых случаях, конечно... Знаешь, что? Я возьму его с собой. А пока пусть тут погуляет. Животное безвредное. Не укусит...

Вскоре главный инженер уселся за свой стол и, подперев голову руками, задумался, продолжая следить за кротом, ползающим по комнате.

— А-а-а! Понимаю... — продолжал он через некоторое время. — Начинаю, вернее, понимать. На чертежах у них, наверное, были нарисованы кроты, а не бегемоты. Догадываюсь также, откуда появился и этот экземпляр. Так, так... Это они притащили с собой. То-то Богдыханов что-то долго искал у себя в кармане! Нечаянно выпустил, наверное... Это они мне принесли показать. Так, так... То-то они мямлили! Теперь все ясно. Наши уважаемые практиканты собираются предложить вести геологическую разведку с помощью дрессированных кротов. Как вам это нравится?

— Я же говорил, что ваши практиканты хотят уподобиться барону Мюнхгаузену! — обрадовался гость, до сих пор молча наблюдавший всю сцену. — А погом, — продолжал он, — существует уже не вымышленный, а настоящий пример. Вы, наверно, слышали, что один физик дрессировал тюленей, чтобы они выслеживали неприятельские подводные лодки? Но только ничего из этого не вышло.

— Не вышло-то, не вышло... — вставил Батя. — Но благодаря этой затее, насколько мне известно, этот физик усовершенствовал приборы для подслушивания шумов под водой — гидрофоны. Он скопировал ушную раковину тюленей, зная, что они очень хорошо слышат под водой.

— То тюлени, а то кроты... — с сожалением в голосе заметил Геворкян. — Предположим, что мы привяжем к кроту какой-нибудь мерительный или сигнальный прибор. Ну, и на какую глубину может опуститься крот? Пять метров! Десять метров, не более! Кому это нужно! Ерунда! Никчемная идея... Я пред-

лагаю больше не терять времени на глупости. Давайте лучше заниматься делом.

В кабинете опять воцарилась деловая обстановка. — Можешь заверить, что телебур мы построим в срок! Так и передай! — волновался Геворкян. — Но трубы я все-таки требую выслать на самолете, немедленно... Понятно? Все мобилизуем! Все экспериментальные работы приостановим! Но к сроку сделаем. Только вот люди... Почему не присылаете пополнение?

Дальше разговор пошел о нефти.

По далекому геологическому прогнозу в местности, где был расположен институт, у одного из предгорий Кавказа, предполагалось местонахождение нефти. Однако до сих пор нефть еще не была обнаружена. Хотя практическое испытание машин, разрабатываемых институтом, и проводилось с успехом в ближайших нефтяных месторождениях Кавказа, руководству и всем сотрудникам все же хотелось самим видеть результаты своих трудов. Институт конструировал машины не только для поисков и эксплуатации нефти. Задачи были более широкие. Тут создавались машины и для поисков рудных месторождений и для разведки угля и калийных солей. Расположить научно-исследовательский институт в таком месте, где бы сразу находились всевозможные месторождения, было невымыслимо, да и не нужно. Но в данном случае, если бы нефть нашлась, первое практическое испытание своих машин сотрудники института могли бы провести сами.

— Телебур поможет нам добраться до нефти. Это ясно, — говорил Батя. — Это будет его первое практическое испытание. Вот если бы...

Батя не успел договорить фразу, так как в кабинет быстро вошел начальник институтской охраны. Он подошел к главному инженеру и что-то тихо сказал ему на ухо.

Главный инженер стал мрачнее тучи.

— Это возмутительно... — медленно проговорил он, глядя куда-то в сторону.

(Продолжение следует)

МОЛОДЫЕ СОВЕТСКИЕ ГОРОДА

Пятнадцать лет назад, выполняя боевое сталинское задание, прибыли в глухую таежную местность на берегу Амура тысячи комсомольцев из Ленинграда, Москвы, Харькова, Ростова, Смоленска и многих других городов нашего великого Союза.

Комсомольцам было поручено построить здесь новый советский город, новый большой промышленный и культурный центр на нашем Дальнем Востоке.

Первая партия комсомольцев прибыла на Амур в июне 1932 года. Их привез пароход «Христофор Колумб» и высадил на пристани у деревушки Пермское.

«Когда пароход покинул нашу экспедицию, — вспоминает начальник первого «адресного стола» в Комсомольске товарищ Н. Галуний, — мы стали обживать берег. Раскинули палатки. У входа в каждую из них появились вывески: «Москва», «Ленинград», «Киев»... Несколько дней спустя рядом с нашими палатками стали появляться землянки. Эти строения мы называли в шутку «копай-городами». Землянки и до сих пор сохранялись. Только теперь они являются экспонатами городского музея».

Первые «адреса», которые сообщал товарищ Галуний, были такие: «Шалаш № 5» или «первый участок, что у речки Силинга».

Прошло всего пятнадцать лет, и сейчас в письме товарищу Сталину трудящиеся Комсомольска на Амуре, названного так в честь его строителей-комсомольцев, сообщают, что город их насчитывает уже свыше ста тысяч жителей.

На десятки квадратных километров раскинулись его промышленные и жилые кварталы. В городе работает ряд крупных заводов, четыре строительных организации и десятки других предприятий.

Большой железнодорожный узел соединяет Комсомольск с крупными городами Союза. Вот уже десять лет работает судостроительный завод, выпускающий из своих доков немало первоклассных судов. В Комсомольске 36 школ, 40 яслей и детских садов, 16 клубов, 30 библиотек, драматический театр, дворец культуры, два кинотеатра, гостиница, 11 больниц. На площади в 5 тысяч гектаров расположены три городских подсобных хозяйства. Коллективные и индивидуальные огороды рабочих и служащих занимают площадь в 4 тысячи гектаров.

Первые строители города — землепосадки, плотники, лесорубы — стали инженерами, хозяйственниками, партийными и советскими работниками. Во главе

исполкома городского Совета — бывший землекоп Алексей Еремий.

Вот какой город построили комсомольцы!..

Еще моложе другой советский город — Молотовск. Он основан одиннадцать лет назад. Летом 1936 года два парохода доставили на пустынный, безлюдный берег Белого моря, где не было ничего, кроме древнего, заброшенного монастыря, несколько партий землекопов, плотников и инженеров. Они должны были построить здесь большой завод и при заводе социалистический город.

Через год здесь уже было 120 домов. За два года поселок строителей вырос в город Молотовск. Сейчас Молотовск по числу жителей — второй город Архангельской области. Город благоустроен, прекрасно распланирован, дома главным образом каменные, в два, три и четыре этажа. Весь город обслуживается водопроводом, во всех домах — центральное отопление. Из Молотовского порта уходят суда в далекие плавания. Железная дорога связывает город со всеми центрами Союза. В городе есть театр, несколько школ, библиотека. В послевоенную пятилетку город разрастется еще больше. Появятся новые дома, предприятия, культурные центры.

ЗНАМЕНИТЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ОЛЬГА БАЯН

Рис. В. Федяевской

Над необъятной каменисто-песчаной пустыней Гоби со свистом проносился холодный декабрьский ветер, подхватывая и кружа песок и мелкий снег. Извиваясь огромной змеей, медленно подвигался между холмами караван экспедиции. За вереницей навьюченных верблюдов, привязанных друг к другу, шло стадо баранов — живой запас продовольствия.

Впереди каравана, покачиваясь в седле, ехал начальник экспедиции Петр Кузьмич Козлов. меховая шапка и поднятый воротник наполовину закрывали его лицо, и только глаза, быстрые, энергичные, поблескивали из-под густых бровей.

Мимо проплывали гряды холмов, то серовато-желтых от высохшей травы, то черных каменистых, слегка припорошенных снегом. Точно застывшие волны океана, холмы тянулись до самого горизонта.

Козлов участвовал уже в трех экспедициях по Центральной Азии: сначала под начальством Пржевальского, потом Певцова и Роборовского, но только теперь, в 1899 году, впервые вел экспедицию сам.

Ученик знаменитого Пржевальского, Козлов в своей четвертой экспедиции шел через пустыню Гоби не тем путем, которым некогда проходил со своим учителем. Он выбрал новый, неведомый путь.

На этот раз он направлялся в восточную часть Тибета, к верховьям рек Хуан-хе, Ян-цзы-цзян и Меконг.

Полтора месяца шел караван по пустыне. Путешественники преодолевали последнюю ее часть — пустыню Ала-шань. Барханы (наносы песка) здесь доходили до 80—100 метров

высоты. На переход одного такого бархана приходилось тратить по два, по три часа. Даже выносливые вер-

только итти пешком, а местами и расчищать путь для каравана?!

Сменив верблюдов на хайнников (быков) и лошадей, экспедиция подымалась на плато северо-восточной части Тибетского нагорья.

Холодный и суровый, несмотря на весну, встретил ее Тибет. На перевале через хребет Бурхан-будда, на высоте 5 километров над уровнем моря, дул леденящий ветер и лежал плотный слой снега. И это в конце мая! От разреженного воздуха, в котором было мало кислорода, людей тошнило, болела голова. Задыхаясь, шли путешественники, озябшие, пронизываемые ветром. Отогреться бы у костра, но огонь почти невозможно развести: каждую минуту он потухает от недостатка того же кислорода.

Одно радовало Козлова — в Тибете было много зверей: яки, аргали (каменные бараны), кукуяматы (дикие козы), олени, антилопы, рыси, барсы, тибетские медведи. Непуганные, они не боялись людей. Вот где раздолье охотнику!..

В Каме (восточной части Тибетского нагорья) крупные представители млекопитающих исчезли. Изменилась и природа. Вместо трав, покрывающих плато Северного Тибета, здесь по горам росли густые леса. В них водились иные звери и птицы.

Сердце страстного натуралиста Козлова радовалось. Он нашел здесь неизвестных науке пернатых — новый вид горной индейки (уллара), впоследствии названной именем Козлова, ушастую сову и других. Здесь он увидел камскую летягу (более крупную, чем европейская), — зверька с перепонками

П. К. Козлов.

блюда подвигались с трудом. Увягая в сыпучем песке, они тяжело, учащенно дышали. Что же говорить о людях, которым приходилось не

между лап, ловко перелетающего, точно с парашютом, с дерева на дерево, любовался обезьянами, которые резвились, не обращая никакого внимания на людей.

Богатые коллекции удалось собрать Козлову в Каме. Одних только птиц было добыто восемь новых видов, в том числе один новый род.

Больше года пробыл Козлов в Восточном Тибете. Он исследовал истоки величайшей реки Индо-Китай — Меконг — и реки Ялуцзян (приток Ян-цзы-цзяна). Он открыл новые горные хребты, один из которых назвал хребтом Русского географического общества.

Это путешествие принесло Козлову мировую славу. Русским географическим обществом он был награжден золотой медалью.

* * *

Ранняя весна 1908 года. Козлов идет по Гоби с новой экспедицией. Его мысли заняты одним: надо во что бы то ни стало отыскать засыпанный песками древний город Хара-

хото. Он кое-что слышал о нем в предыдущих экспедициях, о нем говорит в своей книге путешественник Потанин: «По слухам, такой город в песках Гоби существует». Но где? Сколько ни спрашивал Козлов местных монголов, они явно скрывали правду.

«Вы, русские, хотите знать больше нас даже о наших местах», обиженно говорили они.

Козлова не останавливали такие ответы. Он упорно шел к намеченной цели.

Ему, наконец, удалось найти монгола, который знал, где находятся развалины «мертвого города», и бывал в них. Монгол согласился показать путь.

Выбрав погожий день, Петр Кузьмич с этим монголом-проводником и четырьмя спутниками, взяв с собой запас воды и провизии, отделился от главного каравана и двинулся к Хара-хото. Через некоторое время, поднявшись на возвышенность, Козлов увидел вдали за песчаными сугробами черные полуразрушенные сте-

ны и башни — субурганы — с острокопечными шпицами.

Необычайная радость охватила Козлова. Так вот он, таинственный город!

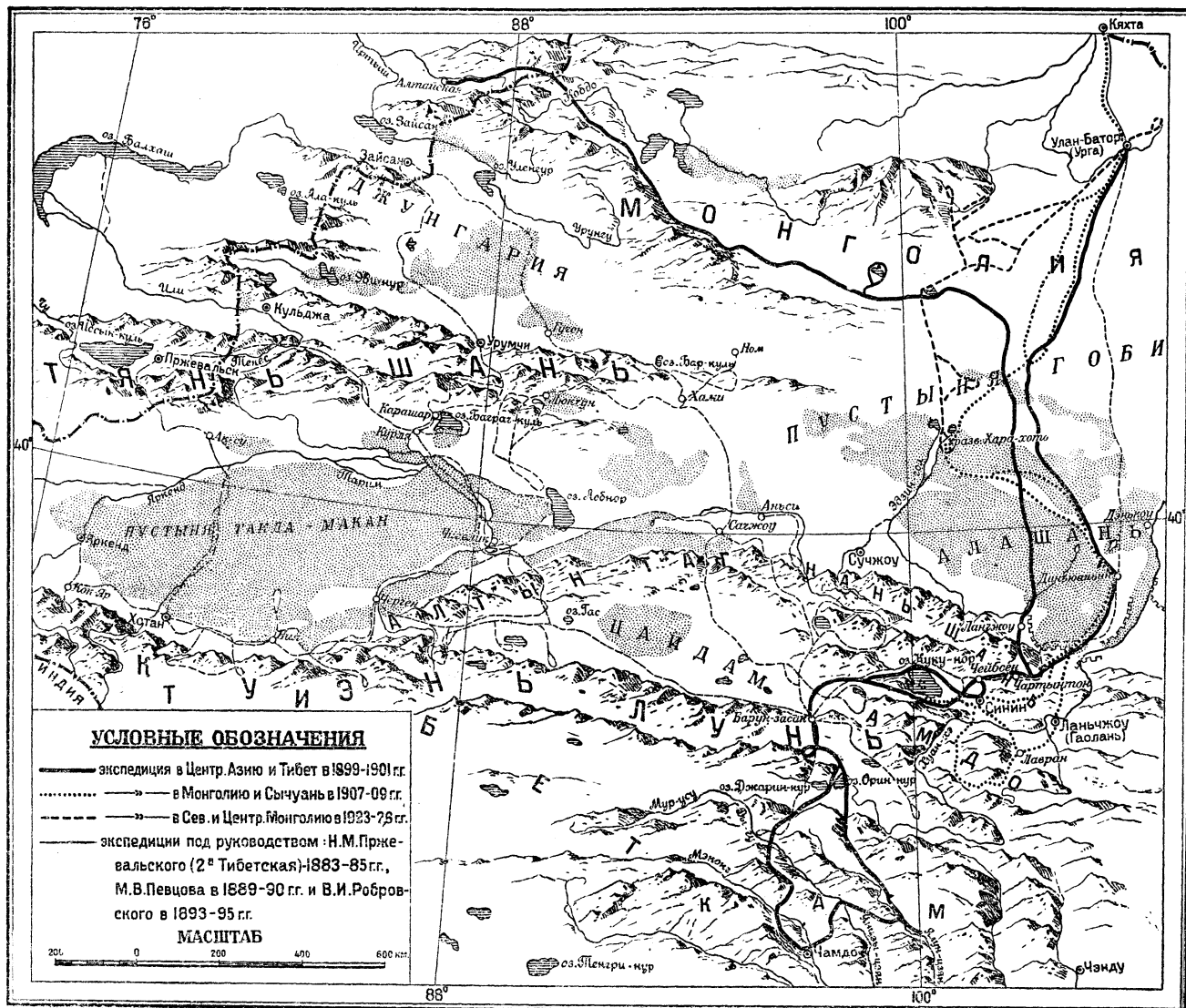
Взволнованный, стоял Козлов у наполовину засыпанных глинобитных стен, с интересом рассматривая их и вслушиваясь в ничем не нарушаемую тишину. Потом он начертил план города, наметил места раскопок, и экспедиция приступила к делу.

Впервые за много столетий в городе послышался стук лопат и кирок. Из-под земли бережно извлекались обломки глиняной и фарфоровой посуды, статуэтки, монеты. Часть находок Козлов отослал в Петербург, а сам, на время оставив раскопки, отправился с экспедицией в дальнейший путь — в Амдосское нагорье.

* * *

Спустя год, на обратном пути, Козлов снова посетил Хара-хото.

Легкие дни. Солнце жжет нестерпимо. Термометр в тени показывает 47 градусов, а на солнце — 65. Дует

горячий ветер, засыпает песком глаза, мешает работать. Томит жажда, а воду надо расходовать экономно. Все же участники экспедиции продолжают упорно трудиться. Они то копают, то, как кроты, роют землю руками, чтобы извлечь находки в более сохранном виде. Их археологическая ценность оказалась исключительной. Возраст их — около 700 лет!

Благодаря сухому климату пустыни уцелели даже ткани и бумага (а бумагу на Востоке умели делать на 100 лет раньше, чем в Европе). Найденные Козловым бумажные деньги говорили о древней культуре. Коллекция этих денег, привезенная экспедицией в Петербург, была единственной в мире, относящейся к эпохе 1280—1368 годов. А обнаруженные ксилографы (резаные на дереве клише) и огромная библиотека в 2 тысячи томов свидетельствовали о том, что с книгопечатанием здесь были знакомы за 400 лет до того, как оно было изобретено Иоганном Гутенбергом в Европе. Не знали здесь только передвижных литер.

Много книг библиотеки было на неизвестном языке, но Козлов нашел словарь, благодаря которому книги удалось прочитать. Язык их оказался тангутским, а государство, в котором находился город, называлось Си-ся. Козлов считал Хара-хото его столицей. Но, как доказали ученые позже, это был лишь крупный торговый центр, и назывался он в былые времена Идзина (Этцина). Название же Хара-хото (в переводе — Черный город) было дано местным населением позднее, уже тогда, когда развалины *чернели* на фоне светлых песков пустыни.

Открытие древнего города было главным, чем ознаменовала себя вторая экспедиция Козлова.

* * *

Вернувшись на родину, неутомимый путешественник стал готовиться к новому путешествию. Накануне первой мировой войны он совсем было снарядил экспедицию, но царское правительство неожиданно и без всяких доводов запретило ее.

Только после Великой Октябрьской революции деятельность Козлова снова развернулась во всю ширь.

Советское правительство отпустило Козлову большие средства, и он в 1923 году начал новое путешествие. Козлову тогда шел шестидесятый год. Советская молодежь, составлявшая значительную часть экспедиции, любила Козлова. С увлечением слушали они его рассказы, с радостью выполняли приказания.

Авторитет Козлова был непоколебим не только среди спутников, но и среди монгольского народа.

В Монголии в 1921 году произошла революция. Трудящиеся сбросили иго князей-феодалов и интервентов — русских белогвардейцев. По просьбе монгольского правительства наша

Из культовых находок в Хара-хото.

советская армия помогла очистить страну от оккупантов.

Отношение к русской экспедиции было самое дружественное. Никому и в голову теперь не приходило скрывать что-либо от русских, как скрывали раньше существование Хара-хото. Народ понял, что труды и открытия Козлова важны прежде всего для самой Монголии. Козлов был избран почетным членом Монгольского ученого комитета.

Во время третьей экспедиции (шестой, считая прежние путешествия с Пржевальским, Певцовым и Роборовским), обследуя местность к северу от столицы Монголии — Улан-Батора, путешественники обнаружили в живописных лесистых горах Ноин-ула свыше 200 курганов — древних могильников. Они оказались гунскими погребениями двухтысяче-

летней давности. Это выяснили советские ученые. Не имея специального исторического образования, Козлов не мог определить это сам. Однако он совершенно верно утверждал, руководствуясь строением найденных черепов и костей, что они принадлежат не монголам.

Интереснейшие раскопки целиком захватили Козлова. Из гробниц, которые находились под землей на 10—15 метров от поверхности, было извлечено множество предметов, в том числе прекрасно сохранившиеся ковры и шелковые ткани. Как могло статься, что за 20 веков они не истлели? Дело в том, что во многих местах Северной Монголии встречаются гнезда вечной мерзлоты. Почва в них никогда глубоко не оттаивает. Именно в этих местах и были расположены гробницы. Температура в них постоянно держалась ниже нуля. Этот «естественный холодильник» и уберег предметы от разрушений.

Путешественники извлекли из земли чудесные украшения червонного золота, одежды, художественно вышитые ткани, приборы для добычи огня, деревянные чаши, корытца, ковши, нитяные сетки и многое другое.

Это был богатейший материал для ученых, по которому они могли изучать историю, экономику, быт и культуру народа, жившего в столь отдаленные от нас времена.

Открытия Козлова в Ноин-ула имеют мировое значение.

Экспедиция в Ноин-ула была последней в его жизни. Но живой, подвижный Козлов даже и не думал о том, что она может быть последней. Он постоянно говорил о предполагаемом новом путешествии. Вполне обеспеченный, окруженный заботами советского государства, Козлов мог жить на покое и не работать. Но это было не в его натуре.

Поселившись в Ленинграде, Петр Кузьмич то выезжал в разные города Союза читать лекции, то обрабатывал записки о последней экспедиции, то ездил в деревню охотиться. Козлов любил дремучие леса Новгородской губернии. Он часто бывал здесь в гостях у спутника почти всех своих путешествий крестьянина Иванова. Вместе ходили они на медведей, вместе отдыхали, вспоминая далекую, любимую Центральную Азию. Теперь Иванова не было в живых, но Козлова тянуло в те же леса.

Он облюбовал себе уголок в 50 километрах от Старой Руссы, в деревне Стречно, и построил там маленький бревенчатый дом в две комнаты. С этих пор большую часть времени Петр Кузьмич стал проводить в деревне. Он окружил себя деревенской молодежью, которую учил препарировать птиц, собирать различные коллекции, точно, по-научному определять животных и растения.

Часто в прохладный летний вечер, сидя в саду, собственноручно разбитом у дома, Козлов рассказывал юным слушателям эпизоды из своей

Глиняная ваза. Хара-хото, XII—XIII века.

богатой приключениями жизни. В эти минуты он переставал быть стариком. Глаза его горели молодым огнем, светились задором и отвагой. Иногда в них мелькал суровый огонек требовательного начальника. Таким Козлова знали в экспедициях. В быту же это был далеко не строгий, добрый и отзывчивый человек. Когда он ездил в Ленинград, что бывало часто, крестьяне давали ему массу поручений. Козлов выполнял их с точностью. Возвращался Козлов обратно, всегда нагруженный чужими вещами — разными пакетами, сертками, кульками, которые и доставлял по назначению.

Время шло, годы брали свое. Появилась старческая болезнь — склероз сосудов. Она все усиливалась, сердце работало плохо. Козлова поместили в санаторий под Ленинградом. Здесь лечили его лучшие врачи, но помочь уже было нельзя. Однако Козлов до последнего дня не сдавался. Он ходил, гулял, понемногу писал. Накануне смерти, отвечая на письмо друга, в котором тот просил его дать статью в журнал

«30 дней», Козлов обещал: «... постараюсь написать что-либо в связи, конечно, с путешествиями». Но выполнить обещание ему не пришлось. После вечерней прогулки Козлов лег спать и ночью, во сне, тихо умер. Это было 25 сентября 1935 года.

* * *

Много за свою жизнь поработал этот энергичный, неутомимый человек. Около 40 тысяч километров прошел он по Центральной Азии. Помимо археологических ценностей, найденных в Хара-хото и Ноин-ула, Козлов собрал ценнейшие коллекции: 1300 млекопитающих (из них десятки новых видов и даже родов), более 5 тысяч птиц (из них многие десятки новых видов и родов), около 50 тысяч насекомых. Именем Козлова названо несколько открытых им новых видов растений и животных.

За свои исследования Козлов был избран членом Русского географического общества и награжден медалью имени Пржевальского.

Он состоял почетным членом Лондонского, Нидерландского и Венгерского географических обществ. От Итальянского и Лондонского получил золотые медали, а от Парижской академии наук — премию. Украинская академия наук избрала Козлова своим действительным членом.

Козлов был не только талантливым путешественником, но и талантливым повествователем о путешествиях. Его книги читаются с большим интересом. Перу Козлова принадлежит около шестидесяти произведений. Самое обширное — книга в двух томах «Монголия и Кам». На первой странице — трогательная, скромная надпись: «Памяти незабвенного своего учителя, первого исследователя природы Центральной Азии И. М. Пржевальского посвящает труды экспедиции П. Козлов».

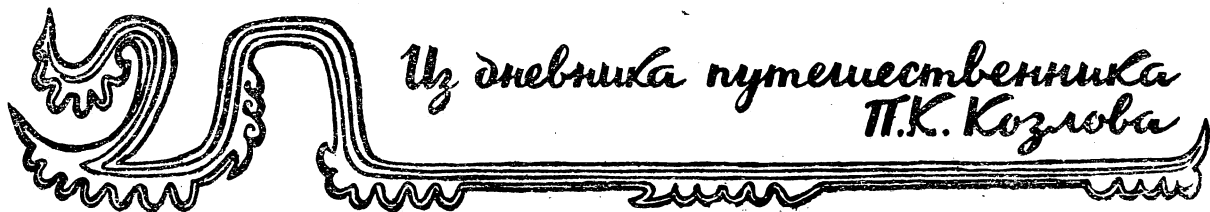
Он считал себя только учеником великого путешественника, но заслуги Козлова перед мировой наукой включили и его в число великих.

Имя Козлова стоит теперь рядом с именем Пржевальского.

Узорная ткань. Хара-хото.

НОИН-УЛЬСКИЕ КУРГАНЫ В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Из дневника путешественника
П.К. Козлова

По предложению Всесоюзного географического общества Е. В. Козлова в настоящее время занимается редактированием и обработкой дневников последней экспедиции 1923—1926 годов ее покойного мужа — исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Она предоставила для журнала «Вокруг света» некоторые выдержки из этих дневников, добавив к ним заключения специалистов об описываемых открытиях.

Помещаемые ниже выдержки касаются эпизода открытия Козловым так называемых Ноин-ульских курганов (в 100 километрах севернее Улан-Батора). Козлову удалось в 1924 году подробно обследовать 11 погребений. Раскопки эти дали ценнейший научный материал.

«4 марта 1924 г. УЛАН-БАТОР-ХОТЕ. По части памятников старины мы за эту зиму узнали немало интересного. Неоднократно посещая лесистое ущелье Баннбулык в Юго-западном Кентее во время своих зоологических экскурсий, мы останавливались на ночевку на хуторе И. И. Ежо и по вечерам иногда подолгу беседовали с любезным хозяином. Я рассказывал ему некоторые эпизоды из своих прежних экспедиций и, между прочим, об открытии мною в Центральной Гоби засыпанного песком мертвого города Хара-хото. Заинтересованный моими рассказами об археологических сокровищах, найденных в Гобийской пустыне, гр. Ежо припомнил, что километрах в 50 к северу от его хутора, в горах Ноин-ула, когда-то нашли под землей всякие золотые и нефритовые предметы. Из дальнейших расспросов выяснилось, что в Кентее несколько десятков лет тому назад велись разработки золота, и в одном из шурфов инженером Баллодом были обнаружены деревянные постройки с шелковыми обоями на стенах, с коврами на полу... Сообщение гр. Ежо произвело на меня сильное впечатление. Как-то чутье подсказало мне, что необходимо тщательно проверить полученные данные и что, возможно, Кентей подругит экспедиции сокровища, не уступающие моему «Великому» субургану в Хара-хото.

В двадцатых числах февраля 1924 года я снарядил своего старшего помощника С. А. Кондратьева в разведывательную экскурсию в горы Ноин-ула (Юго-западный Кентей), а 1 марта и сам съездил на два дня в ур. Суцзуктэ. Поездка вышла восхитительной во всех отношениях. По тракту Улан-Батор—Кяхта мы следовали на автомобиле. Везде лежал снег, но солнце ощутительно пригревало, кое-где показались первые ручьи талой воды, дорога почернела. На станке Боротай мы пересели в тележку и поехали к востоку-юго-востоку по набитой тропе вдоль широкой долины, по которой вскоре поднялись до лесистого ущелья. В его вершине лежало селение Цзун-мото, привольно раски-

нувшееся по одному из отлогих склонов. Раньше здесь жили рабочие золотых приисков. Сейчас всюду царил тишина. Большинство домов, построенных обществом Монголо, стояло заколоченным. От Цзун-мото мы направились на ближайший перевал; восемь километров мы поднимались около двух часов по приисковой дороге. На всем пути нас обступал высокоствольный хвойный лес. К могучим соснам кое-где примешивалась лишь береза. С перевала открылись широкие дали лесистых хребтов, расчлененных долинами рек; в одной из падей, известной под названием Суцзуктэ, под самым перевалом стояло несколько приисковых построек, где устроили базу мои разведчики-археологи. Ниже, над самым дном долины, в разреженном лесу я увидел разбросанные

поодаль друг от друга небольшие возвышения в форме усеченных конусов разных размеров, замаскированные снегом. Это и были курганы. Вершина каждой могилы представляла невысокий вал, окружавший центральную воронку. Повидному, эти памятники старины были когда-то разрыты и потому утратили свою первоначальную естественную форму. Трудно предвидеть результаты предстоящих работ. Будем надеяться, что ограблены лишь предметы, представляющие очевидную материальную ценность, а научные сокровища остались нетронутыми. Кроме того, могила много — по приблизительному подсчету более 200, в нескольких соседних друг другу ущельях, и я рассчитываю, что нам удастся найти хоть один неразрытый

курган. Так или иначе я твердо решил попытаться и начать раскопки.

10 АПРЕЛЯ 1924 г. УЛАН-БАТОР. 20 марта С. А. Кондратьев вместе с двумя другими товарищами выехал на работы. Решили вести раскопки наиболее примитивным и дешевым способом, а именно шурфом, так как было бы легкомысленно бросать сразу большие средства на разработку могил, в ценности которых нет уверенности.

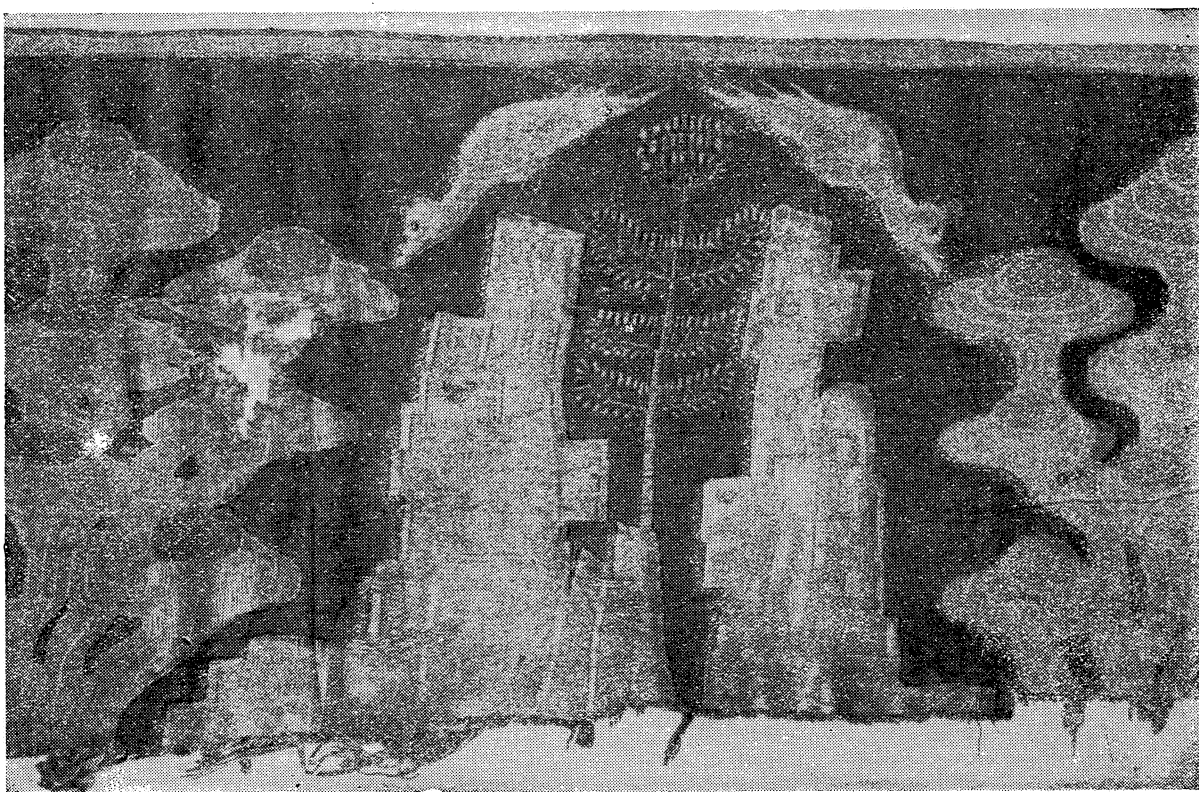
Серебряная бляха с изображением быка.
Ноин-ула.

25 АПРЕЛЯ 1924 г. СУЦЗУКТЭ. Суцзуктинские курганы делятся на две группы. Первая, небольшая, состоит из 13 крупных могил, во второй мы насчитали около 50 воронок, среди которых большинство мелких. Работу начали сразу в трех местах. Вести раскопки ранней монгольской весной довольно затруднительно. Сначала приходится откапывать курган из-под снега, потом ежедневно раскладывать костры, чтобы несколько оттаять мерзлую почву. В день рабочим китайцам при благоприятных условиях удавалось снять слой земли не более 5—7 четвертей глубины. В верхнем кургане на 6-м метре в изобилии начали попадаться кусочки древесного угля, на 7-м метре обнаружили первую находку — сломанные, проржавленные удила, а немного глубже — маленькое медное колесо, диаметром в 10,6 сантиметра. На 10,4 метра наткнулись на поставленное вкось бревно. Между тем через стенки шурфа стала просачиваться вода. Во избежание обвалов поставили крепи в виде сруба. В одном из курганов на глубине 5 метров все еще продолжали отбрасывать лед, а на 6-м метре показалась вода, которую в течение нескольких дней откачивали пожарной машиной. На 9-м метре

обнаружилась, наконец, погребальная постройка. Она поразила нас своей основательностью. В крыше ее, толщиной около 1 метра, мы насчитали 5 пластов: под настилом из редко положенных бревен оказался слой земли, под ним — сплошной бревенчатый настил, еще ниже — снова редко уложенные бревна, а дальше — последний ряд сплошных бревен.

Я спустился на дно шурфа. Там сыро, холодно, везде сочится вода, временами обваливаются комки земли и камни, а воздух очень затхлый. Трудно работать в такой обстановке!

10 МАЯ 1924 г. СУЦЗУКТЭ. Сегодня моему спутнику А. Симукону в верхнем шурфе удалось проникнуть через восточный коридор в центральное помещение могилы. Он пробрался туда через щель в стене коридора. Вся погребальная камера оказалась заполненной жидкой грязью. По середине стоит большой ящик (очевидно, гроб!), без крышки. Заглянуть в него нельзя было, потому что потолок навис в этом месте особенно низко. Сейчас каждый день приносит нам новые и новые находки — куски материи, деревянные изделия, маленькие золотые пластинки и пр.»

Китайская шелковая ткань I века новой эры. Нонн-ула.

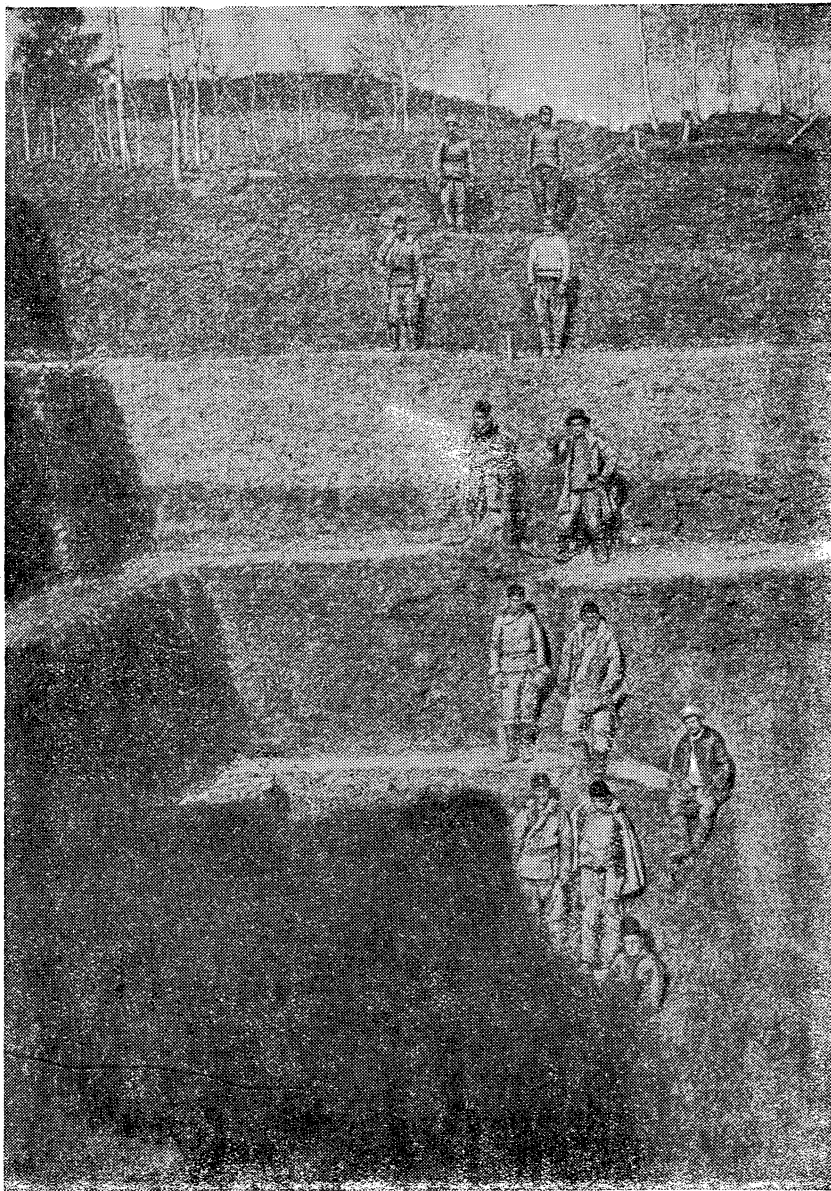
Это и следующие обследованные погребения оказались построенными по одному плану. По заключению археологов, обработавших материалы П. К. Козлова, план этот заключался в том, что к могильной яме с юга отлого спускался глубокий карьер, служивший входом, через который пронесли покойника. На глубине 7—9 метров карьер приводил к «наружному» деревянному помещению, внутри которого, как в

футляре, располагалась внутренняя погребальная камера¹. Вокруг нее шел узкий коридор. Во внутренней камере находился грубый, примитивной работы гроб из ливневницы.

Потолок и стены внутреннего помещения были, повидимому, сплошь обтянуты шелковыми материями, от

¹ Точные размеры одной из внутренних камер: длина 3 метра, ширина 1,7 метра, высота 1,2 метра.

которых к настоящему времени сохранились лишь отдельные обрывки. Под гробом лежал прекрасно сохранившийся шерстяной ковер на войлочной подкладке, с шелковой оторочкой и с нашитыми сверху орнаментами (апликациями). Эти апликации изображали борьбу животных: лося с каким-то крылатым зверем, которого одни исследователи называют грифоном, другие — росмахой, и яка — с рысью.

Монголия. Нонн-ула. Вид археологических раскопок.

В погребениях было найдено множество предметов: тонкие золотые пластинки, наугольники, бронзовые, иногда позолоченные розетки (украшения балдахина над гробом), бронзовые курительницы и другие сосуда, железные наконечники стрел, деревянная дощечка с обугленной палочкой — снаряд для добывания огня, лаковые чашечки с инкру-

стациями из золота, разнообразные ткани с тончайшими, художественно исполненными рисунками, человеческие косы из черных волос в шелковых футлярах, которые служили, видимо, знаками траура.

Беспорядок, царивший во всех погребениях, свидетельствовал, по мнению археологов, о том, что здесь побывали грабители, по всей ве-

роятности, вскоре после захоронения, так как между насыпью и грабительским отвалом не было обнаружено следов погребенной почвы — к моменту ограбления над могилой не успел образоваться достаточно мощный почвенный слой.

Ноин-ульские могилы относят к I веку до нашей эры. Они принадлежали могущественнымномадам племени гуннов — по видимому, тюркского происхождения. Судя по обилию погребального инвентаря и по грандиозности всего погребения, во вскрытых экспедицией курганах безусловно были похоронены представители знати.

Установлено, что все предметы, добытые раскопками, можно разделить на три категории: 1) импортные китайские (шелковые ткани, лаковые изделия, нефрит), 2) предметы обихода знати Бактрии и Ирана, на которых отразилось эллинское влияние (часть тканей), 3) местного производства (шерстяной подгробный ковер, стельки, одежда покойника, деревянные предметы — коши, орудие для собывания огня, большая глиняная урна и др.). Влияние китайского востока и бактрийско-эллинского запада отразилось достаточно ясно на местном производстве.

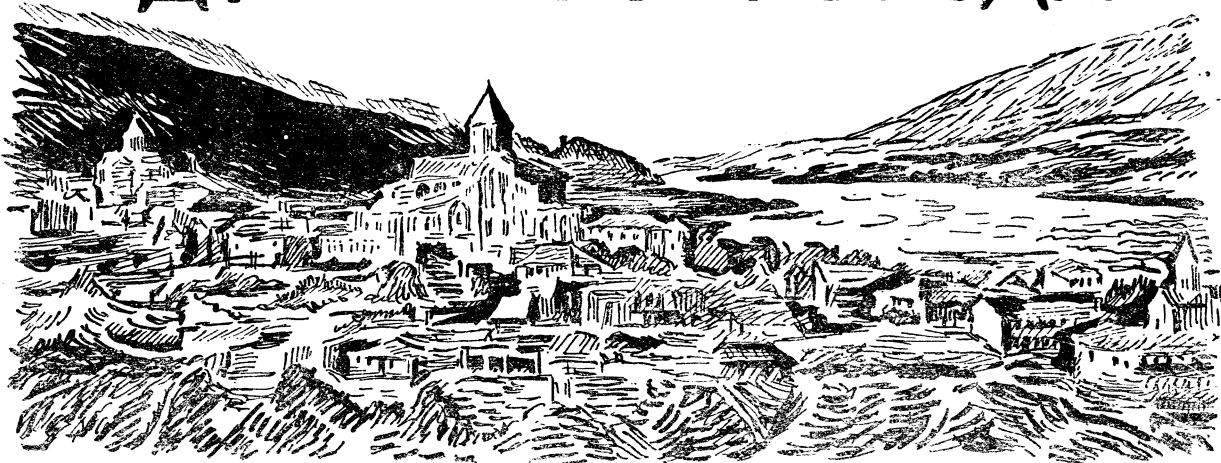
Шерстяные ткани, несомненно, сделанные гуннскими мастерами, называют, как, пользуясь китайской техникой и красящими веществами из местных растений, гунны изображали и деревья в чисто эллинском стиле и реалистические фигуры всадников со всеми деталями их местной одежды, прически и конской сбруи.

Открытия Козлова знакомят нас как с культурой самих гуннов, до сих пор очень мало изученной, так и с широкими культурными связями, существовавшими 20 веков тому назад у этого народа.

В настоящее время все эти находки хранятся в Ленинграде, в залах Эрмитажа.

Е. Козлова

ПОИСКИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

С высокого обрывистого берега Куры хорошо виден небольшой грузинский городок Мцхета. Вокруг величественного серозеленого средневекового храма Светицховели толпятся численские беленькие домики, и лоснящаяся лента асфальтированной Военно-Грузинской дороги, прихотливо извиваясь вдоль Куры, пересекает город и скрывается за поворотом у развалин старой крепости Бебрис-Цихе. По вечерам зажигает свои огни электростанция Загэс — гордость Грузии.

Недалеко от Мцхета ведутся земляные работы.

С осторожностью нагружают рабочие тачку. Тщательно просматривается каждая лопата земли.

Откладывается в сторону отливающий перламутром осколок синей стеклянной вазы, горлышко глиняного кувшина с тонко вырезанным затейливым узором. Бывает, что в сухой земле блеснет и золотая монетка...

Здесь производятся раскопки Армазики — столицы Грузии первых веков до нашей эры.

О существовании этого города было известно еще из книг древнеримских историков и путешественников. Они писали о богатой столице солнечной страны Иверии (так тогда называлась Грузия), о ее замечательной крепости, о храме, о домах, черепица которых была покрыта ярко-красной, не смывающейся и не тускнеющей краской. Указывали они и место, где стоял этот город, — там, где Армазское ущелье вступает в долину реки Куры. Но с того времени прошло много веков, и люди забыли, какое ущелье называли тогда Армазским. Ведь река Кура растянулась на десятки километров, и множество ущелий под-

ходит к ней и справа и слева. Город был потерян...

Между тем ученые, еще до революции, исследовавшие древние памятники Мцхета, часто делали неожиданные находки. В фундаменте монастыря Джвари, построенного в VI веке, были найдены обломки мраморных колонн. У подножия крепости Бебрис-Цихе археологи, производившие здесь раскопки, нашли изящные украшения с древним грузинским орнаментом и серебряные монеты, чеканенные еще до нашей эры. Именно из окрестностей Мцхета чаще всего попадали в музей предметы древней грузинской культуры.

Все это навредило на мысль, что древний город находится где-то в районе Мцхета.

Грузинские советские археологи решили найти этот город.

После настоячивых поисков в одном из ущелий была обнаружена гробница, аккуратно вытесанная из цельного камня и покрытая тяжелой каменной плитой.

Археологи, сдвинувшие плиту, были поражены обилием золотых украшений и драгоценных камней, лежащих в гробнице.

В Тбилиси, в Академию наук Грузинской ССР, полетела телеграмма молния. Через несколько часов множество ученых было на месте находки. Приехала правительственная комиссия, корреспонденты.

Около гробницы уже суетились фотографы и художники. Ученые с нетерпением ждали, когда они кончат свою работу. Нельзя было трогать ни одного предмета в гробнице до тех пор, пока все они не будут сфотографированы и тщательно зарисованы именно в том виде, как были положены много веков назад.

Это делают затем, чтобы в дальнейшем, когда археологи начнут изучать найденные предметы, они могли бы точно знать, где эти вещи лежали. Ведь в старину умерших хоронили вместе со всеми личными вещами: надевали на покойников их любимые украшения, клали в гроб оружие, насыпали деньги, — словом, снаряжали мертвого так, как собирают живого в далекий и трудный путь.

Раньше так и думали, что человек, умирая, отправляется в тяжелое и опасное путешествие в «загробный мир» и что вещи понадобятся ему в дороге.

Многие же предметы, бывшие обычными в древности, теперь совершенно исчезли из обихода, и люди о них забыли. Так, например, изучая древние клады, археологи в числе других украшений часто находили маленькие золотые колечки, в которые нельзя было просунуть даже мизинца. Находили и большие, тяжелые браслеты, которые были велики и для самой толстой руки.

Как же носили эти украшения?

Когда вскрыли как-то гробницу одного из представителей армазийской знати, то увидели, что маленькие золотые колечки аккуратно лежат у кончиков пальцев. Сразу стало ясно, что эти колечки — украшение длинных ногтей. Труднились в те времена только рабы и самая бедная часть населения. Человек, отрастивший длинные ногти и украсивший их кольцами, тем самым показывал, что он богат и имеет возможность жить, ни к чему не прикасаясь руками, не работая.

В другой гробнице нашли большие браслеты. Они оказались украшением для ног.

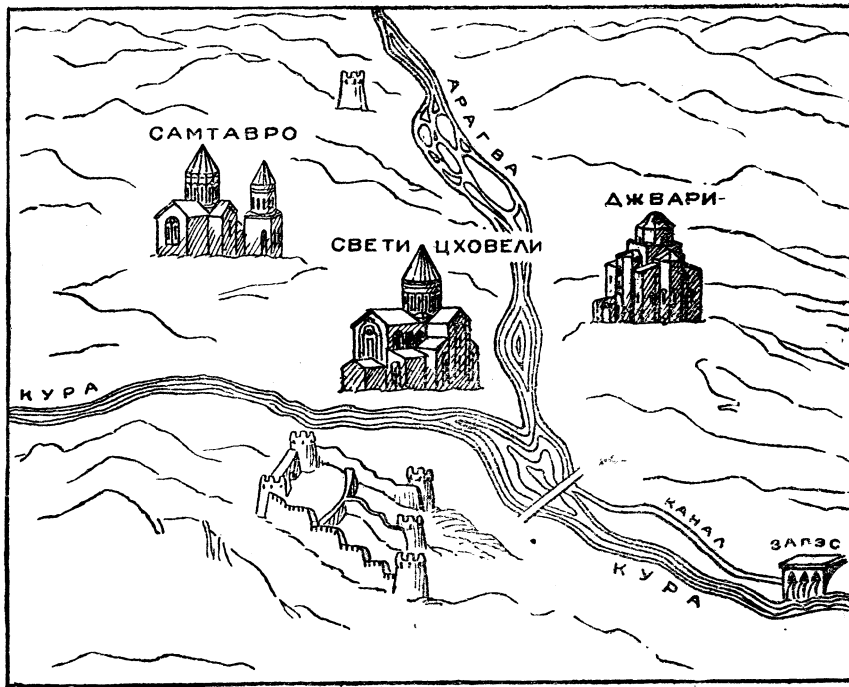

Схема окрестностей города Мцхета. На первом плане условный набросок восстанавливаемых раскопками стен древнего Акрополя. Здесь стоял когда-то Армази.

И вот новое богатое погребение... Медленно движется карандаш художника. Он зарисовывает змейку золотого браслета. А внимание окружающих привлекают монеты. На одной из них даже издали отчетливо виден профиль римского императора Октавиана Августа. Это первые годы до нашей эры.

Наконец, художник закрыл свой альбом.

Седой академик поднимает кольцо. Медленно читает выгравированную надпись:

«Аспагур питиахши...»

«Питиахши» — титул царского министра, правителя провинции Иверии.

— Позвольте, — говорит один из присутствующих, — мы же знаем, что питиахши появились в Грузии только в четвертом веке нашей эры!

— Мы не знали, мы только думали так, — задумчиво отвечает академик. — А теперь, теперь внесена поправка еще в одну страницу нашей истории.

В маленьком ущелье близ Мцхета оказалась целое кладбище царских министров. В каменных саркофагах лежали блещущие золотом, бирюзой и рубинами скелеты питиахши Джаваха, питиахши Берцуми, дочери Джаваха Серапиты и многих других.

Питиахши были родственниками царя и жили вместе с ним в столице. Значит, и столица должна быть где-то совсем рядом с кладбищем!

И она нашлась. «Выдали» ее перемешанные с землей обломки яркочерной черепицы, которые обнажились ранней весной в свежем обрыве

небольшого овражка. А после того как археологи, разрыв склон, наткнулись на остатки стены, сложенной из крупных, хорошо отесанных и аккуратно подогнанных один к другому камней, сомнений уже не оставалось. Именно здесь, под холмами, заросшими колючим кустарником, лежал потерянный город.

* * *

«На высокой горе над Курой стоит статуя воина в блестящих доспехах. Это Армази, бог солнца и покровитель города. Высоко держит он золотой, сверкающий в лучах солнца меч.

Подножие горы окружено высокой и почти неприступной стеной. Там, за стеной, крепость. Туда, за стену, проходит с далеких Карсанских родников по сложенному из гончарных труб водопроводу свежая ключевая вода. Там, за стеной, храм Армази, дворец царя, склады с оружием, удовольствием, подвалы с вином.

У стены — шумный восточный базар. Многоголосая торговля фруктами, хлебом, вином, сладостями, мясом. Гончары, стеклодувы, кузнецы наперебой предлагают свои изделия. На черном бархате разложил украшения ювелир.

Отдельный участок занимают мастера, изготавливающие черепицу. Каждый мастер острой палочкой чертит на еще сырой плитке свой знак — первую букву имени. Неграмотные просто вдавливают в мягкую глину палец.

Яркое солнце блестит на алой черепице крыш...»

Так описана Армазика в летописях древних веков.

И еще одно описание — грустный рассказ о гибели Армазики — сохранила история.

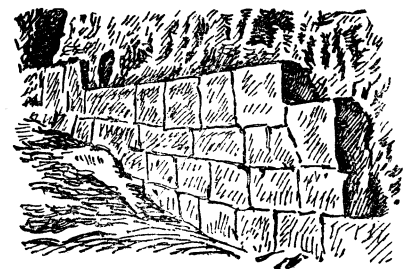
Во время знаменитых Понтийских войн Иверия была союзницей Митридата. Помпей преследовал отступавшего к Колхиде понтийского царя и в 66 году до нашей эры остановился зимовать на реке Куре. На восток от его зимовки раскинулась Иверия, на запад — Колхида. Легкие иверийские отряды частыми дерзкими набегами беспокоили римский лагерь. Весной Помпей двинулся на восток. Он не хотел, чтобы в тылу его войск находился непокоренный враг.

У ворот Армазики маленькая армия Иверии один на один встретилась с отборным римским войском. Бой был жестоким, но слишком неравным. Много римлян полегло в этой схватке, еще больше иверийцев сложило свои головы на берегу родной Куры. Помпей был искусным полководцем. Лавиной хлынули его войска на город, сметая храбрых защитников. Что могла сделать легкая иверийская конница против закovaných в броню легионеров Помпея?

Может быть, следы именно этой битвы и раскапывают теперь ученые. Громадный пожар, уничтоживший город, дошел до нас в виде обугленных головешек, закопченных обломков стен и черепицы. И только городская стена, камни которой не тронули ни огонь, ни время, освобожденная археологами от покрывавшей ее земли, стоит теперь суровым свидетелем двадцати прошедших веков.

С каждым днем раскопок все ярче и отчетливее вырисовываются контуры древней столицы. Невысокий холмик посреди кукурузного поля скрывал под собой развалины бани, ровная площадка на склоне горы оказалась фундаментом разрушенного дворца. Найдены и остатки моста через Куру, и свалка испорченной посуды древнего стекольного завода, и гончарные водопроводные трубы. А в древнем почвенном слое города — глиняные черепки, домашняя утварь, украшения, монеты. Раскопана пока только незначительная часть территории города, но и то, что найдено, делает Армазику ценнейшим памятником древней грузинской культуры.

Н. Зеленов.

Обнаруженная раскопками часть стены из хорошо отесанных камней.

НОВЫЕ ЗВЕРЬКИ В ФАУНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

В 1929 году в СССР была привезена партия енотов для разведения на звероводческих фермах.

Енот — хищник. Родина его — Северная Америка. По внешнему виду он напоминает маленького медведя. Размер его 70—80 см, из которых 15—20 см приходится на хвост. Коренастое, сутуловатое тело енота покрыто длинной, серовато-бурой шерстью. Лапы имеют цепкие, хорошо развитые пальцы.

Зверек может жить везде, где есть лес и вода. Пищей еноту служат лягушки, насекомые, мыши, мелкие птицы, рыба, ягоды и дикie фрукты. Селится он в дуплах старых деревьев, по которым хорошо лазает. Охотится енот обычно по берегам речек. Прежде чем съесть пищу, енот промывает ее в воде. За это он и получил прозвище — полоскун. В конце апреля самка приносит 3—5 детенышей. В двухмесячном возрасте молодые еноты начинают спускаться на землю из своего дупла, но к самостоятельной жизни переходят лишь осенью. С наступлением холодов еноты залегают в спячку, продолжающуюся около трех месяцев.

В 1941 году в Азербайджанской ССР, около селения Исмаиллы, в предгорной долине, покрытой дубово-буковым лесом, был выпущен 21 енот для вольного разведения. Война не дала возможности проводить наблюдения за выпущенными зверьками, и они были предоставлены самим себе.

В 1946 году Исследовательский институт охотничьего промысла приступил к изучению жизни этого зверька в новых для него условиях.

Первые наблюдения показали, что еноты хорошо освоились в новой обстановке. Они расселились по Закавказью-Нухинской долине на площади в 40 тысяч гектаров. Число их за эти годы резко возросло.

Природные условия наших закавказских лесов вполне пригодны для дальнейшего расселения американских енотов.

Недалеко то время, когда енот станет полноправным членом нашей промысловой фауны и мы получим новый вид ценной пушнины.

* * *

Еще в 1931—1932 годах в Азербайджанскую ССР был завезен болотный бобр, нутрия. Этот зверек был выпущен в количестве 80 голов в низовья речек, впадающих в залив имени Кирова (б. Кизил-Агачский залив Каспийского моря). Помимо этого, в 1932 году 123 экземпляра болотного бобра было выпущено на речках Акстафинского района республики.

Теперь искусственное расселение нутрии в Азербайджанской ССР проводится в большом масштабе. В 1947 году для расширения зоны распространения нутрии она была пересажена в новые водоемы: в озеро Сары-Су Сабирабадского района, в низовья речки Турьян-Чай Агдашского района и в озеро Мигман Агдажебинского района. По подсчетам, произведенным Зоологическим институтом Академии наук Азербайджанской ССР, в настоящее время только в Кюрдамирском и Кази-Магомедском районах

Азербайджана насчитывается до 8—10 тысяч голов нутрии.

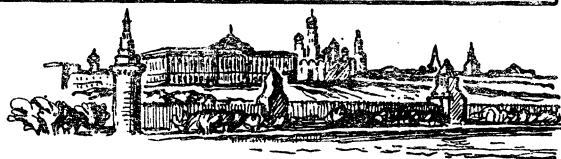
Помимо этого, в Азербайджанской ССР в Акстафинском районе с 1932 года существует нутриеводческий зверсовхоз. Здесь находится около 3 тысяч голов болотного бобра—нутрии.

В декабре 1945 года в Кюрдамирском районе республики организован также нутриевый промхоз, который занимается охраной, наблюдением за размножением нутрий, отловом для расселения по другим водоемам и заготовкой их шкурок.

НАМ ПИШУТ

ЗА ЖИВЫМ ТУРОМ

Громадные скалы, изъеденные временем, грозно повисли над Цейским ущельем в Северной Осетии. Низкие, плоские скалы аула Цей нанизаны на гребень скал. Стремительно рвется вниз горная река. В глубине гор, сверкая своей белизной, возвышается Цейский ледник. Здесь, в этой полосе снегов и холода, обитает кавказский тур, относящийся к подсемейству козлов.

Высокогорная охота за турами — одна из самых опасных. Охотник рискует каждую минуту сорваться со скалы, оступиться. Налетевшая буря может сорвать его с узкой тропки, снежный обвал — засыпать навсегда, а упавший камень — убить.

С самого раннего утра отправился в заоблачные высоты опытный охотник за молодыми турами. Осторожно, испытывая каждое подозрительное место, взбирался он по крутизнам.

Все труды охотника в этот день оказались напрасны. Туров не было видно. Только под вечер зоркий глаз охотника увидел вдали, на выступе горы, несколько козлов, но ветер подвел его: он шел от охотника к зверям. Туры учуяли запах человека и скрылись. Охотнику пришлось переночевать в горах. Но на другой день горы окутал такой густой туман, что охотник вынужден был прекратить свое преследование. Были неудачны и следующие два дня.

Охотник иногда на миг видел туров; они перепрыгивали через пропасти, или бездонные трещины, а затем исчезали. Лишь на пятый день туры стали показываться охотнику чаще. Их поведение не изменилось. Они попрежнему то появлялись на миг, то оставались на выступе дольше.

Охотнику хорошо знакомы повадки туров. Раз они все время кружат у вершины на одном месте, значит он набрал на турье гнездо. Своим поведением туры хотели обмануть охотника, отвести его от вершины, где в крутых склонах были спрятаны их малыши.

Охотник не поддавался обману. Неугомонно продолжал он карабкаться по крутизнам и скалам, рискуя каждую минуту своей жизнью. Наконец

ему удалось набрести на турье гнездо. В безопасном месте, спрятанные от хищных взоров горных орлов, под нависшей скалой, лежали два беспомощных сосунка-туренка.

Охотник был вознагражден за все свои лишения и труды. Он осторожно взял сосунков, бережно закутал их в свою теплую одежду и спустился в аул.

Живые туры ценятся дороже убитых. Их охотно покупают для зоопарков. Молодые турята хорошо вос-

питываются на коровьем и козьем молоке. Они привыкают к людям, обживают в домашней обстановке и не проявляют особой склонности к возвращению в горы. Бывают случаи, что они уходят, но через некоторое время обычно возвращаются в аул к своим воспитателям.

Л. Штрандт

КНИГА О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ РУССКОМ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ¹

Имя Григория Николаевича Потанина (1835—1920) мало известно по сравнению с именами Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, П. К. Козлова и ряда других знаменитых русских путешественников. Между тем Г. Н. Потанин принадлежит к числу выдающихся русских людей и крупнейшим в мире исследователей Внутренней Азии. Он совершил пять продолжительных путешествий в Монголию, Кайг и Тибет, глубоко изучил природу посещенных им местностей и был азиатских народностей, собрал огромные научные материалы, причем открыл несколько новых для науки видов и родов растений.

Отчеты о путешествиях Г. Н. Потанина до сих пор служат богатым источником сведений о природе и населении Внутренней Азии, так же как работы двух его знаменитых современников — Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова. «Все трое, — пишет академик В. А. Обручев, — в совокупности создали ту основную канву географического ликса Внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей

¹ Академик В. А. Обручев, Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. Изд. Академии наук СССР, М., 1947 г., стр. 287, ц. 17 руб. в переплете.

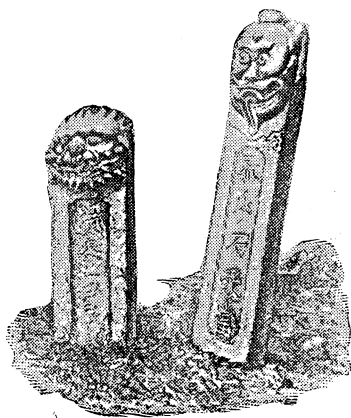

начали уже вышивать узоры, то есть наносить детали общей картины».

Много сделал Потанин для изучения Сибири — своего родного края; о культурных и экономических нуждах его он заботился всю жизнь, работая правителем дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества, изучая быт народов Сибири, принимая живое участие в передовой сибирской печати и т. д. В частности, Потанин организовал в Томске общество изучения Сибири. Эта деятельная и самоотверженная любовь к родному краю послужила источником тяжелых бед для Потанина. Он был и справедливо обвинен в «сибирском сепаратизме» и около 10 лет провел в тюрьмах и в ссылке. Так расправлялось царское правительство с прогрессивными общественными деятелями!

Лишь после всех этих тяжелых испытаний Потанин мог реализовать

Камечные изваяния духов — «покровители дорог» (Китай). Из книги В. А. Обручева Г. Н. Потанина.

свои давнишние мечты и совершить путешествие в Монголию. В Семиречье, в китайском городе Кульдже, в горах Тарбагатай и на озерах Зайсан и Марка-куль Потанин побывал еще до ареста, будучи на военной службе и участвуя в научной астрономической экспедиции 1863 года.

Все эти этапы жизни и деятельности Потанина подробно и живо описаны в книге академика В. А. Обручева. Автор сам был участником некоторых экспедиций Потанина. Он обстоятельно описывает всю богатую событиями и наполненную большим внутренним содержанием жизнь Г. Н. Потанина. Со страниц книги встает яркий, нарисованный с большой симпатией образ замечательного русского человека — самобытного, оригинального ученого и путешественника, скромного и безраздельно преданного науке и родной стране.

Академик Обручев подчеркивает некоторое различие между Потаниным и его выдающимися современниками — Пржевальским и Певцовым. Потанин больше их занимался изучением народностей Внутренней Азии, и в отношении их быта, фольклора и т. п. его отчеты интереснее.

И путешествовал Потанин иначе, нежели Пржевальский и Певцов: он вместе со своей женой подолгу жилав среди туземцев, глубоко и с любовью изучал их быт, верования, проникая всюду, куда хотел, и всюду завоевывая доверие и уважение.

Потанин не обладал такими организаторскими способностями, как Пржевальский, и потому был в ряде случаев терпеть особенно много лишений и трудностей. Но все они преодолевались благодаря настойчивости и самоотверженной любви Потанина и его спутников к делу.

Выдающийся интерес представляют два больших тома сочинений Потанина — «Очерки северо-западной Монголии» (изд. 1881—1883 гг.) и его капитальная работа о путешествии на окраину Тибета (изд. 1895 г.).

Потанин оставил, кроме того, много статей, посвященных, главным образом, этнографии и фольклору народов Сибири и Внутренней Азии. Все это богатое наследие, по справедливому замечанию академика Обручева, еще ждет своих исследователей.

О самом Потанине и его жизни и деятельности в нашей литературе нет решительно ничего, кроме изданной в 1898 году популярной книги «Путешествия Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии».

Поэтому просто, интересно и обстоятельно написанная работа академика Обручева является особенно ценным вкладом в нашу географическую литературу и представляет большой интерес для самого широкого круга читателей.

«МОНГОЛИЯ И СТРАНА ТАНГУТОВ»¹

«Есть счастливые имена, которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли Русской нашелся хоть один сколько-нибудь образованный человек, который не знал бы, что это за имя. Имя Пржевальского будет отныне символом бесстрашия и энергии в борьбе с природой и беззаветной преданности науке...» С такими словами обратился неперменный секретарь Академии наук К. С. Веселовский 10 января 1883 года к великому русскому путешественнику, вручая ему медаль, выбитую в его честь.

Книга Николая Михайловича Пржевальского «Монголия и страна тангутов» занимает выдающееся место в мировой географической литературе. Не одно поколение зачитывалось увлекательным описанием замечательного путешествия Пржевальского. Это путешествие, совершенное в 1870—1873 годах, обогатило науку

¹ Н. М. Пржевальский Монголия и страна тангутов. М., Детгиз, 1946 г.

множеством важных сведений о неведомой Центральной Азии, ее природе, своеобразном быте населяющих ее народов.

В своих экспедициях Пржевальский прошел более 32 тысяч километров пути, из них в монгольском путешествии около 11 тысяч. «Три года сряду выносили мы борьбу со всеми трудностями странствования в диких странах Азии», писал Пржевальский в предисловии к своей книге «Монголия и страна тангутов».

Много «белых пятен» на географической карте таинственной Азии уничтожил отважный путешественник вместе со своими верными спутниками, тысячи экземпляров растений и животных были собраны и привезены в Россию. Одних только птиц было открыто до 20 новых видов. Зоология, ботаника, метеорология и чело-

век — все были охвачены в одном целом в описании Пржевальского и имели отражение в его сборках», писал выдающийся русский географ Ю. М. Шокальский.

В 1875 году книга «Монголия и страна тангутов» вышла в свет. Она имела шумный успех, ее перевели на многие европейские языки. Перед читателями этой замечательной книги открылся новый, дотоле неизвестный мир, природа и люди азиатских стран — необозримые пространства пустынь, горы Ала-Шаня, голубое озеро Куку-Нор, своеобразный быт кочевых народов Монголии и Тибета — все это жило на страницах книги, написанной человеком редких и многогранных способностей.

Широкий и любознательный ум Пржевальского живо интересовался всем, что приходилось ему встречать в своих путешествиях. Он описывает и свои маршруты, и растительность, и животный мир, и быт жителей, их нравы, приводит много интересных, подчас очень красивых легенд, которыми так богата Азия.

С 1875 года книга Пржевальского ни разу не переиздавалась, и появление ее сейчас, в новом издании, — приятное событие в нашей литерату-

СОДЕРЖАНИЕ

Советские географы и геологи — лауреаты сталинских премий 2

Б. Азбукин
Севано-Зангинский каскад 6

Я. Иселиани
Поход «Гвардейки» — Рис. С. Боим 11

Проф. В. П. Зенкович
Город на Лене 17

Г. Алова
В долине Вахша 20

И. Валентинов
Каир — Аддис-Абеба — Тегеран — Рис. К. Эдельштейна 24

А. Шахов
По глухим тропам Зеравшанского хребта 29

П. Мануйлов
Дочь болгарского народа — Вела Пеева — Рис. А. Яроцкого 37

С. Лялицкая
Горы в степи 42

В. Охотников
В глубь земли — Рис. А. Таран 45

О. Баян
Знаменитый исследователь Центральной Азии — Рис. В. Федяевской 52

Е. Козлова
Ноин-ульские курганы в Северной Монголии (из дневника путешественника П. К. Козлова) 56

К. Зеленов.
Поиски древнего города 59
Новые зверьки в фауне Азербайджана 61
Нам пишут 62
В мире книг 62

На обложке в рамке: цветная гравюра на дереве художника М. И. Пикова. Иллюстрация к армянскому эпосу — Давид Сасунский.

★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К 5-24-71

★
Принятые рукописи
не возвращаются.

ре. Издательство сделало все, чтобы выпустить эту классическую книгу в надлежащем виде. Она напечатана на хорошей бумаге, с изящными виньетками, в твердом, красочном переплете, снабжена многочисленными крупными и хорошо исполненными иллюстрациями на вкладных листах. К книге приложены схематические карты путешествий Пржевальского, составленные по его собственным съемкам и потому имеющие документальную ценность.

Со времени написания книги прошло семьдесят лет. За эти десятилетия географическая наука шагнула далеко вперед, и, разумеется, труд Пржевальского уже не может отражать современных знаний о природе и населении Центральной Азии. Особенно относится это к этнографическим данным. Достаточно сказать, что так ярко описанная Пржевальским дикая Монголия превратилась

в Монгольскую Народную республику, твердо вставшую при помощи Советского Союза на путь самостоятельного развития. Новый быт пришел в современную Монголию вместе с промышленностью, грамотностью, научной медициной, сменяющей древнюю тибетскую медицину. Пржевальский не узнал бы сейчас страну, куда он вступил семьдесят лет назад, как отважный пионер и открыватель новых земель.

Редактор Э. М. Мурзаев снабдил книгу обширной вводной статьей, где излагается красочная биография Пржевальского и история его путешествий.

Очень полезны обстоятельные примечания, помещенные в конце книги. Жаль, что нет списка литературы о Пржевальском и его открытиях.

Ю. Миленушин

ОТВЕТЫ НА РАССКАЗЫ-ЗАГАДКИ¹

ИСЧЕЗНУВШАЯ
ОБСЕРВАТОРИЯ

Неудача, постигшая астронома Жансена, была не случайна. Еще в 1827 году геолог Хюги построил в горах каменную хижину. Через три года хижина спустилась вниз на 100 метров, а через 13 лет ее развалины были обнаружены за полтора километра от того места, где она была сооружена.

В тех же горах другой ученый, Агасиц, построил себе пристанище под огромным камнем. И этот домик вместе с нависшим над ним камнем стал спускаться вниз.

Все дело в том, что Жансен, Хюги и Агасиц строили свои домики на льду. А лед тает быстрее, чем вода, только гораздо медленнее. Ледяные реки, — ученые их называют ледниками, — бывают в десятки и сотни метров «глубиной». В Альпах, на одну из вершин которых поднялся Жансен, чтобы наблюдать за солнцем, ледники движутся со скоростью от 10 до 40 сантиметров в сутки. За зиму обсерватория, построенная на леднике, могла спуститься уже на несколько десятков метров. И все-таки ученые-астрономы пошли по следам Жансена. Современные обсерватории часто строятся в горах, где пыльный и плотный воздух внизу не мешает улавливать лучи солнца и звезд. Но теперь уже фундаменты обсерваторий укрепляют не во льдах, а в скалах.

ТАЙНА ПОДВОДНОГО
ГРУЗА

Льдины, оторвавшиеся от ледников Гренландии и других северных островов, часто уносят на себе к югу камни. Когда лед тает, эти камни идут на дно и могут попасть на палубы затонувших кораблей.

¹ См. «Вокруг света» № 6 и 7 за 1947 г.

НА ПОВЕРХНОСТИ
ЛЕДЯНЫХ РЕК

Большие толстые камни защищают снег от таяния. А мелкие камни, прогревающиеся солнцем насквозь, наоборот, как бы прожигают снег. Вот почему крупные камни оказываются лежащими на столбах из нарастающего льда, а мелкие камни погружаются в ледяные колодцы.

БЕСПОКОЙНЫЕ УЧЕНЫЕ

Широту любого места в Северном полушарии легко определить по высоте над горизонтом Полярной звезды: на полюсе Полярная звезда всегда находится прямо в зените, у экватора она всегда расположена под самым горизонтом.

Гораздо сложнее определить долготу. Но в ночь равноденствия солнце скрывается за горизонтом ровно в 6 часов по местному времени. Часы на пароходе показывали нью-йоркское время.

Разница между этими временами позволяет вычислить, насколько восточнее Нью-Йорка находится пароход, поскольку один час соответствует сменению на 15 градусов на восток или на запад.

В ближайшие после равноденствия дни ученые могли так же, хотя и с меньшей точностью, определить долготу в момент захода солнца, зная, что длительность дня ежесуточно убывает в период осеннего равноденствия примерно на две минуты. Чтобы спутать ученых, командование распорядилось потихоньку от них перевести часы.

ПРОТИВ ВЕТРА

На глубоко сидящие в воде айсберги ветер оказывает в пять раз меньшее действие, чем на плавающие у поверхности льдины. Поэтому льдины, как и парусные суда, движутся по ветру, а айсберги часто несутся против ветра морскими течениями.

Редакционная коллегия: И. В. Иноземцев (редактор), Д. Л. Арманд, Н. Н. Михайлов, анад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцева

Оформление худ. Б. В. Грозевского.

Техн. редактор А. Губер.

Подписано в печати 9/VIII 1947 г. А08704. Бумага 60x92 см ¹/₁₆. 8 печатных листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Зак. 1423
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

ЮБИЛЕЙ УХТИНСКОЙ НЕФТИ

Семьдесят пять лет прошло с того времени, когда исследователь богатств русского Севера М. К. Сидоров заложил буровую скважину на реке Ухте в Печорском крае. Это была одна из первых нефтяных скважин в России. (Одновременно с ухтинской была заложена скважина на Апшеронском полуострове.) Сидоров не сомневался в успехе своего предприятия. Но царские чиновники не поддерживали начинаний Сидорова, и он не смог приступить к промышленной добыче нефти на Ухте.

М. К. Сидоров — известный общественный деятель. Особенно много заботился он о Печорском крае. Среди его многочисленных трудов по различным отраслям знаний имеется работа, посвященная северной нефти — «О нефти, на Севере России» (СПб., 1882).

Богатейший архив М. К. Сидорова хранится ныне в Академии наук СССР.

Ровно за сто лет до того, как Сидоров начинал добычу нефти на Ухте, академик Лепехин опубликовал некоторые данные по истории северных нефтяных промыслов. Он упоминал, например, об архангелогородце Федоре Пяудунове, добывавшем ухтинскую нефть еще в XVIII веке. В наше время на Ухте нефть добывается в огромных количествах. Советские нефтяники охраняют место, где была заложена сидоровская скважина и где установлена памятная доска с указанием года (1872).

Наша ЛЕТОПИСЬ

Сто лет назад была открыта знаменитая рукопись М. В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Этот труд был передан Ломоносовым русскому правительству 20 сентября 1783 года. Ломоносов заботился об «утверждении и умножении российского могущества на Востоке». Он в «Кратком описании» доказывал возможность сквозного плавания от Новой Земли до Чукотского Носа и считал, что Северный морской путь можно освоить «неутомимыми трудами нашего народа». В год составления

Ломоносовым «Краткого описания» русские люди уже проникли на острова Кадьяк и Уналашка у побережья Северной Америки, острова Диомиды (Гвоздевы) на рубеже Старого и Нового Света, исследовали Чукотку, Медвежий остров, Чаунскую губу. Ломоносов отыскивал простых и отважных русских людей, изучавших Шпицберген, Новую Землю, Берингово море, Алеутские острова. От них он получал сведения о состоянии льдов, карты, описания дальних плаваний на Западе и Востоке Северного морского пути.

Так сам народ помогал великому ученому в его неустанных трудах.

По ТРЕМ ЧАСТЯМ СВЕТА

Двести лет назад в Киев возвратился из путешествия, которое длилось двадцать четыре года, замечательный русский самородок Василий Григорович-Барский.

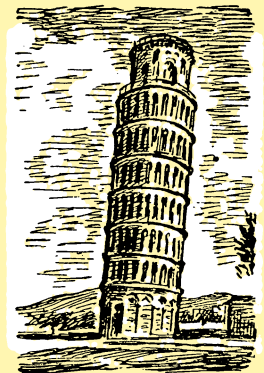
Через 35 дней после возвращения он умер от недугов, приобретенных в долгих походах. Пылкий путешественник, краида совершенная больших наук, исходил пешком Галицию, Венгрию, Австрию, острова Корфу, Хиос, Кипр, Патмос, часть Италии, Египет, Аравию, Турцию, Молдавию, Польшу, Болгарию, Румынию. В Риме и Дамаске, Триполи и Каире, Иерусалиме и Константинополе Григорович-Барский изучал местные достопримечательности, делал зарисовки пером, вел дневники своих наблюдений за жизнью народов трех частей света. Он работал в книгохранилищах городов Востока, разыскивая рукописные сокровища древности. Дневники Григоровича-Барского с описанием его скитаний были впервые опубликованы в 1778 году. Русская Академия наук выпустила четыре издания книги Григоровича.

ТРУДЫ Ивана ПОСОШКОВА

250 лет назад, на «Сервантском дворе», в селе Преображенском под Москвой Иван Посошков показывал Петру Великому свое изобретение — прибор для круговой стрельбы из пищалей. Иван Посошков — «в художестве работник, в чине земледелец» — происходит из рода серебряных дел мастеров, живших в селе Покровском-Рубцове, что на Юзе.

Он был искусным чеканщиком монет, военным изобретателем, «фонтанным мастером», химиком, искателем руд и писателем.

«Не знаю, чего бы у нас на Руси не сыскать», писал он об открытых им образцах нефти и других ископаемых. Он путешествовал в Стокгольм, на Кольский берег, в Приладожье и Заонежье, в русские степи.

Составил Сергей Марков

Знаменитый русский путешественник и неутомимый исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов прославился своими экспедициями в мертвый город Хара-Хото и Ноин-Ула.

Петр Кузьмич был избран почетным членом Русского географического общества и награжден медалью имени Прижвальского, состоял почетным членом географических обществ многих зарубежных стран.

На рисунках художника В. Федяевской изображены: сверху — мертвый город Хара-Хото, внизу — работа экспедиции на кургане в горах Ноин-Ула.

Слева — предметы древности, найденные экспедициями Козлова:

1) Гранитная черепашка весом более 1,5 тонны (урочище Улхуйи-Булуу в долине реки Голы).

2) Одна из статуй, найденных в знаменитом субургане Хара-Хото.

3) Лаковый рисунок на дне гроба из могильника в Ноин-Ула (Мокрый курган).

